

Джефф Питерс Великолепная семерка

Великолепная семерка – 1

Г.Любавин: gurongl@rambler.ru <http://book.pp.ru>
«Джефф Питерс. Великолепная семерка»: Гелеос; 2002
ISBN 5-8189-0143-2

Аннотация

Когда по вине бандитов плачут старики, женщины и дети, должны найтись мужчины, способные остановить грабителей. Это – «великолепная семерка» – шестеро смельчаков во главе с легендарным Крисом. Их оружие не дает осечки, кони не знают усталости, а сердца – страха...

Джефф ПИТЕРС ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА

ВОЛКИ В ДОЛИНЕ

Каждый раз, когда приходилось спускаться с гор в долину, дон Хосе Игнасио де Рибейра Кальвера, благородный предводитель полусотни рыцарей без страха и совести, чувствовал себя неуютно. Он предпочел бы оставаться под пологом горного леса и отправлять вниз за провиантом десяток надежных парней во главе со своим первейшим помощником Сантосом. Но горький жизненный опыт подсказывал ему, что даже самые надежные парни, спустившись в долину, могут утратить свою надежность и не вернуться. Поэтому и приходилось ему поднимать всю банду и отправляться вниз.

Высокие горы окружали долину со всех сторон, надежно ограждая ее от внешнего мира. Но они же и задерживали дожди, питавшие ее влагой. Казалось чудом, что на пологих склонах гор росли кукуруза и фасоль, перец и томаты, авокадо и картофель. Чудо сотворили человеческие руки. Трудолюбивые жители долины проложили оросительные каналы, вырубili непроходимые заросли мескита на склонах и бережно ухаживали за каждым ростком.

На этой земле, высушенной солнцем и ветрами докрасна, работали люди с такими же красными, выжженными лицами. На них были широкополые соломенные шляпы, белые домотканые рубашки и штаны. В такой одежде удобно работать под жгучими лучами. Просто скроенная и крепко сшитая, она долговечна, поэтому крестьяне носят ее всю жизнь. Иногда она долговечнее, чем сами люди.

Банда Кальверы спустилась по горной дороге и напрямик через поле поскакала к деревне. Люди в белом почтительно замирали при виде кавалькады. Те, кто склонился с мотыгами в руках, не разгибались, а поднявшие мачете не опускали его. И даже тощие мулы застыли у дороги, словно каменные изваяния, увидев, как замерли их погонщики.

Кальвера знал, что одно его имя вселяет в этих людей леденящий, парализующий страх. Это было лестно, хотя и забавно – нищим крестьянам незачем было бояться его. Они не представляли для него никакого интереса.

Этого волка интересовал скот. Рыжие и пятнистые коровы, пегие и каурые лошадки, статные волы и безликие овцы.

Дон Хосе Игнасио де Рибейра Кальвера занимался, выражаясь языком гринго¹, простым бизнесом. Отбить стадо, разогнав или убив пастухов. Переклеймить скот тавром «решетка», которое перекрывает любые другие знаки, перегнать его через реку и выгодно продать скотопромышленникам, которые не обращали внимания на мелочи вроде тавра.

Это был несложный и выгодный бизнес. Его даже удивляло иногда, почему все поголовно не занимаются таким легким делом в этих благословенных краях? Неужели кому-то могла нравиться жизнь фермера? Вечно ковыряться в земле, возить воду для полива, пасти баранов, доить коров? Эти люди неспособны на большее, решил для себя Кальвера, подъезжая к деревне и оглядывая их убогие хижинки.

Люди в белом застыли, провожая всадников испуганными взглядами. Банда, вздымая густую рыжую пыль, прогарцевала мимо навесов и сараев, крытых тростником, мимо полуразвалившейся церкви, мимо облупленных домиков.

Разделившись на группы по трое-четверо, бандиты разъехались в разные стороны, уверенно находя дорогу к знакомым амбарам и погребкам.

Кальвера спешил к безводному каменному фонтану, рядом с домом лавочника Сотеро. Хозяин лавки уже стоял на пороге с видом покорного страдания.

В отличие от своих нищих односельчан Сотеро не носил белых одежд. Его новая розовая сорочка с мелким узором была опоясана высоким кушаком. За его спиной в полутемном проеме двери мелькнула широкая фигура его жены, в запоздалой панике вынимающей золотые серьги из ушей.

– Друг мой драгоценный, Сотеро! Как я рад наконец-то тебя видеть! – воскликнул Кальвера, похлопав лавочника по плечам. – Налей-ка мне чего-нибудь!

Он деловито прошелся по веранде, умылся в глиняной бочке с питьевой водой и вытер лицо шейным платком.

– Если бы ты только знал, Сотеро, как приятно бывать в вашей деревне. Сердце мое наполняется радостью, когда я вижу тебя и эти ухоженные поля. Благословенный край...

Кальвера по-хозяйски расположился за столом на веранде. Трое телохранителей во главе с верным Сантосом остались снаружи, почтительно присев на крыльце. Остальные бандиты, не обращая внимания на причитания женщин и угрюмые взгляды фермеров, уже выючили на своих лошадей мешки и тюки, связанных кур и прочую добычу.

Лавочник, подобострастно изогнувшись, поставил на стол стаканчик с сигарами и глиняную чашку с пульке.

Кальвера, отхлебнув, принялся беседовать с хозяином. Чем еще усталый путник может отплатить за гостеприимство, как не приятной беседой?

– Сотеро, драгоценный друг мой, до чего же тяжелые времена настали для порядочных

¹ Гринго – презрительное название жителей США в странах Центральной Америки.

людей. Сигару мне! Да... Ты не представляешь, как низко пала нравственность в этом мире. Жадность и коварство правят людьми, жадность и коварство. Никому нельзя довериться, и никто не хочет уступить даже половинку зернышка. А как они стремятся к роскоши, Сотеро! Ты бы видел их женщин! Куклы, увешанные золотом и драгоценностями! Ни стыда, ни совести. Как можно утопать в роскоши, отворачиваясь даже от Бога? Да, друг Сотеро, отворачиваясь от Бога! Мы тут были в Сан-Хуане, заглянули в церковь. Это богатый город, и жители его утопают в роскоши, а на женщин просто глазам больно смотреть. И как ты думаешь, что нашли мы в их церкви? Думаешь, золотые подсвечники и полную дароносицу? Ты жестоко ошибаешься, друг мой, жестоко! Медные подсвечники – вот и все, что мы увидели в их церкви!

– Ничего, – вставил Сантос, ухмыляясь, – мы и медные прихватили.

– Прихватили, но я не об этом, – повернулся к нему Кальвера, нахмурившись. – Я хотел, чтобы мой друг Сотеро увидел, как мало теперь люди боятся прогневить Господа.

– Это я и так вижу, – не удержался Сотеро.

– Ах, ты видишь?! – Кальвера вспыхнул и влепил лавочнику звонкую пощечину. – Так закрой глаза, чтоб не видеть! Нет, ты только посмотри, Сантос, он видит! Он еще смеет меня осуждать!

В ярости он вскочил и навис над посеревшим лавочником:

– Я защищаю его от солдат, а он смеет меня осуждать! Я должен заботиться о своих людях, дать им кров, еду, одежду, а он смеет меня осуждать! Тяжелые времена настали для нас, за каждую крошку надо драться, а он смеет меня осуждать!

Он добавил пару пощечин для убедительности и встал из-за стола, прихватив оставшиеся сигары из стаканчика. Сотеро стоял в той же позе, в какой застигла его первая пощечина, и даже лицо его словно окаменело. Один глаз остался зажмуренным. Вторым, полуоткрытым глазом Сотеро, не поворачивая головы, следил за своим вспыльчивым гостем. Заметив это, Кальвера поглядел на хозяина так, что бедный лавочник зажмурил оба глаза и опустил голову.

– Вот так-то, драгоценный друг мой Сотеро, – удовлетворенно произнес Кальдера. – По коням!

Бандиты, нагрузив лошадей, съезжались на площадь, а крестьяне обреченно и безучастно смотрели, как безвозвратно ускользают от них плоды их долгих и тяжких трудов. Маисовая мука, из которой можно было выпечь столько вкусных лепешек и порадовать детей в праздник, теперь достанется чужакам, грязным и ничтожным пришельцам, которые не работали ни одного дня в своей грязной и ничтожной жизни...

Кальвера забрался в седло и приготовился произнести прощальную речь:

– Мы еще вернемся в эту чудесную деревню. Да, друзья мои, тяжелые времена настали для всех нас...

Его речь, обращенная к оцепеневшей толпе, была прервана криком: «Вор! Убийца!». Из толпы вырвался здоровяк в белом и, размахивая мачете, кинулся к главарю бандитов.

Между ним и Кальверой было два десятка шагов. Он не успел пробежать даже половины расстояния. Кальвера навел на него свой блестящий револьвер и прищурил один глаз, тщательно целясь. Крестьянин, словно зачарованный блеском оружия, замедлил бег, но тут же замахнулся своим мачете, явно собираясь метнуть его и опередить противника...

Громко и раскатисто ударили два выстрела, и в толпе вскрикнули женщины. Крестьянин охнул, выронил мачете и, сделав несколько неуверенных шагов на подгибающихся ногах, тяжело рухнул на землю лицом вниз. На его спине ярко краснели два пятна. Они быстро расплывались, просачиваясь сквозь белую ткань и сливаясь в одно большое пятно.

К упавшему подбежала женщина и принялась обнимать его, причитая:

– Убили! Нет! Рафаэль! Рафаэль!

Кальвера, выразительно оглядев толпу, вложил дымящийся револьвер в седельную кобуру. Одним муравьем меньше. Это будет им хорошим уроком.

– Нас перебили, Сотеро, – сказал он. – Ничего. Мы продолжим нашу беседу в следующий раз. Меня ждут неотложные дела на другом берегу. Недели через две я вернусь, готовьтесь. Адюос!

Как только всадники скрылись за стеной поднявшейся рыжей пыли, на площадь выбежали женщины и сгрудились над трупом и рыдающей вдовой. Медленно подошли сюда и мужчины в своих белых одеждах и соломенных шляпах.

Сотеро с ненавистью смотрел вслед бандитам. И чем мельче становились фигурки всадников, тем крепче сжимались его кулаки и тем сильнее играли желваки на скулах. Он подошел к убитому и распорядился:

– Позаботьтесь о бедном Рафаэле.

Тело убитого унесли в тень часовни, кровавую полосу на площади засыпали песком. Казалось, ничто уже не напоминало о трагедии. Но мужчины, собравшиеся на площади, не спешили расходиться и возвращаться к брошенной работе. Еще никогда их бесконечный труд не казался им таким бессмысленным.

– Если Кальвера еще раз заберет наш урожай, пусть тогда лучше сразу перестреляет всех нас! – закричал вдруг один крестьянин. – Чтоб не мучились больше!

– Надо уезжать отсюда, – предложил молодой крестьянин. – Есть же и другие места, не хуже нашей долины.

– Когда-то наши отцы смогли переселиться сюда, неужели мы не сможем повторить то, что они сделали?

– Говорят, за горами много свободной земли...

– Да, наверно, придется уехать...

– Уехать? – переспросил Сотеро. – И бросить все хозяйство, все наши дома?

Крестьяне переглянулись. Настоящий дом был только у самого Сотеро. И хозяйство у него было большим, с лошадьми и коровами. Остальные ютились в глинобитных хижинах и держали разве что коз. Но и козу бросать было жалко.

– Надо спрятать от бандитов урожай!

– Давайте выкопаем новые тайники!

– От Кальверы не спрячешь...

– У него нюх, как у голодного койота.

– Он насквозь видит, где лежит еда.

– А если и не увидит, то ты сам ему расскажешь, когда будешь висеть на собственных кишках.

– Тогда надо попросить его, чтобы оставлял чуть побольше, он же должен понять...

– Он не поймет. Он только еще больше разозлится, – сказал Сотеро. – Нет, уж лучше пускай все остается по-старому. Не при нас это началось. Не мы первые, не мы последние...

– Если все останется по-старому, мы передохнем, как мухи, – заявил круглолицый крепыш. – Надо действовать!

– Рафаэль уже попытался действовать, – сказал Сотеро. – Ты тоже хочешь, Рохас?

Рохас опустил голову, и взгляд его упал на темное пятно, которое все сильнее просвечивало сквозь песок. Он хотел возразить, но его опередил худой долговязый сосед.

– Мы работаем от зари до зари, а наши дети ложатся спать голодными! Пора кончать с такой жизнью!

– Верно, Хилларио!

– Хватит! Натерпелись!

– Пора кончать!

– Я согласен с вами, – сказал Сотеро. – Но как мы можем с этим покончить?

Лавочник Сотеро привык, что его слово оказывается решающим, о чем бы ни заходил разговор. Когда-то в его каменном доме жил староста, а в доме напротив – местный священник. И в те давние времена решающее слово было за ними. Но староста умер, а нового никто не назначил. Умер и священник, но место так и осталось свободным. Два-три раза в месяц приезжал священник из соседнего селения, несколько раз в году заглядывал в

деревню какой-нибудь чиновник от губернатора. Но дорога через горы становилась все опаснее, и крестьяне постепенно привыкли обходиться без властей.

Они работали на общинной земле, урожай делили по количеству ртов в семье, а Сотеро время от времени возил на ближайший рынок то, что они могли продать. Крестьяне были признательны ему за это, потому что никто из них не мог оторваться от своего хозяйства даже на день, а вылазка на рынок отняла бы не день, а неделю. Иногда Сотеро на своих мулах добирался даже до города и при удачной торговле возвращался оттуда с тканями, инструментами и другими товарами.

Сотеро был для крестьян единственным источником городских новостей, которые потом целый месяц обсуждались каждый вечер в его лавке за кружечкой пульке. Он знал, что творилось в городе, он видел мир за пределами долины. Неудивительно, что последнее слово в споре должно было оставаться за ним.

Но сегодня он и сам не мог сказать это последнее слово, а только спрашивал: «Как с этим покончить?»

Крестьяне примолкли, растерянно переглядываясь. Они не привыкли отвечать на такие вопросы. И Рохас сказал:

– Надо идти к Старiku.

* * *

Старик жил на горе. Когда-то он ушел из деревни, не поладив со старым лавочником, дедом Сотеро. С тех пор под крышами деревенских хижин выросло не одно поколение, но все с малолетства знали, что Старик ответит на любой вопрос. Его можно было спросить о сроках высадки кукурузы и о способах лечения золотухи, он толковал сны и предсказывал погоду. Когда-то он подсказал, как вывести с полей зловредного жучка. Наверняка он и от Кальверы что-нибудь подскажет, решили крестьяне и отправили к Старiku делегатов: крепыша Рохаса, долговязого Хилларио и молодого Мигеля.

Старик выслушал делегатов, оглядел их и сказал коротко:

– Придется драться с ними.

– Что? – переспросил Рохас, будто он и слова такого не слыхивал. – Как? Драться?

– Да. Драться. Воевать. Вы знаете, как поступают гринго, когда их скот угоняют? Они собираются все вместе, все соседи, все жители деревни. И ловят воров. Сами. Никого не спрашивают. Ловят сами, и сами судят, вешают на ближайшем дереве. А если воры объединяются в банды и начинают стрелять, то все соседи тоже создают отряды и тоже стреляют. Чтобы защитить себя, надо драться.

– Чем? Вилами, что ли? – спросил Хилларио. – С камнями и палками, с голыми руками против винтовок и револьверов?

– Купите себе винтовок за рекой, – сказал Старик. – Там такого товара в избытке.

– На что же мы их купим? – спросил Рохас. – Кальвера все увез с собой. У нас нет ни зерна, ни лошадей. Нам нечего предложить взамен.

– Нечего? – Старик выложил на стол блестящую луковицу на цепочке. – Вот, продайте. Это часы. Мне они уже не нужны, а вам за них дадут деньги. Продайте их, продайте все, что наберете в деревне. И пусть Сотеро поищет в своей кубышке. Когда-нибудь Кальвера и у него отнимет последний кусок. Если Сотеро хочет, чтобы деревня сохранилась, он добавит вам денег. На них вы сможете купить себе оружие, чтобы драться.

– Хорошо, мы купим оружие, – сказал Рохас. – Но мы простые крестьяне. Мы умеем пахать и сеять. Никто из нас не умеет убивать.

– Придется научиться, – сказал Старик. – Иначе убьют вас.

ПЛОДЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Убивая время на площади приграничного городка, Крис Беллоу уже давно украдкой

наблюдал за парой приличных джентльменов, ожидавших дилижанса. Они вели себя скромно, но с достоинством. Зайдя за ними в салун, он отметил, что они не играли в карты и ни разу не заказали виски. Один из них иногда прикладывался к фляжке, которую доставал из внутреннего кармана, но не слишком часто. Джентльмены съели по одной порции бобов с мясом, выпили по одной чашке кофе. И ни на миг не выпускали из рук свои потертые саквояжи. Парочка типичных бродячих коммерсантов мелкого калибра.

Однако знакомый буфетчик рассказал Крису кое-что интересное. Оказывается, накануне, когда после традиционной потасовки из окна борделя на дорогу выпал какой-то малый с простреленной головой, скромные коммерсанты не поленились обратиться к владельцу похоронного бюро, располагавшегося тут же на площади вместе с остальными городскими заведениями, и заплатили ему двадцать долларов за похороны.

Двадцать долларов за похороны незнакомого человека? Люди, которые так легко расстаются с двадцаткой при виде чужой смерти, серьезно заинтересовали Крису. Сегодня он не отказался бы и от лишнего цента. И ему все сильнее хотелось подсесть к этим джентльменам в дилижанс, чтобы в пути незаметно выяснить, сколько они готовы заплатить за свои жизни. А потом при удобном случае осуществить с ними несложную финансовую операцию.

Но дилижанс еще не прибыл, а у джентльменов, похоже, уже возникли проблемы.

На площади собралось много людей. Ковбои, ожидавшие отправки на ранчо, местные жители, бродяги. Это были разные люди. По-разному одетые, на разных стадиях истощения или ожирения. Разных политических убеждений. Но сейчас их объединяло одно – все они хранили напряженное молчание.

Посреди площади стоял катафалк, запряженный парой черных лошадок. Судя по запаху, карета скорби была занята клиентом, причем давно. Припекало солнце, и жирные блестящие мухи жужжали вокруг катафалка, пытаясь проникнуть за его створки.

Нездоровая тишина была нарушена, когда на площади появилась пара приличных джентльменов в котелках и с саквояжами в руках.

– А вот и вы! Хорошо, что я вас дождался! – произнес владелец катафалка, смущенно приглаживая седые волосы.

– Как идет церемония? У вас прекрасное оборудование, – сказал коммерсант постарше, кивнув в сторону экипажа.

– Мне очень жаль, но церемония отменяется.

– Почему? Есть проблемы?

– Я сделал все, что мог. Могила готова, покойный лежит в гробу. Но похороны отменяются.

– Да, но мы заплатили вам. Появились новые расходы? Мы доплатим.

– Какие расходы? – владелец похоронного бюро обиженно приподнял брови, давая собеседникам понять, что он имеет дело не с ночным извозчиком. – У меня стандартная такса для всех. Но сейчас похороны придется отменить.

– Ничего не понимаю, – коммерсант обвел взглядом собравшуюся публику. Люди старательно отводили глаза, и он не мог прочитать в них ни поддержки, ни осуждения. – Вам хочется выполнить работу, за которую вам заплатили. Мне хочется, чтобы была сделана работа, за которую я заплатил. Готов поспорить, что покойник тоже не возражал бы, чтобы вы сделали свою работу, и поскорее.

– Брат мой, вы поступаете как истинный христианин, вы исполнили свой долг, и все-таки...

– Какой долг, какой долг? Это не долг, это гигиена. Я коммивояжер. Я торгую дамскими корсетами. Но когда человек два часа валяется на улице и никто даже не почешется, я не могу оставить все как есть. Я поступил, как нормальный порядочный человек, и все!

– Ничего не поделаешь, – вмешался второй джентльмен в котелке. – Пойдем, скоро прибудет дилижанс.

– Мы не можем уехать, не доведя дело до конца, – возразил коммерсант своему компаньону. – Нет, так или иначе, но хоронить все равно придется. Скажу вам как специалист по продажам. Некоторым товарам категорически противопоказана жара.

– Брат мой, я понимаю это лучше многих, но... – владелец похоронного бюро оглянулся и снова пригладил волосы. Чувствовалось, что ему не по себе.

– Говорите смелее, – попросил коммерсант.

– Население города... Видите ли, то, что вы затеяли... Не всем нравится эта идея.

– Чем же она им не нравится?

– Им не нравится, что покойный будет лежать на их кладбище.

– Неуместная разборчивость! – заявил коммерсант. – Знаю я ваш город. Знаю, кто лежит на вашем кладбище. Одни бандиты и пьяницы. Чем их не устраивает компания нашего клиента?

– Мне очень жаль, брат мой. Но там лежат белые. А бедолага Сэм... – владелец похоронного бюро развел руками и оглянулся на катафалк, словно извиняясь перед усопшим. – Он был индейцем.

Коммивояжеры переглянулись. Тот, кто был помоложе, понимающе закивал. Но его настойчивый компаньон не проявил той деликатности, которой требовала ситуация, и громогласно выругался, нарушив благочестивую атмосферу:

– Дьявол! Сукины дети! Оказывается, у вас тут недостаточно быть просто покойником, чтобы пробиться на кладбище! Чертовы засранцы! Они могли пить в одном кабаке с этим индейцем? Могли посещать один и тот же бордель? Почему же их не может обслужить одно и то же кладбище?

– Цивилизация, брат мой, цивилизация добралась и до наших краев. Против нее не пойдешь. Хотя лично я не могу принять такие порядки, – заявил владелец похоронного бюро. – Я считаю, что все люди равны. По крайней мере, когда становятся моими клиентами.

– Так поступайте согласно вашим убеждениям и командуйте «вперед»!

– Не могу. Некому приказывать. Кучер сбежал.

– Что, нельзя найти другого на один рейс?

– Никто не согласится рисковать головой ради какого-то... – владелец похоронного бюро вспомнил о своих убеждениях и закончил фразу немного иначе, чем собирался: —... ради какого-то одного рейса.

Коммивояжеры растерянно оглядывались. Владелец похоронного бюро вытирал взмокший лоб и влажной ладонью приглаживал волосы.

Над площадью снова повисла гнетущая тишина. Мухи жужжали все торжественнее, словно празднуя победу. Возможно, они слышали, о чем шел спор, и заранее радовались тому, что тело будет выброшено из закрытого катафалка в ближайшую помойную яму.

Крис не выдержал накатившего приступа отвращения. Нет, к трупам он был равнодушен. И мух мог терпеть сколько угодно. Но ему стало невыносимо, до тошноты противно стоять среди толпы потных уродов. Конечно, если ты собираешься заняться чужим кошельком, не стоит привлекать к себе внимание раньше времени. Но он уже забыл о своих планах.

– Один рейс? – громко спросил Крис. – Если вся проблема только в этом, я отвезу вашу колымагу до места.

Он надвинул шляпу поглубже на обритую голову и ловко забрался на место возницы. В толпе прокатился ропот, и Крис услышал: в толпе шелестит его имя. «Плохо, – подумал он. – Уже и здесь меня узнали. Спрашивается, зачем надо было скоблить череп?». Оставалось только надеяться, что ближайший дилижанс не привезет стопку афиш с его портретом и мрачной надписью «Разыскивается».

Крис перехватил вожжи одной рукой, второй потянулся в нагрудный карман за сигарой. Он видел, как люди в толпе следят за каждым его движением. Видимо, они ожидали, что он выхватит оба револьвера и спрячется под сиденьем, чтобы благополучно доехать до конца траурного маршрута, не получив при этом порцию свинца. Но Крис

оставался сидеть на облучке, прекрасно понимая, какую ясную мишень представляет его фигура.

Из толпы вышел ковбой в пятнистой шляпе с ружьем в руке. Он широко улыбнулся Крису, ловко поднялся на катафалк и сел рядом. Крис заметил на его левой щеке три параллельных неглубоких шрама и спросил, коснувшись пальцем своей щеки:

– Что, дикая кошка?

– Это? Дикий порох, – непонятно ответил ковбой, переламывая ружье.

ВИНСЕНТ КРОКЕТ, СТРЕЛОК ПОХОРОННОГО ЭСКОРТА

Меня зовут Винсент Крокет. Стоя в толпе, я старался не высовываться. Мы, дезертиры, народ скромный. Спор о похоронах индейца забавлял меня, и только. Я прибыл сюда из краев, где индейцы прекрасно обходились без катафалков и персональных могил.

Их тела стаскивали в овраги и присыпали известкой, прежде чем завалить землей. Все трупы были оскальпированы солдатами-победителями, неграми из полка «бизонов». Очередное, и, похоже, последнее восстание шайенов было в очередной раз потоплено в крови. И я, Винсент Крокет, дезертир от кавалерии, простился с уцелевшими красными братьями, с которыми прожил полтора года, и каким-то чудом пробрался мимо патрулей сквозь кордоны. А потом двигался на юг, меняя имена в каждой новой гостинице.

Почему на юг? А вы посмотрите на глобус и все поймете сами. Те, кто, цепляясь за каждую трещинку, карабкается вверх – те лезут на север. А если человек катится кубарем или скользит вниз – он окажется на юге.

Что может быть южнее, чем Техас? Здесь было много таких, как я, которые скатились сюда из других участков глобуса. Никто не спрашивал лишнего, каждый сам рассказывал о себе только то, что считал нужным. И каждый старался показать все, на что он способен, потому что здесь не было другого способа завоевать уважение. Твое имя, происхождение, твои бывшие заслуги здесь ничего не значили. Здесь смотрели прежде всего на то, как ты делаешь дело, каким бы оно ни было, и как ты держишь слово, кому бы ты его ни дал.

Я кочевал из города в город, перегонял чужой скот, охранял чужие ранчо и старался оставаться незаметным. Со дня сотворения первого револьвера не было более мирного и уравновешенного ковбоя в Техасе. Наверно, мои ангельские крылышки показали шерифу из Ларедо подозрительно белыми, и однажды он пригласил меня к себе. Угостил конфискованным виски, поговорил о новых породах мясного скота, от истории животноводства перешел к истории вообще и рассказал, что его отец участвовал в обороне Ричмонда² до самого последнего дня.

«Сейчас уже не важно, кто на чей стороне воевал», – сказал шериф.

«Да, не важно, – сказал я. – Мой отец тоже там был, причем на той же стороне, что и твой».

«Я это понял по тому, как ты сидишь в седле», – сказал шериф и выложил на стол газету, присланную из Остина. Меня сразу привлекла фотография, изображающая офицера-кавалериста. Текст не задержал моего внимания, я пробежал его мельком (офицер считался пропавшим без вести... в плену у мятежных индейцев... есть основания считать его дезертиром...), а вот от снимка глаз было не оторвать. Перед выходом на зачистку бунтующей резервации мы минут десять позировали перед заезжим мастером дагеротипии.

«Не могу дать тебе на память эту газету, – с сожалением сказал шериф. – Перед отъездом можешь не заходить, попрощаемся заранее».

Что может быть южнее, чем Техас? Только Мексика. Необходимо было пересечь Рио-Гранде, чтобы на какое-то время оказаться вне поля зрения янки. А это следовало сделать скромно и незаметно. Так что, стоя в толпе таких же, как я, мужчин в пропыленных джинсах

² Ричмонд – оплот южан в Гражданской войне 1861—1865 гг.

и ковбойских шляпах, я вполне довольствовался ролью зрителя. Когда в повисшей тишине вдруг прозвучал издевательски едкий голос, и бритоголовый забрался на катафалк и взялся за вожжи, я понял, что придется сменить роль.

Все, что я знал о способах решения расовых конфликтов, свидетельствовало об одном. Человек гордится своим цветом кожи тогда, когда ему больше нечем гордиться. Следовательно, он полное дерьмо. Следовательно, и все его поступки будут на сто процентов состоять из натуральнейшего дерьма. Если такой человек осмелится стрелять, он будет делать это из-за угла, в спину и только из дробовика. В данном случае было совершенно очевидно, что бритоголовый наглец, бросивший вызов общественному мнению, не доедет до кладбища в одиночку.

Дело было не в том, что наглец мне чем-то понравился. И даже не в том, что, по мнению толпы, он был точь-в-точь неуловимый Крис Потрошитель Банков, только лысый. Вряд ли бы настоящий Потрошитель Банков стал околачиваться здесь с пустыми седельными сумками на плече.

Нет, дело было в другом. У нас, Крокетов, в роду заведено, что каждое дело следует делать только так, как его следует делать. А сейчас следовало прикрыть дерзкого возницу огнем, потому что сам он этого сделать не сможет, заняв руки вожжами.

Я одолжил у охранника дилижанса, ожидающего отъезда, дробовик и патроны, перемахнул через коновязь и подошел к катафалку.

Бритоголовый настороженно повернулся ко мне, но я улыбнулся и устроился рядом, перелаывая ружье.

– Э, нет, постойте, постойте, – запротестовал владелец похоронного бюро. – Что это вы затеяли? Для перестрелки поищите другое место. Моя колымага, как вы изволили выразиться, обошлась мне в восемьсот долларов! Это единственный катафалк на весь округ! Если вы его зальете своей кровью, кто мне его отмое? Не думаю, что вы будете в состоянии это сделать. И хуже того, в вас-то могут и не попасть, и тогда пули продырявят лакированное дерево! Вы знаете, сколько стоит черный лак? А стеклянные дверцы? Где я потом найду такое стекло, по-вашему?

За такие слова стоило бы продырявить его самого, но меня удержал голос из народа.

– Я готов заплатить за каждую дырку, лишь бы увидеть, как парни это сделают, – выкрикнул из-за изгороди широкоплечий бородач, у которого я взял ружье.

– Я тоже! И я плачу! – раздались голоса в толпе, и кто-то уже начал сбор денег для новорожденной страховой компании. Или букмекерской конторы.

Я тряхнул патрон возле уха и загнал его в ствол. Тряхнул второй – и вернул его обратно в патронташ. Третий патрон меня вполне устроил, и он занял свое место в стволе. Я вскинул ружье, приложился и повел стволом, описывая широкую восьмерку, чтобы освоиться с чужим оружием.

– Никогда еще не катался на катафалках, – сказал я. – Не думал, что удастся это сделать при жизни.

– Ничего сложного, телега как телега, – ответил бритоголовый, спокойно раскуривая сигару и незаметно оглядываясь. – Готов? Поехали.

Застоявшиеся лошади фыркнули, заскрипели колеса, и катафалк наконец-то сдвинулся с места. Следом за нами молча двинулась и толпа зрителей. На площади, в окружении растерянной стайки мух, остался только владелец похоронного бюро, пересчитывающий собранные деньги.

Главная – она же единственная – улица городка вела прямоком от площади на кладбище, плавно поднимаясь в гору. Заинтересованные зрители перебежали вслед за катафалком, держась поближе к стенам домов.

Бритоголовый продолжал незаметно оглядываться, сохраняя беспечно-презрительную улыбку.

В открытой набедренной кобуре я заметил у него легкий «смит-вессон» калибра «.22»³, и настроение у меня немного ухудшилось. Хороший револьверчик, легкий, приятный в обращении, и патроны к нему не занимают много места... Ничего не имею против продукции Смита и Вессона, но эта мелкокалиберная игрушка была бы более уместна при охоте на голубей. Поскольку сейчас мы сами находились в опасности, я бы предпочел, чтобы мой партнер сменил носимое оружие. Из его седельной сумки, которую он бросил под ноги, внушительно выглядывала рукоятка армейского кольта сорок пятого ⁴ калибра. Если дойдет до стрельбы, лучше бить наверняка. Чем здоровее пуля, тем спокойнее ведет себя противник после того, как ты в него попадешь. Причем неважно, куда попал. Сорок пятый калибр может успокоить одним только звуком выстрела и вспышкой, если же пуля попадет хотя бы в пятак, от такого удара с человека слетает шляпа. Человек – если посмотреть с точки зрения пули, что-то вроде мешка с водой. Крупная пуля солидно входит в этот мешок и остается там, и вся сила от ее удара разлетается в разные стороны, отбивая почки, печенку и прочий ливер. Мелкая пуля прощьет цель и полетит себе дальше безо всякой пользы. Я попытался выразительным взглядом передать партнеру свои баллистические соображения, но он, по-видимому, не собирался изменять своим городским привычкам.

Мне не нравилось его самоубийственное спокойствие, и я непрерывно вертел головой, держа ружье наготове, стволом кверху. При этом нам еще удавалось поддерживать непринужденную беседу, словно мы не двигались по пустынной улице под прицелом невидимых стрелков, а стояли рядом за стойкой бара.

– Давно здесь? – спросил я.

– К сожалению.

– Откуда приехал?

– Додж. А ты?

– Томбстоун. Как у вас с работой?

– Глухо.

– У нас то же самое. Такие времена.

– Ждешь дилижанса?

– Да вот хотел устроиться на него охранником, – сказал я. – Опоздал. А ты?

– У меня тоже были планы насчет дилижанса, – усмехнулся бритоголовый.

«С краснокожими снюхались!» – раздался крик невидимого обвинителя.

Я машинально развернулся, вскинув ружье на голос, но бритоголовый одернул меня:

– Полегче. На голоса не обращай внимания. Мы доедем.

– Что доедем до кладбища, я не сомневаюсь. Лишь бы не остаться там, – ответил я и добавил: – Обрати внимание. Сзади. Слева.

Бритоголовый оглянулся и тоже засек паренька в кожаном жилете, оторвавшегося от толпы. На бедре у мальчишки болталась кобура, но я сразу понял, что зря поднял тревогу. К тому же паренек принялся улыбаться и миролюбиво показывать нам пустые ладони.

Он не станет стрелять в спину. Он просто зритель, который хочет бесплатно занять место в первом ряду, он ничего не упустит из виду, а потом с плохо скрытым ликованием расскажет приятелям, как раздались звуки выстрела и седоки рухнули наземь...

Бритоголовый тоже все это понял.

– Этот не опасен, – снисходительно произнес он, поворачиваясь лицом к дороге.

И тут же, не поворачивая головы, жестко добавил:

– Окно слева, второй этаж. Занавеска дернулась, видел?

На это угловое окно я поглядывал уже давно. Катафалк медленно приближался к одиноко стоявшему дому. Обе стороны улицы были усеяны болельщиками, которые стояли,

³ «.22» – американское обозначение калибра 5,6 мм.

⁴ Сорок пятый калибр или «.45» – соответствует калибру 11,43мм

опасливо прижимаясь к стенам. А здесь не было никого. Возможно, обитатели смотрели на нас из-за окон. В одном из них створка была поднята, и в проеме слегка колыхалась занавеска. Я, честно говоря, не заметил, чтобы она дернулась как-то по-особенному. Может, это был просто порыв ветра, который мы не ощутили здесь, внизу.

– Да видел, видел, а что толку? – ответил я бритоголовому, с видом задумчивого идиота глядя в другую сторону. – Отсюда не достану. Он за углом. Пускай вылезет...

Всегда неприятно чувствовать себя мишенью. И то, что ты уже сидишь при этом на катафалке, одной ногой, можно сказать, в могиле, тоже как-то не радует.

Занавеска отчетливо дернулась еще раз, и краем глаза я увидел вспышку в глубине черного проема окна. Я выстрелил. Приклад крепко саданул меня по скуле, зато я своими глазами увидел, как оконная рама взорвалась звенящими осколками и провалилась внутрь комнаты. И только тогда я сообразил, что противник стрелял в меня, даже не высовываясь, из глубины комнаты.

Ну, что я говорил? Полное дерьмо!

Сопровождавшие нас на расстоянии болельщики одобрительно засвистели. Среди них нашлись люди, способные оценить меткий и быстрый выстрел. Мальчишка в кожаном жилете восхищенно покачал головой, потихоньку приближаясь к катафалку.

– Как насчет выборов? Никуда не выдвигался? – я продолжил непринужденную беседу, держа под прицелом соседние окна.

– Нет. Подходящего штата не нашлось, – бритоголовый с сожалением оглядел и выбросил то, что осталось от сигары после выстрела из окна.

– Ну вы там, крутые! Убирайтесь отсюда, а то хуже будет! – последовало деловое предложение из толпы.

– Угрожают. Значит, стрелять уже не будут, – заключил я. – Приехали.

Бритоголовый, доставая из нагрудного кармана новую сигару, сосредоточенно глядел вперед. Лошадки уныло тянули катафалк в гору, дорога поднималась все выше, и над ней медленно вырастала перекладина деревянной арки, украшавшей вход в царство покоя и тишины. «Впрочем, тишине здесь оставаться недолго», – подумал я, глядя, как у ворот, так же медленно, вырастали фигуры встречающих. Сначала показались шляпы. Потом их стало видно по пояс, и когда катафалк выкатился на плоскую вершину горы, их стало видно во весь рост.

– Смотри-ка, почетный караул, – сказал бритоголовый.

Катафалк остановился у кладбищенских ворот. На нашем пути стояла жидкая цепь наиболее решительных защитников цветовой однородности могильного перегоя. Последний оплот белых братьев. Численный состав: пять голов. Из них трое пьяных – они смотрели мимо нас, облизывая губы. Двое других казались трезвыми. Один в шляпе с дыркой якобы от пули, другой в стоптанных до голенищ сапогах с дорогими мексиканскими шпорами. Вооружение (справа налево): винчестер (у дырявой шляпы), кольт «Фронтierer» (наверно, достался от дедушки-шерифа), ремингтоновский дробовик (у стоптанных сапог), и еще пара револьверов, разглядеть которые было невозможно: пьяные владельцы стремились держать руки за спиной. То ли от стыда за свое оружие, то ли в наивной надежде нас удивить.

– В чем дело? – с беспечной улыбкой спросил мой бритоголовый партнер, так же, как и я, цепко фиксируя взглядом расстановку сил противника и его вооружение.

На правом фланге, в секторе бритоголового, выделялись двое, явно настроенные по боевому: Дырявая Шляпа и Внук Шерифа. Их пальцы так и вздрагивали у спусковых крючков. На беду свою, они стояли рядом. Остальные трое, на моем фланге, были безопасны, несмотря на грозный вид, с которым они подпирали бока, расставляли ноги (словно держали между колен пивной бочонок) и засовывали пальцы под ремень.

Я успел перезарядиться и мог бы при необходимости накрыть всю эту стайку двумя карточными выстрелами. Правда, для этого не мешало бы под благовидным предлогом сойти с катафалка и встать под более острым углом.

Пока я рассчитывал углы поражения, бритоголовый все уже решил за меня. Я краем глаза увидел его руки, и все стало ясно. Не выпуская вожжей из рук он, тем не менее, уже не сжимал их. Бедренная кобура была расстегнута и каким-то образом подтянулась к поясу, а потертая деревянная рукоятка «смит-вессона» словно сама выползала наверх, подрагивая от нетерпения.

– В чем дело? – беспечно спросил бритоголовый.

– Поворачивай лошадей и катись отсюда, – ответил Дырявая Шляпа.

И, не дожидаясь ответа, навел на нас свой винчестер. Стоявший рядом Внук Шерифа вскинул свой «Фронттиер». Два выстрела моего партнера прозвучали слитно, как возглас «назад!». Внук Шерифа тут же выронил револьвер и со стоном схватился за пробитое запястье. Винчестер с лязгом выпал на землю, а его хозяин, с перекошенным от боли и злобы лицом, держался за плечо. И из-под пальцев медленно сочилась кровь. Внук Шерифа пополнил свою коллекцию дырок.

Бритоголовый крутанул револьвер на пальце и вернул его обратно в кобуру. Улыбка его казалась еще беспечнее за облачком порохового дыма.

Недаром он мне так понравился с самого начала. В данных условиях его выбор оружия был идеальным. Он не стал убивать противников, а только обезоружил, но тяжело каждого из них поранил, так что они получили вполне уважительную причину не упорствовать.

Когда окончательно стало ясно, что новых предложений не будет, бритоголовый обернулся к толпе, сопровождавшей катафалк и благоразумно занявшей места в зрительном зале за развалинами.

– Мне нужно шесть человек! – махнул он им сигарой.

Шестеро волонтеров вышли из укрытия и направились к катафалку. Шаг их, поначалу бодрый и решительный, становился все медленнее по мере приближения к кладбищенским воротам, в которых по-прежнему стояли пятеро. Бритоголовый принялся раскуривать сигару. Подняв глаза и увидев, что на нашем пути все еще стоят поборники расовой чистоты трупов, он удивленно вскинул брови. Этого хватило для того, чтобы цепь расступилась, и гроб несчастного индейца Сэма был при всеобщем ликовании внесен на святую землю.

– Парни! Выпивка за мной! – воскликнул гробовщик, опрометчиво взмахнув пачкой денег, полученных в качестве страховки за катафалк. Деньги были моментально выхвачены одним из обрадовавшихся парней, и все весело отправились на поминки по старине Сэму.

Катафалк развернулся на месте и с неприличной резвостью покатил вниз, как будто лошадки стремились поскорее избавиться от своих опасных седоков.

Я вытряхнул патроны из стволов дробовика и сдал ружье владельцу. А бритоголовый попал в цепкие объятия коммивояжера:

– Парни! Я не уеду, пока не угощу вас!

Он протянул нам плоскую бутылку. Бритоголовый отхлебнул из горлышка и передал виски мне.

– Откуда вы такие? – восторженно спросил коммивояжер.

Бритоголовый молча указал большим пальцем назад.

– И куда направляетесь?

Мой лаконичный партнер так же молча проткнул указательным пальцем пустоту перед собой.

– Вот это было шоу! Я такого до смерти не забуду! – продолжал восторгаться коммивояжер. – Жалко, надо уезжать! Может быть, поедете с нами! С такими парнями не страшно пересечь весь Техас!

– К сожалению, у нас другие планы, – ответил ему бритоголовый со странной улыбкой.

Дилижанс, поднимая за собой клубящееся облако жгучей техасской пыли, быстро уносился прочь.

А мы, два главных участника шоу, еще долго глядели на опустевшую дорогу. Казалось, мы оба жалели о том, что дилижанс укатил без нас. Я допил виски и отбросил бутылку.

– Куда ты теперь?

– Все равно. А ты?
– Посмотрим. Может, найду работу. Говорят, есть вакантное место вышибалы в баре.
Бритоголовый кивнул, и я понял, что при необходимости мы могли бы найти друг друга где-нибудь в районе стойки, недалеко от выхода.
– Ну, пока, – я накинул шляпу на голову и направился к своей лошади.
– Постой. Как твоё имя?
– Скажем, Винн.
– А я Крис.
– Знаю, – сказал я, вспомнив, что говорили о нем в толпе. Приятно, что он назвался мне Крисом. Сам-то я почти никогда и никому не называл свое настоящее имя.

КРАСНОЛИЦЫЕ РАБОТОДАТЕЛИ

Трое отправленных за оружием крестьян – Рохас, Мигель и Хилларио – после долгого путешествия через горы прибыли в городок на границе. Они захватили в дорогу самые новые свои рубашки, серапе⁵, шляпы и брюки и переоделись в них, прежде чем показаться в обществе. Но им не удалось произвести должное впечатление на обитателей городка. Местные жители, чей повседневный костюм состоял из обносков и патронных лент, окидывали их оценивающим или насмешливым взглядом и равнодушно отворачивались.

Мексиканцы остановились на площади, спешили и привязали лошадей, с трудом найдя свободное место на коновязи. Они прибыли как раз вовремя, чтобы просмотреть шоу «Похороны индейца» от начала до конца.

Преодолевая природную робость, они двигались вместе с толпой зрителей вслед за катафалком. Осколки стекла из окна упали совсем рядом с Мигелем. (Хилларио подобрал пару осколков на всякий случай – в хозяйстве все пригодится.) Услышав и запомнив слово в слово, о чем говорил со своим партнером в пятнистой шляпе отважный бритоголовый владелец меткого револьвера, они решили обратиться к нему в первую очередь.

Не подозревая о том, какой жгучий интерес вызвала его персона, Крис вернулся в свой номер в гостинице. Не мешало бы привести себя в порядок после прогулки на катафалке, вымыть лицо, руки и немного вздремнуть. Но стоило Крису снять пояс с кобурой и расстегнуть рукава на рубашке, как в дверь постучали. Конечно, он понимал, что его недоброжелатели, униженные недавним происшествием, не стали бы так робко стучаться, но все же его «смит-вессон» был наготове.

Крис встал напротив двери и заложил пальцы за ремень.

– Входите.

Дверь отворилась, впустив внутрь скромной комнаты еще более скромную тройку крестьян-мексиканцев. Они остановились перед Крисом, неловко переминаясь и тиская натруженными пальцами снятые шляпы. Круглолицый толстяк в розовой рубашке стоял чуть впереди. Он и начал:

– Мы тут подумали... Похоже, вам можно доверять.

Повисла короткая пауза. Крис усмехнулся:

– Приятно слышать.

– У нас к вам дело, мистер, – вступил молодой мексиканец.

– Вы можете говорить по-испански, – предложил Крис.

– Сеньор понимает по-испански?

– Вас я пойму.

– Мы хотим предложить вам дело. Очень важное дело.

– Есть такой человек, зовут Кальвера, – подхватил худой и длинный. – Плохой человек. Конокрад. Грабитель, убийца.

⁵ Серапе – короткая накидка с вырезом для головы.

– Его банда грабит нас, отнимает весь урожай, скоро мы начнем умирать с голоду... – зачастил молодой, прижимая шляпу к груди.

– Понятно, – остановил их Крис. – Но почему вы пришли ко мне, а не к вашим властям? Власти должны бороться с бандитами.

Крестьяне переглянулись. Крис понял, что они не ожидали от него такого ответа.

Здесь, на границе, каждый носил свою власть и свой закон в своей кобуре. Перегоняя стада, ковбои не рассчитывали на чью-то помощь и сами отбивались от индейцев и белых грабителей. Винчестер и кольт были их неразлучными спутниками на протяжении многих лет. Управляясь с дикими буйволами и необузданными лошадьми, они и сами становились дикими и необузданными. Они дорожили своей жизнью, но были готовы в любую минуту погибнуть от пули невидимого стрелка, под копытами взбесившегося стада или в мутных волнах наводнения. Надо ли говорить, как «высоко» они ценили чужую жизнь?

Многие из них имели военный опыт, который был здесь значительно ценнее, чем опыт пастуха и погонщика. Люди, умевшие виртуозно обращаться с оружием, не сидели без дела. Таких профессиональных стрелков называли ганфайтерами. И нанимали их на работу не только для охраны скота.

На просторных полях и пастбищах Техаса не утихала междоусобная война, не прекращались стычки между кланами, тлел огонь кровной мести. И наемники всегда были в цене. Богатым скотоводам и землевладельцам было проще заплатить отчаянным парням, чем взывать к суду, чтобы оттеснить конкурентов.

Некоторые из ганфайтеров становились настоящими охотниками на людей. Они выслеживали и убивали свои жертвы с таким же терпением и мастерством, как охотились на буйволов или оленей – а потом получали наличные.

Другие знаменитые ганфайтеры становились на сторону Закона и превращались в шерифов. На рукоятках их револьверов тоже было немало зарубок, но они не убивали пьяных забияк или юных гордецов. Если шериф не мог или не хотел их образумить, то рано или поздно ему приходилось осматривать их трупы. А убийцу, если его задерживали на месте, судили тут же. И никто, кроме шерифа, не мог вынести приговор, каким бы он ни был. Старые ганфайтеры, прошедшие через множество поединков, легко могли восстановить картину случившегося и определить виновного. И если виноват был сам погибший, то шериф отпускал убийцу. Но просил при этом исчезнуть из города как можно быстрее. Шерифу не нужна стрельба на его участке. Шериф – оплот порядка, тишины и спокойствия. И если шериф – это власть, то к такой власти мексиканским крестьянам было бесполезно обращаться.

– Власти? – горько усмехнулся худой крестьянин. – Нашим властям не до нас.

– Что они могут сделать, сеньор? Они присылают солдат, и Кальвера скрывается. Солдаты возвращаются в город, и Кальвера снова появляется. Солдаты не могут оставаться в нашей деревне...

– А Кальвера приходит и приходит. И будет отнимать у нас урожай, если его не остановить.

Крис понимающе покачал головой:

– Что вы стоите, садитесь.

Он указал на свою кровать, потому что в комнате был только один стул, да и тот неловко предлагать гостям.

Мексиканцы робко присели.

– Помогите нам, сеньор.

– Нам нужно оружие.

– Мы в этом ничего не смыслим. Купите для нас оружие, сеньор. У нас есть деньги.

– Деньги? Это хорошо...

Крис задумчиво потер подбородок. «Как быстро опускается человек, – размышлял он. – Стоило один раз заступиться за индейца, за мертвого индейца, и вот пожалуйста, тебя уже нанимают на работу мексиканцы. Какие они наивные. Просто крестьянские дети. Купите для

нас оружие. Им и в голову не приходит, что им могут подсунуть оружие, от которого они сами и пострадают. Купите для нас оружие. Поубивают друг друга, пока научатся им пользоваться. Крестьянские дети. Сколько у них денег? Во всяком случае, наверняка достаточно, чтобы смыться отсюда подальше. Неужели они не догадываются, как легко их могут обвести вокруг пальца? Берут деньги, заходят с одного крыльца, выходят с другого».

– Оружие стоит много денег, – сказал он. – Оно не продается на каждом углу. И с ним надо уметь обращаться... Знаете, что вам надо? Вам надо нанять людей с оружием.

– Но где нам найти таких людей?

– На станции, – коротко сказал Крис и, видя, что собеседники непонимающе переглядываются, объяснил: – Там сейчас собралось множество молодых крепких мужчин с оружием. Они ждут отправки в ковбойские лагеря. Думаю, что среди них обязательно найдется десяток отчаянных голов. Многие сами не прочь покончить с такими, как ваш Кальвера. Конокрадов ковбои любят чуть больше, чем индейцев.

– Мы видели этих людей. На ковбоев они мало похожи. Настоящие разбойники.

– Значит, вы видели тех, кто вам нужен. Не смущайтесь. Лучшее средство от разбойников – это другие разбойники. К тому же это будет выгоднее, чем закупать ружья и патроны, – сказал Крис. – В наши дни люди гораздо дешевле, чем оружие.

– А вы бы согласились на такое, сеньор? – с надеждой спросил молодой мексиканец.

– Я? Я что, так похож на разбойника? – Крис не удержался от улыбки.

– Нет, сеньор, но мы видели, как вы стреляете...

– Охранять бедняков – это не мой бизнес.

– Что вы! Разве мы бедняки? У нас есть земля, скот, у нас есть руки, мы работаем. Какие же мы бедняки? Да, мы живем скромно, но для вас найдется самая лучшая еда и самое удобное жилье! – горячо заверил его толстяк.

– И мы вам заплатим, не сомневайтесь! Смотрите... – молодой порывился у себя в сумке, извлек наружу и принялся разворачивать розовый платок, в который было что-то завернуто.

– Что это?

– Это ценные вещи. Мы обменяем их на золото. Вот собирали со всей деревни... Это все, что у нас есть.

Крис кинул короткий взгляд на скромные пожитки бедняков. Карманные часы на стальной цепочке. Ожерелье из серебряных бляшек. Начищенный медный браслет, украшенный зелеными прозрачными камешками величиной с булавочную головку.

– Бывало, что мне хорошо платили, – сказал он задумчиво. – Но еще никогда мне не предлагали все.

Крестьяне переглянулись с воодушевлением:

– Думаете, этого хватит?

– Да нам бы только отвести Кальверу от деревни, мы сразу вырвемся из бедности! – воскликнул круглолицый. – Знаете, мы-то сами еще можем и потерпеть, нам не привыкать. Но дети... Детей жалко. Они не понимают, что надо терпеть, и плачут от голода...

– Вы понимаете, на что идете? – Крис перестал улыбаться. – Ведь это война.

– Пусть война! Мы все будем биться!

Они вскочили, положив шляпы на кровать. Теперь, когда их руки освободились, ничто не мешало мексиканцам говорить так, как они привыкли, выразительно размахивая руками.

– Мы ударим в церковный колокол, когда появится Кальвера, и соберем весь народ!

– Кому достанется оружие, будет стрелять! Безоружные возьмут мачете, вилы, дубины, камни!

Злоба, охватившая мирных безобидных людей при воспоминании о Кальвере, неузнаваемо изменила их добрые, мягкие лица. Крису казалось, что это уже другие люди. «В них накопилось достаточно ненависти. Больше, чем осталось страха. И они хотят бороться».

Крис встал и прошелся вокруг гостей. Он уже принял решение. «Должна же быть хоть какая-то логика в твоих действиях, – сказал он себе. – Не можешь поступать разумно, так поступай хотя бы последовательно. Днем ты помог мертвому индейцу. Значит, вечером

придется помогать живым мексиканцам. Их там целая деревня. Страшно подумать, что же ждет меня ночью?»

– Есть еще одна вещь, – сказал он. – Очень важная вещь. Когда человек начинает убивать, ему приходится убивать больше, чем он собирался вначале. И каждая смерть тянет за собой новую смерть, и это тянется до тех пор, пока кто-то из противников не исчезнет. Вы понимаете это?

– Да. Мы твердо решили.

– И вся ваша деревня так решила?

– Все как один.

Крис кивнул и отвернулся к окну. В наступившей тишине было слышно, как муха бьется о стекло, пытаясь вылететь из комнаты на свободу.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Посмотрим, чем вам можно помочь.

– Спасибо, сеньор! – мексиканцы снова вскочили, благодарно прижимая руки к груди. – Мы будем благодарны вам до конца наших дней, и наши дети навсегда вас запомнят!

– Пойдите, пойдите, не благодарите меня, – Крис покачал головой. – Ведь я ничего не сделал. Я не сказал, что поеду с вами. Но помочь вам можно. Надо только сообщить разным людям, что у вас есть для них работа.

– Здесь много таких людей, – сказал круглолицый. – Все ходят с оружием.

– С оружием-то много, – Крис скептически улыбнулся. – Да только не все они годятся для такого дела.

– Как же мы узнаем, кто годится, а кто нет? – забеспокоился худой и длинный.

– Узнаем, не волнуйтесь, – заверил их Крис.

КОНКУРС

Три мексиканца с важным и озабоченным видом сидели за потрескавшимся деревянным столом в большой просторной комнате без окон, вместо которых в стене было пробито зарешеченное отверстие. Так, более чем скромно, выглядела комната, где они остановились и которую Крис мысленно назвал «Центральный офис общества защиты мексиканцев». Именно сюда должны были явиться те, кого заинтересовал слух, распространенный Крисом сегодня с помощью буфетчика, пары пьяниц и местного брадобрея.

Мексиканцы сидели рядком, изображая из себя членов конкурсной комиссии. На их лицах Крис не мог прочесть ни усталости, ни уныния, ни нетерпения. На их лицах читалось только осознание важности своей роли. Они сидели молча уже третий час и переговаривались короткими вескими репликами. Как и полагалось членам конкурсной комиссии, независимо от того, видит их хоть один конкурсант или нет.

За весь день им пришлось встретиться только с двумя кандидатами, да и те были отсеяны.

Первым явился помощник шерифа Бак Чандертон. Он вошел без стука, сел на край стола без приглашения и начал разговор без предисловия.

– Крис Беллоу, – сказал он, – я знаю, кто ты та кой, и слышал про многие твои дела. Меня не касается все, что случилось в других городах, тем более все, что случилось не в Техасе. Ты живешь здесь уже две недели, и до сих пор у меня не было повода с тобой говорить. И слава Богу. Но сегодня мне сказали, что тебе надоела спокойная жизнь. Это правда?

– Да, – сказал Крис. – Но не вся правда.

– Тогда добавь подробности, – сказал Бак Чандертон, – чтобы я знал всю правду. Ты знаешь, что шерифа нет в городе, и за него остался я. И мне решать, что делать с той правдой, которую ты мне скажешь. Так что говори все, как есть. Без утайки и полностью, до самого дна.

– Я уезжаю отсюда, – сказал Крис. – Уезжаю из Техаса. Вот и вся правда.

Бак Чандертон оглядел мексиканцев, невозмутимо сидевших за столом. Он хотел что-

то спросить, но, посмотрев на их руки, передумал.

– Похоже, ты нанялся сторожем на кукурузные плантации, Крис?

– Можно сказать и так.

– Меня устраивает такой ответ, – сказал Бак Чандертон, слезая со стола. – Там, на улице, околачивается Койот Перкинс. Я буду тебе признателен, Крис, если ты возьмешь его на свои плантации. Возвращаться можешь без него.

Не прошло и часа после того, как за помощником шерифа захлопнулась дверь, перед очами Криса предстал Койот Перкинс.

Это был тщедушный бесцветный человечек лет пятидесяти, в длинном пыльном плаще и серой шляпе с опущенными книзу полями. Его колючие серые глаза внимательно сначала ощупали углы комнаты, затем потолок и пространство под столом и лавкой и лишь после этого остановились на Крисе.

На правом плече у него висел дробовик с укороченным стволом. Причем висел необычно, прикладом кверху, так что Койоту Перкинсу не надо было снимать его с плеча, чтобы выстрелить.

– Слышал я, джентльмены, что вы хотите сделать заказ, – прошелестел его тихий голос из-за неподвижной щели тонких губ.

– Пока об этом никто не говорил, – сказал Крис. – Говорили о недолгой прогулке за реку.

– Для меня это несущественно, – ответил Перкинс. – Можно и за реку прогуляться. Лишь бы платили. Условия мои такие: вы называете имя и сроки, я называю цену.

– Такие условия нам не подходят.

– Странно, – произнес Перкинс. – До сих пор жалоб на меня не было.

– Это не тот случай. Мы пока и сами не знаем ни имени, ни сроков. – Крис был немногословен.

– Что ж, джентльмены, это тоже несущественно, – сказал Перкинс, оглядывая мексиканцев. – Моя цена семьсот долларов. Я сам узнаю имя. И в удобное для вас время привезу вам голову. Тогда и рассчитаемся.

Мексиканцы переглянулись, однако на их лицах не отразилось никаких эмоций.

– Ладно, – Перкинс попятился к выходу, – когда наскребете семьсот долларов, тогда и поговорим.

Он, не поворачиваясь, нащупал рукой дверную ручку за спиной, открыл дверь и шагнул в коридор спиной вперед. Дверь бесшумно закрылась.

– Семьсот долларов... – потрясенно произнес тощий Хилларио. – Это, наверно, целая гора денег!

– Наверно, этот человек знает себе цену, – сказал Рохас. – Может быть, если бы мы назвали имя Кальверы, он взял бы с нас меньше?

– Может быть, – согласился Крис. – Но беднякам опасно иметь дело с киллером, если они хотят натравить его на того, кто богаче их. Киллера всегда могут перекупить. Поэтому я не спешил бы называть Койоту имя вашего врага.

Следующим был ковбой в высокой шляпе. Его было слышно издали: звон мексиканских шпор наполнил коридор.

Ковбой гордо выпятил грудь и заложил большие пальцы за ремень, густо усеянный патронами 56-го калибра.

– Меня зовут Буффало Кинг⁶, – произнес он хриплым низким голосом, свысока глядя на Криса. – Да, тот самый. Со мной дюжина головорезов. Если ты предлагаешь что-то серьезное, я готов подумать, чем тебе помочь. Мы только что вернулись с индейских территорий. Просто так, ничего не взяли. Там нечего было брать. Завалили там пару вождей и вернулись. У тебя, надеюсь, будет что-то посерьезнее?

⁶ Король Бизон.

Крис прошелся по комнате, заложив руки за спину. Обдумывая ответ, он посмотрел на членов конкурсной комиссии и встал рядом с ковбоем.

Они были примерно одного роста, если не считать, что ковбой, назвавшийся Буффало Кингом, стоял на высоких каблуках, к тому же шляпа его была вдвое выше, чем у Криса.

Мексиканцы хранили молчание, и Крис ответил за них:

– Твоя команда слишком велика для нас.

– Я уже и сам это вижу, – высокомерно отозвался Буффало Кинг и, пригнувшись, вышел из комнаты.

Мигель дождался, когда стихнет звон шпор:

– Наверно, он говорил неправду насчет вождей.

– Наверно, – согласился Крис.

– Но все-таки с ним его команда, – сказал Рохас. – Мы могли бы договориться. И уже сегодня отправились бы домой. Почему вы не взяли его, сеньор Крис?

– Из-за шляпы, – сказал Крис. – Завидная мишень для Кальверы. Этот парень слишком гордый для нашего дела.

– Если мы будем придирается к шляпам, мы так никого не найдем, – беспокоился Хилларио.

– Тот, кто нужен, сам нас найдет, – уверенно произнес Крис.

Проходили часы, а нужные люди все не появлялись. Ненужные, впрочем, тоже. Видно, те, кто провалился на экзамене, успели рассказать соискателям о завышенных требованиях комиссии.

Крис, коротая время, потягивал пиво, когда в дверь постучали. Он бросил многозначительный взгляд на крестьян, которые приосанились и перестали моргать, и повернулся к входу.

– Открыто.

После секундной паузы дверь осторожно отворилась. На пороге появился уже знакомый Крису молодой человек вполне мексиканской наружности. Это он бежал за катафалком, едва не поплатившись своей жизнью. Одет он был так же, как и накануне: кожаная жилетка без пуговиц была накинута поверх серой рубашки, вокруг тонкой детской шеи болтался черный платок. Голову незнакомца украшала шляпа с серебряным шитьем на полях. Кожаные перчатки лоснились от старости, зато на широком поясе каждая полудюжина патронов отделялась от соседней изящной серебряной пластинкой. Из новой кобуры выглядывала гладкая, покрытая темным лаком без единой трещинки рукоятка кольта.

Вся эта крутая оснастка могла бы придать ему уверенности где-нибудь в другом месте, среди ровесников в родном городке, а не здесь. Он робко поднес руку к шляпе, что, по-видимому, означало приветствие.

– Меня зовут... Вообще-то мое имя Чарли Купер. Но все зовут меня Чико. Здесь прошел слух, что вам требуются люди для интересной работы.

– Правильно. Требуются люди, которые могут свободно управляться с тем, что у тебя вот здесь, – и Крис указал на кобуру, висевшую на поясе мальчишки.

– Уж я-то умею, можете не беспокоиться, – с облегчением кивнул парень.

– Допустим... Но достаточно ли быстро?

– Вы можете проверить, – усмехнулся Чико.

– Как раз это я и хочу проделать. Иди сюда.

Парень подошел ближе к Крису.

– Делай, как я показываю, – Крис поднял свои ладони до уровня груди и развел их на расстояние полуметра.

Чико, приняв расслабленную позу и чуть заметно, по-пижонски раскачиваясь, сделал, как тот сказал.

– А теперь быстро хлопни руками.

Чико недоверчиво глянул в глаза Крису, пытаясь понять, не шутит ли тот. Полсекунды

поколебавшись, он ударил ладонью о ладонь.

– Еще быстрее.

Чико повторил хлопок быстрее.

– И еще разок, но только сделай это так быстро, как только сможешь.

Малыш с возрастающим недоверием посмотрел на Криса и, расставив ноги пошире, приготовился к хлопку.

Он ожидал, что через долю секунды услышит громкий хлопок, но вместо этого почувствовал, как в его живот упирается «смит-вессон» Криса.

В глазах Чико отразился страх. На своем коротком веку он не видал ничего подобного. Он всегда считал себя крутым, жестким парнем, слишком крутым для такого городишки. А теперь он стоял перед бритоголовым человеком в простой черной шляпе, который за полсекунды расставил все по своим местам и показал Чико, кто он есть на самом деле. Крис медленно вытащил револьвер из объятий малыша и, крутанув его на пальце, сунул обратно в кобуру.

– А сейчас попробуй ты, – сказал он и поднял руки перед собой.

Чико вытер потные ладони о рубашку и попытался сосредоточиться. Испепеляющим взглядом он смотрел на пальцы Криса. Рука нервно теребила кобуру. Он так и не понял, откуда раздался хлопок, ладони Криса остались там же, где и были мгновение назад. Только сильное движение воздуха в районе живота заставило Чико признать тот факт, что хлопок ему не привиделся, а действительно прозвучал.

Крис хлопнул еще раз. Чико дернулся, но было уже поздно. Нечего было и думать о том, чтобы успеть вытащить револьвер. Его охватило отчаяние. Он гневным, почти ненавидящим взглядом посмотрел на Криса. Не вымолвив ни слова, Чико бросился к выходу и, быстро закрыв за собой дверь, убежал.

Крис насмешливо посмотрел ему вслед и вернулся к еще не начатому стакану с пивом.

– Слишком молодой и слишком гордый, – сделал вывод председатель конкурсной комиссии Рохас.

– Такие долго не живут, – подтвердил Крис и глотнул из стакана.

– Жалко, – сказал Мигель. – Неплохой парень, простой, уважительный. И шляпа у него не слишком высокая. Чем он вам не понравился, сеньор Крис?

– Разве я сказал, что он мне не понравился?

Раздался быстрый и отрывистый стук. Крис поставил стакан на стол и направился к двери. Встав справа от входа, он кивнул Рохасу.

– Входите, – пригласил тот.

Дверь со скрипом отворилась. Крису не виден был человек, стоящий на пороге. Он посмотрел на мексиканцев; те молча переглянулись. Крис, стараясь не производить лишнего шума, вышел из-за укрытия и встал напротив входа. Никого не было видно. Соблюдая осторожность и держа наготове оружие, Крис ступил за порог.

– Спокойно, Крис, я сдаюсь! – улыбнулся ему человек, прислонившийся к стене коридора.

Крис посмотрел в эти радостные, жизнелюбивые голубые глаза и тоже широко улыбнулся. Перед ним стоял Гарри Флетчер, неутомимый искатель сокровищ. Неутомимый и невезучий: как он ни старался обнаружить остатки индейского золота и пиратских кладов, все было напрасно. Ни в почтовых поездах, ни в скромных городских банках, ни в карманах владельцев игорных домов ему не удалось найти ни одного испанского золотого дублона, ни одной культовой фигурки аптекков. Все только доллары, доллары. Впрочем, выцветшая от частых стирок рубашка ясно свидетельствовала, что в последнее время неутомимому Гарри не везло даже на такую презренную добычу.

– Так это ты, Гарри! – Крис обнял старого приятеля. – Каким ветром?

– Южным, Крис, южным. Говорят, ты что-то затеял на другом берегу?

– Простая прогулка в горы, тебе это будет неинтересно, – ответил Крис.

– Если по дороге можно найти хоть пару долларов, я готов прогуляться с тобой, –

усмехнулся Гарри.

– Я же говорю, это просто прогулка, там не заработаешь. Нищие крестьяне, – Крис мотнул головой в сторону мексиканцев, – просят, чтоб их защитили от бродяг. Никакой оплаты не предвидится. Хватило бы на еду.

– Крис, я все понял. Я согласен работать за еду, – Гарри лукаво улыбался. – Можешь не договаривать, я все читаю между строк.

– Дружище, я не шучу... – Крис покачал головой.

Но приятель не дал ему договорить. Он плотно прикрыл дверь в комнату и, оставшись с Крисом наедине в темном коридоре, спросил:

– Так, я слушаю. Что будем брать?

– Там нечего брать, Гарри. Там уже взяли все.

– Значит, надо застолбить место? Золото? – не унимался Гарри. – Серебро? Руда?

– Деревня. Нищая ограбленная деревня.

– Все понятно, – кивнул Гарри. – Нищая деревня.

– Гарри, это не то, что ты думаешь, – Крис попытался образумить приятеля, но того не так-то легко было остановить.

– О'кей, занеси меня в свой список! – Гарри улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой и похлопал Криса по плечу. – Я тебя понял, ты меня понял, будем работать вместе, как тогда, в Додже.

– Это совсем другая история, – в последний раз запротестовал Крис.

– Ну и хитрец, – восхищенно проговорил Гарри.

КОМАНДА ВЫРОСЛА ВДВОЕ

Крис отпустил членов конкурсной комиссии. С появлением Гарри Флетчера не было смысла продолжать конкурс. Теперь всех остальных участников команды подберет Гарри.

Не так давно Крису довелось брать с ним на пару банк в Додж-Сити. Пока кассир, очарованный улыбкой Гарри и блеском его кольца, дрожащими руками укладывал деньги в мешок, Крис держал охранников под присмотром двух своих револьверов. Про то, как вредно действуют револьверы на целостность кожных покровов, здесь уже слыхали, так что никто не пытался проверить на себе правдивость этих слухов. А когда пустились в погоню, Гарри неожиданно свернул на горную тропу и привел Криса к замечательно оборудованной позиции.

На скальной площадке имелась пещера для двух лошадей. Перед входом, выложенным из булыжников, находился бруствер с амбразурами. Из каждого отверстия торчал ствол дробовика, так что всем, кто приближался к этому месту снизу, казалось, будто огонь ведут по крайней мере шестеро.

Им хватило нескольких выстрелов, чтобы преследователи повернули обратно. Крис не подал виду, что удивлен, и не стал задавать лишних вопросов. Но Гарри не нуждался в расспросах, чтобы вступить в разговор, и охотно поведал Крису, как еще полгода назад начал готовить площадку.

– Полгода назад я еще не собирался заниматься банком, – не удержался Крис. – Мы даже не были знакомы с тобой!

– Я знал, что такая площадочка рано или поздно пригодится, – ответил Гарри. – Вообще-то я просто раскапывал в этой пещере старый ход, заваленный булыжниками. Согласно карте там в конце пещеры должен был лежать сундук с золотом. А оказался чей-то скелет. Ну, не таскать же булыжники обратно... Предчувствие меня не обмануло. Смотри, и площадка пригодилась, и золото в этом городе я все-таки нашел!

– Что ты делаешь в этой дыре? – спросил у него Крис, когда противник отступил.

– Пробираюсь на запад, – сказал Гарри. – Есть точные сведения, что появились новые золотые жилы в Калифорнии. Хотел застолбить участок.

– Ты что, так быстро проел золото из Доджа?

– Проел? Да оно пошло на дно! – грустно рассмеялся Гарри. – На все свои деньги я нанял шхуну. Мы вышли из Корпус-Кристи в залив, и что ты думаешь? На том самом месте, где затонули пять испанских галеонов, моя шхуна тоже пошла ко дну! Мы два дня болтались на шлюпке! Я думал, что сойду с ума от этих чаек... Но это неважно. Как пришло, так и ушло. Зато теперь у меня есть надежный ориентир, чтобы отыскать эти проклятые галеоны.

Крис позавидовал той легкости, с которой Гарри рассказал о крушении своих надежд.

– Ну а как ты распорядился своей долей? – поинтересовался Гарри. – Судя по всему, твоя шхуна недолго походила под парусами?

– Моя шхуна... – Крис не думал, что когда-нибудь сможет рассказать об этом, но на откровенность приятеля не хотелось отвечать уклончивыми и туманными фразами. – Моя шхуна лежит рядом с твоей, дружище. Все свои деньги держал я у Гольдберга. Так вот, он перебрался в Нью-Йорк и вместе с братом жены открыл банк.

– Ну и что? Что тебе мешает найти его в Нью-Йорке? – спросил Гарри. – Он же не станет от тебя прятаться? Финансисты больше всего на свете дорожат своей репутацией.

– Сейчас он где-то в Европе, – сказал Крис. – А брат жены не имеет ни малейшего желания выполнять обязательства Гольдберга. Мне предложили заглянуть к ним в конце осени, ближе к Рождеству.

– Вот оно что, – понимающе кивнул Гарри. – Тогда предлагаю заглянуть в банк немного раньше и снять твой вклад. А в качестве компенсации за неудобства снять и остальные вклады.

– Я уже думал об этом.

– И что?

– Наверно, так и сделаю, – сказал Крис. – Если ты будешь в доле.

– Я? – Гарри развел руками. – Крис, когда я тебе отказывал?

Они ударили по рукам.

– А теперь к делу, – сказал Гарри. – Будем называть это «Делом по охране деревни», если тебе так хочется. Думаю, что надо взять в команду одного интересного человека. Он сейчас живет где-то тут, неподалеку. Зовут его О'Райли...

ВИНСЕНТ КРОКЕТ, МАЛЬЧИК В ОВОЩНОЙ ЛАВКЕ

Когда я несколько недель назад покинул Ларедо, в моем поясе было спрятано сто двадцать долларов. Прибыв на границу, я купил лошадь за семьдесят долларов и заплатил за постой. Выяснив, что в городе не поохотишься, я был вынужден тратить на еду. Естественно, наступил момент, когда пришлось задуматься о дальнейших действиях.

И я задумался. Если перебираться за реку, то медлить уже нельзя. На оставшиеся деньги надо запастись всем, что понадобится в дороге, и завтра же отправляться в путь.

Но это если перебираться за реку. А если все-таки остаться здесь? Жизнь приучила меня верить в чудеса и не удивляться, когда они происходят в самый подходящий момент. А вдруг сегодня или завтра в мою гостиницу прибежит босоногий мальчишка с письмом в грязном конверте и закричит: «Кто здесь мистер Крокет? Вам письмо из Луизианы!» И я недрогнувшими пальцами вскрою конверт и узнаю каллиграфический почерк нашего дворецкого Мишеля. Сердце мое сожмется от горя и жалости. Я так любил старого дядю Байярда! Как жаль, что он не дожил даже до восьмидесяти! И что теперь делать с его огромным поместьем мне, его единственному наследнику?! Вот тогда мне придется срочно продавать лошадь, садиться на дилижанс и отправляться в противоположную сторону.

Итак, если письмо не придет до завтрашнего утра, пусть ищут меня в Мексике, наконец решил я.

Подарив таким образом своему дядюшке еще один день жизни, я отправился в салун, чтобы приумножить свой свободный капитал, хранившийся за подкладкой шляпы.

Остановившись на пороге, я заметил за угловым столиком Криса в компании подозрительных личностей. Они старательно маскировались под мексиканских крестьян, но

я-то знал, с какой публикой может сидеть в салуне мой грозный напарник. Среди ковбоев уже пронесся слухок, что Крис набирает команду.

В меру моих скромных географических познаний я полагал, что ближайшее месторождение, которое может разрабатывать Крис со своей командой, находится примерно в двух сотнях миль отсюда, в прохладных подвалах Линкольн-Банка. Однако что-то подсказывало мне, что на этот раз команда нужна Крису для необычной работы, выполнять которую придется на другом берегу Рио-Гранде.

Сведения, приходившие с того берега, можно было бы назвать обнадеживающими, если бы я собирался продолжить карьеру инструктора мятежников.

Мексиканская армия когда-то считалась нашим основным противником. Противник этот был не только основным, но и почти идеальным. Он был многократно бит, он был скрупулезно изучен, и он никогда не обманывал ожиданий наших генералов, предлагая им сдаваться точно по расписанию.

С тех пор прошло много времени, но, по слухам, мексиканская армия осталась такой, какой была в 1847 году, когда наши взяли Мехико. Через двадцать лет Мехико взяли французы из Экспедиционного корпуса, а мексиканская армия была все та же. Похоже, мексиканцам, наконец-то, надоело впускать в свою столицу разных иностранцев, как того требует традиция. Поскольку никто не позволит ради собственной прихоти рушить священные традиции и что-то менять в армии, остается создавать свою армию. И очень похоже, что этим занялись всерьез.

Незадолго до появления на моем горизонте Криса я имел обстоятельную беседу с одним из поставщиков овощей в местный салун. Сам он простой огородник, зато его брат там, за рекой, работал учителем ботаники и был борцом за повышение урожайности.

Моему новому приятелю был нужен надежный партнер для осуществления перевозок через границу саженцев и рассады различных полезных растений. Схема была проста, как яблоко в разрезе. Отсюда туда отправляются высокопродуктивные сорта пшеницы, кукурузы и фасоли. Оттуда сюда направляются пшеница, кукуруза и фасоль, не такие высокопродуктивные, зато приспособленные к суровым условиям. Если их сажать рядом, то наша фасоль станет более стойкой, а их – более продуктивной. Ботаника на службе человека.

Сопровождать связку мулов на горных дорогах – дело нехитрое, и оплату мой ботаник предлагал вполне приличную, но желающих не было.

Как я понял, пугали людей взрывы на горной тропе. Примерно раз в месяц приходил очередной слух о том, как какой-нибудь мул с грузом рассады сорвался на осыпи и упал на дно ущелья. Взрыв, последовавший за этим падением, забросил его останки обратно на тропу. Возможно, что рассаду слишком усердно удобряли нитроглицерином.

Я понимал, что создателям новой армии нужно много динамита. Новое часто приходится строить на площадке, расчищенной взрывами. Но мне в этом деле виделась иная роль для себя, и я отказал ботанику.

Слух мой выхватил из бессвязного гомона человеческих голосов, фразу, брошенную собеседником Криса: «Этот нам подходит. Посмотрите на шрамы на его лице». – «Нам больше подходит тот, кто оставил эти шрамы», – ответил второй.

Если речь шла обо мне, то я подошел бы и одному, и другому. Шрамы эти появились на моем лице после неудачного опыта с новым порохом. Патрон взорвался в казеннике, и шайены неделю лечили меня девичьей мочой. Кстати, прекрасное универсальное средство.

Я уже хотел было обсудить с Крисом и его загадочными спутниками методы шайенской медицины, как мое внимание привлек звучный голос крупье. «Делайте ваши ставки, джентльмены!» И я вспомнил, зачем пришел сюда.

Бумажные доллары нравятся мне прежде всего тем, что легко укладываются в подкладку шляпы. При этом они не впитывают пот и надежно предохраняют голову от переохлаждения.

Я успел сделать ставку. Через минуту крупье длинной лопаткой подгрел к себе мои денежки. Оставалось утешиться тем, что шляпа моя полегчала и не будет больше клонить

голову к земле, а позволит ей держаться гордо и прямо.

Официант появился за моей спиной как раз в тот момент, когда я понял: в некоторых случаях, если рука вовремя не нащупала стакан виски, она хватается за колыт.

– Вас хочет угостить вон тот джентльмен в углу, – сказал мой спаситель.

Я оглянулся, и Крис кивнул мне с другого конца салуна. Его спутники переглянулись и уставились на меня изучающе.

– Привет, Винн. Что будешь пить?

– Виски.

– Как дела? Устроился куда-нибудь?

– Обдумываю одно предложение, – сказал я солидно. – Местный зеленщик ищет надежного партнера. – Однако говорят, есть и другие возможности заработать, – я перешел к делу и посмотрел в глаза Крису.

– Говорят, – кивнул Крис. – Говорят, что какую-то деревню мухи заели.

– Мухи? – я задумался на секунду. – Это интересное предложение. Вот только не знаю, почем нынче платят за мух...

– Двадцать долларов.

– За каждую муху?

– За всю работу.

– Понятно... – я попытался понять, насколько серьезно говорит Крис.

Он улыбался, но это была извиняющаяся улыбка. Кого он хочет нанять за двадцать долларов? Я спросил:

– А ты сам как? Нашел работу?

– Нашел. Правда, пришлось достать мухобойку. Собираюсь в ту самую деревню.

– Это наша деревня, – произнес, наконец, один из его спутников.

– Собираю попутчиков, – сказал Крис.

– Что такое двадцать долларов... – прикинул я. – Не хватит даже на патроны.

– У нас бедная деревня, сеньор, – сказали его спутники. – Мы не можем заплатить больше. Конечно, если вы устраиваетесь в овощную лавку, вам смешно слышать о таких предложениях. Такое хорошее место. Спокойная постоянная работа. На зелень всегда будет спрос...

Двадцать долларов... Тоже деньги. Я слышал, что Крису приписывали несколько громких ограблений. Улов составлял тысячи долларов. Не мог же он прокутить все деньги так быстро? Значит, все это сказки.

Я еще раз посмотрел в его глаза. Он едва заметно улыбался, видно, представляя меня в фартуке зеленщика.

Черт возьми, а почему бы не предположить, что человек хочет сделать доброе дело? Может быть, чтобы уравновесить другие свои дела. Может быть, ему просто нравится помогать бедным. А может быть, он поклонник мексиканской кухни. Так или иначе, он двигает на юг, куда и мне давно хотелось. Все дальше и дальше на юг.

– Значит, попутчиков собираешь. И как идет набор? – спросил я у Криса. – Много народу записалось?

Он усмехнулся и молча показал один палец.

– Плохо считаешь, – сказал я ему и показал два пальца.

ФЕРМА ПО-ИРЛАНДСКИ

Крис никогда не брался за дела, которые мог сделать кто-то другой.

В детстве ему частенько доставалось от матери. У нее была тяжелая рука, и лентяя-сынка она гоняла со всей нерастроченной страстью молодой вдовы.

Отец его был удачливым рыбаком, пока не пропал во время внезапного осеннего шторма. Они жили тогда на берегу Черного моря, в городе Одессе, на Большом Фонтане. И не было в том городе более славного дела, чем рыбацкий труд. Потому что все жители

Одессы – негоцианты и биндюжники, полицейские и воры, актрисы и белошвейки – все они ели рыбу. Крис (тогда его называли Кирюшей) тоже должен был стать рыбаком, когда вырастет. А пока ему приходилось вместе с матерью и сестрами скоблить полы у богатых горожан и таскать на пристани неподъемные корзины с рыбой.

Корзины он таскал легко, а ползать на коленях в чужих домах было для него сущей казнью. Сестра и мать прекрасно справились бы и без него, и Крис долго не понимал, почему он делает эту работу вместе с ними. Ему было двенадцать лет, когда он случайно заметил, каким взглядом следил хозяйский сынок-гимназист за его сестренкой, наклонявшейся над тазом.

Да, двенадцать, и он уже кое-что понимал. Крис дождался, когда мать получит деньги за работу, выждал еще два дня, и только на третий подстерег гимназиста и выдрал его собственным же ремнем с гимназической пряжкой. Выдрал просто так, без малейшего законного основания. Может быть, смутно припомнив из Закона Божия, что «посмотревший на женщину с вожделением уже прелюбодействовал с ней в сердце своем».

Ему не суждено было стать рыбаком и уходить в море на шаланде или фелюге, потому что он нашел другие способы добывать рыбу. Сначала рыбу. Несколько корзин, поставленных в нужное место и в нужное время незаметно для начальства. Этого хватало, чтобы накормить семью и угостить соседей, а остатки можно было отнести перекупщикам. Потом были ящики с французским вином, разлитым и закупоренным в подвале старого Фишеля. Вино могло быть и португальским, и итальянским – это зависело не столько от пропорций, в которых смешивались сироп, сок, краска и спирт, сколько от наличия подходящих этикеток. Фишель не мог пожаловаться полиции, что у него пропадает часть продукции, потому что уж такая это была продукция. Когда Крис и его друзья подросли, ящики и корзины уже таскали Другие ребята, а Кирилл Белов делал то, что не могли делать другие – думал, рассчитывал, командовал. Делил, в конце концов.

Потом был вонючий трюм, и бесконечный океан, и удивительно тесный и грязный Нью-Йорк. Поначалу ему тоже пришлось делать то же, что и всем. Догнать с шайкой таких же, как он, юнцов пьяного матроса в закоулке, шарахнуть по затылку и вытрясти из карманов все его несчастные гульденy, франки и гинеи. Крису показалось однажды, что старший неправильно делит добычу, и он напомнил ему об арифметических правилах. Старший выхватил нож. Крис молча отдал свою долю и ушел. Назавтра старшего нашли с проломленным черепом. Юнцы позвали Крису, и с тех пор он перестал гоняться за пьяными матросами, потому что это могли делать другие. Он только выбирал, командовал и делил.

Когда в портовый район нагрянула полицейская облава, шайка Крису разбежалась по подвалам и чердакам. Здесь ребят и переловили. Крис успел вскочить в товарный вагон, и поезд унес его на юг. Ночью, когда состав ненадолго остановился у разъезда, в полуоткрытую дверь вагона влетел мешок и упал на доски с металлическим лязгом. Вслед за мешком в вагон забрался человек в широкополой шляпе. Крис затаился в темном углу, приготовив матросский нож. Незнакомец, почувствовав его присутствие, сказал, вглядываясь в темноту вагона: «Братишка, надеюсь, я тебе не помешал? Если ты не против, поедем вместе». Это был Энди Крофорд, налетчик из Остина, возвращавшийся в Техас после вынужденных двухлетних каникул, проведенных в тюрьме Линчберга.

Три года Крис был напарником Энди, три долгих и прекрасных года, до самой его кончины от шальной пули перепуганного пассажира дилижанса. За это время он многому научился. Он мог выжить в прерии и не потеряться в больших городах. Он научился отличать трудовые деньги, которые нельзя брать, от ворованных денег, которые брать надо. Главное же, чему научил его Энди, было искусство стрелять, не убивая.

В стране неограниченных возможностей Крис не достиг ничего такого, к чему стремились остальные. Но всегда брался только за такие дела, за которые не взялся бы никто другой.

Чтобы отвадить от беззащитной деревушки шайку конокрадов, Крису не нужны были ни армия, ни артиллерия, ни военно-полевые суды. Ему хватило пяти-шести опытных

мужчин. Желательно, хороших стрелков. И обязательно с безупречной репутацией.

Двое нашлись сами. Винн неплохо проявил себя на похоронах. Гарри тоже был надежным партнером.

Гарри рассказал Крису об одном ирландце, О'Райли. Бывший солдат служил охранником дилижанса, в котором Гарри ехал на серебряные рудники. На лесной дороге дилижанс остановили грабители. О'Райли, прыгнув с облучка, стрелял непрерывно, как шестирукий индийский бог. Дилижанс помчался прочь. Гарри хотел было помочь мужественному охраннику, но быстро понял, что ирландец справится и сам. Главное – не мешаться у него под ногами, когда он работает.

Добравшись до ближайшей станции, кучер рассказал о засаде шерифа с помощниками. Однако мчаться на выручку О'Райли не пришлось. Не прошло и получаса, как они увидели его, шагающего по дороге с тремя оружейными поясами на плече. Четвертый налетчик еле тянулся на привязи.

Рассказывали и другие истории про ирландца. Не все они были благочестивы, но это только укрепляло Крису в его заинтересованности. Одно его смущало. «А если он знает обо мне? – напрямую спросил он у Гарри. – Все-таки он охранник. Хорошо, если просто откажется. А если доложит шерифу?»

– Не доложит, не сомневайся, – заверил Гарри. – В охранниках он был недолго. Дольше служил в армии. Воевал с индейцами, с испанцами. Говорят, имел неприятности на службе. Раньше часто пропадал в церкви. Ярый католик, грехи замаливал. Говорят, натворил такое, что боится жить среди людей. Он как раз тот человек, что нам надо.

– А что он натворил, – с сомнением заметил Крис.

– Занимался охотой на людей: на отпетых убийц и живодеров. Сам он, как яркий католик, все равно считал своих клиентов людьми. Вот и замаливает теперь содеянное. А на заработанные деньги купил ферму в горах. С тех пор его редко кто встречал, но над сараем часто виден дымок. Передай ирландцу привет от меня, и он тебя примет. Думаю, такой человек нам не помешает. И в конце концов, ты же предлагаешь ему доброе дело. Какая разница, налетчик или охранник, святой или грешник будет совершать доброе дело?

И Крис, как обычно, согласился с Гарри Флетчером.

Они долго добивались до фермы, расположенной высоко в горах. Сначала путь лежал по старой ското-перегонной тропе, но она завела их на середину перевала и оборвалась, перекрытая осыпью. Винн попытался продвигаться вперед, но мерин с трудом шел, утопая в мелких камнях по самое брюхо. Пришлось отказаться от опасной затеи.

Крис вспомнил, что несколько минут назад они проехали мимо малозаметной тропинки, поднимавшейся круто по травянистому склону. Развернувшись, они отыскиали дорогу, спешили и принялись взбираться, ведя лошадей в поводу. На гребне перевала остановились, невольно любуясь зелеными склонами. Ниже них, впереди, за редкой рощицей виднелись крытые горбылем крыши трех построек и пустой загон для скота. Из трубы тянулся голубоватый дым. Вокруг, сколько хватало взгляда, не было ни одного человеческого жилья.

– Самое подходящее место для настоящего ирландца, – заметил Винн. – Зеленые склоны для овец, в роще полно топлива для печки, и ни одного англичанина на расстоянии ружейного выстрела.

– Надеюсь, мы не похожи на англичан, – сказал Крис.

– За себя я спокоен, – Винн поправил шляпу и несуществующий галстук. – Мои французские корни видны невооруженным глазом. А твои корни, если не секрет? Знал я одного парня из немцев, чем-то вы похожи. Ты где родился, на Востоке?

– Я родился не здесь, – коротко ответил Крис, и Винн не стал его расспрашивать, сменив тему.

– Мы выбрали неудачное время для визита, – заявил он. – В гости к ирландцу надо приходить в День Святого Патрика. Особенно если ты любишь виски. Ты любишь виски?

– Глоток виски никогда не помешает, – пожал плечами Крис. – Но с ирландцами одним

глотком не отделаешься. Я предпочитаю просыпаться без головной боли.

– Сразу видно, что ты никогда не пил настоящее виски, – сочувственно произнес Винн. – Настоящее ирландское виски. Его не сравнить ни с шотландским, ни с канадским, я уж и не говорю о бурбоне. Настоящее ирландское виски – большая редкость. Знаешь, почему? Во-первых, его перегоняют особым способом. Получается гораздо крепче. Во-вторых, пока готовят брагу для перегонки, настоящий ирландец не может удержаться и всю эту брагу выпивает. Поэтому ирландского виски так мало. Ты можешь меня спросить: если ирландского виски так мало, как же ирландцам удастся так много пить? Я тебе отвечу: есть и второй способ приготовления ирландского виски. Эту тайну передают из поколения в поколение. Мне раскрыл ее перед самой смертью один старый самогонщик. Я мог бы и тебе раскрыть секрет, но сначала ты должен мне кое-что пообещать.

– Что?

– Обещай, что не будешь отказываться, когда О'Райли предложит нам пропустить по стаканчику.

– Обещаю, – сказал Крис. – Валяй, раскрывай свою тайну.

– Итак, секретный рецепт ирландского виски, – Винн оглянулся и понизил голос, чтобы его не смогли расслышать овцы, которые мирно паслись на зеленом склоне примерно в двух милях от него. – Берется стакан бурбона, или скотча, или рома, или водки. В общем, берется стакан всего, что горит. И медленно вливается в пол-кружки пива. Пить большими глотками.

– И весь секрет? – серьезно спросил Крис.

– Не забудь о своем обещании, – ответил Винн.

О'Райли колот дрова на заднем дворе, не обращая внимания на подъехавших всадников.

Он был высоким и длинноруким и с устрашающей ловкостью орудовал топором на длинной рукоятке. Крис отметил, что у дровосека были отнюдь не ирландские черные прямые волосы и широкие мексиканские скулы.

Дождавшись, когда хозяин фермы повернется в их сторону, Крис обратился к нему по-испански:

– Хола! Вам привет от Неугомонного Гарри. Он сказал, что вашему хозяйству не помешают инвестиции.

– Вот еще, – проворчал О'Райли.

На его месте предприимчивый хозяин мог бы проявить и большую заинтересованность. Ферма состояла из пары покосившихся сараев, откуда не доносилось ни единого звука. Похоже, что домашних животных не было там давно. Каменный дом был бы хорош, если не считать окон, зарешеченных гнилыми досками. Загон для скота, огороженный ветхими жердями, давно уже не топтало ничье копыто. Только дымок над сараем и характерный запах пролитого самогона выдавали присутствие человека.

– Милое местечко, – сказал Винн, оглядываясь.

– Есть работа для шестерых стрелков, которые не любят конокрадов, – сказал Крис, поняв, что здесь не принято читать предисловия.

– Сколько стволов на другой стороне? – деловито спросил О'Райли, расколов полено пополам.

– Тридцать.

– Один к пяти? – О'Райли прищурился, что означало насмешливую улыбку. – Не вижу шансов.

Он установил новое полено, занес топор над головой и неуловимым движением опустил его. Сверкнуло лезвие, прошелестел ветерок, и тут же звонко вскрикнуло полено, раскалываясь на две половинки, сочно блестящие свежей сердцевиной.

– Два года назад, разбираясь с семейкой Бланков, вы тоже не видели шансов?

Ирландец внимательно осмотрел блестящее лезвие топора, попробовал его ногтем и сокрушенно покачал головой. Весь его вид говорил, что он полностью поглощен заготовкой дров. Состояние инструмента заботило его гораздо больше, чем собеседники за спиной,

ожидающие ответа.

– Тогда я получил шестьсот долларов за их скальпы, – наконец проговорил он, вытирая лезвие топора рукавом.

– А когда в Ларедо бесследно пропал Эрнандо Сильва со всей своей бандой? – напомнил ему Крис. – Тогда у вас были шансы?

– Шансов не было. Поэтому городские власти и заплатили мне восемьсот.

– Можете заработать двадцать, – веско заявил Крис.

Винн отвернулся, до скрипа стиснув зубы, чтобы не расхохотаться.

О'Райли ничего не ответил, устанавливая половинку полена на плаху. Еще одно неуловимое движение топора, и половинка превратилась в две разлетевшиеся четвертинки.

– Ну что же, – сказал он наконец. – Один против пятерых? Прекрасные шансы. Не желаете пропустить по стаканчику виски?

БРИК БОЛТУН

Покинув гостеприимную и процветающую ферму О'Райли, Крис и Винн направились на железнодорожную станцию. Винн жил там и часто общался с ковбоями, ожидавшими отправки в лагерь. Он охотно обсуждал с ними проблемы развития животноводства в Техасе, и сам был готов отправиться на работу, как только появится стоящее предложение. Но предложений было мало, а ковбоев много.

Это были последние остатки великой армии, когда-то покорявшей бескрайние просторы прерии, а теперь потерпевшей поражение в битве с железной дорогой.

В течение трех десятилетий после Гражданской войны пастбища Техаса, Юго-Запада и Великих Равнин поставляли мясо для городов Севера и Востока, причем товар шел своим ходом. Ему навстречу строились железные дороги, и погрузочные станции долго оставались теми маяками, к которым тянулись по прерии многотысячные стада.

Среди ковбоев, что томились на станции, многие слышали о великой Тропе Чизхолма, но пройти по ней им не довелось. Торговец Джесси Чизхолм в 1866 году проехал на своем фургоне через индейские земли Оклахомы от Сан-Антонио до Абилена в Канзасе и проложил в девственной прерии колею длиной в тысячу километров. Весной следующего года в Абилене открылась конечная станция железной дороги. Сюда, по сохранившейся колее фургона, отправились из Сан-Антонио первые стада.

Тысяча миль. Десять миль в день – удача. Пятнадцать – счастье. Огромное стадо в полторы-три тысячи голов, неспешно бредущее от водопоя к водопою. Жара и пыльные бури. Грозы и ливни, переходящие в наводнения. Волки, койоты, скорпионы и змеи. И дикий бродячий скот, который страшнее хищников, потому что может заразить неизлечимой болезнью все стадо. И непроглядные ночи, когда не сомкнешь глаз, оберегая покой спящего стада: бывало, внезапный звон упавшей на камин посуды вызывал у пугливых животных панику, что животные срывались с места и лавиной неслись в ночи, сметая все на своем пути, калеча домашний скот и затаптывая насмерть людей. Вот какой была работа ковбоя. Вот за что, трудясь по двадцать часов в сутки, получал он свои тридцать-сорок долларов в месяц.

Но и эту работу стало все труднее и труднее получить. Железные дороги перечеркнули прерию из стороны в сторону, и новые станции уже открылись на самой границе. Пастбища все чаще огораживали проволокой, и перегоны становились все короче и короче. От Тропы Чизхолма осталась широкая дорога в прерии, да множество песен, которые долго еще будут петь у костра.

Сейчас ковбоев ждала работа в загоне. Добравшись до ранчо, они займутся телятами, которых надо клеймить. Потом возьмутся кастрировать быков и спиливать им рога и наконец отсортируют скот для продажи и погонят его к ближайшей погрузочной станции.

Но пока хозяева дальних ранчо были редкими гостями здесь на станции, и ковбои томились ожиданием, убивая время за картами и в бесконечных разговорах. Там-то Винн и

услышал о человеке по кличке Брик Болтун. Услышал же он такое, что не преминул передать Крису.

Это был случай, когда на стадо молодых быков налетела банда Черного Кельнера. Брик в одиночку пустился за грабителями, перебил всех и спустя пару недель пригнал животных хозяину.

– Говорят, этот Брик разбивает три бутылки, брошенные в воздух, – сказал Винн. – Он, конечно, может удивить местных стрелков, но только не индейцев моей школы. У меня лучшие стрелки попадали в три сосновые шишки, и не из револьвера, а из винчестера.

– Мы с Бриком знакомы, – сказал Крис. – Вряд ли он согласится, но поговорить все равно стоит. Только ты не все его фокусы знаешь. Его трудно раскрутить. Однажды я сам видел, как он пробил три шляпы. В том числе и мою. Мы их подбросили одновременно, и упали они, уже пробитые.

– Простреленной шляпой не удивишь даже местных мастеров, – заметил Винн.

– Разве я сказал «простреленные»? – Крис усмехнулся. – Он пробил их тремя ножами.

Когда Крис и Винн прибыли на станцию и остановились у коновязи, на площадке у паровоза разворачивались непонятные события. В тени жидкого заборчика сидел на земле худой ковбой, расслабленно вытянув свои длинные ноги и надвинув шляпу на глаза. Перед ним стоял взмокший краснолицый верзила, сжимая кулаки и повторяя:

– Брик! Проснись! Ответь мне! Брик! Я с тобой говорю! Брик!

В ответ Брик надвинул шляпу еще глубже.

– Слушай, Брик! Мне тут рассказали, как ты дрался в Томбстоуне. А я не верю!

В этих краях выражение недоверия обычно служило преамбулой к вызову на поединок. После таких слов собеседник обязан был со сдержанным гневом спросить: «Так ты считаешь, что я вру?» – «Да, я думаю, что ты врешь!» – отвечал оппонент, выхватывая револьвер. Дальнейшее было уже делом техники. Иногда тот, кто первым выхватывал оружие и нажимал на крючок, оказывался в проигрыше: его поспешная пуля уходила в землю, в то время как противник успевал поднять ствол на уровень живота и оказывался прав. И никто уже никогда не вспоминал, из-за чего они спорили. Кто жив, тот и прав.

Эти нормы этикета были хорошо известны ковбоям. Но Брик не следовал никаким нормам. Он на секунду приподнял шляпу над глазами и с холодным любопытством глянул на собеседника. «Ты не веришь? – словно говорил его взгляд. – Ну и не верь. А мне-то что?» Оценивать вслух чужое мнение Брику было лень, шляпа вернулась на глаза, а ноги вытянулись еще длиннее.

В толпе ковбоев, с жадным любопытством следящих за скандалом, кто-то отчетливо рассмеялся в ответ на красноречивый жест Брика.

Верзила в ярости оглянулся и с новыми силами принялся приставать к утомленному собеседнику.

– Брик! Ну признайся, что ты просто наврал!

Шляпа еще раз приподнялась. Взгляд Брика был по-детски удивленным. Собеседник словно играл в карты сам с собой. Сначала он сделал свой ход, потом пошел за Брика. Эту игру надо было как-то остановить. С неожиданной легкостью Брик поднялся и встал возле углового столбика забора. Не произнося ни слова, он махнул рукой в сторону телеграфного столба, и верзила обрадованно зашагал на указанную позицию.

Крис, наблюдая за происходящим от коновязи, насчитал десять шагов дистанции между спорщиками. Стреляться на таком расстоянии, да еще из этих кольтов, которые могут уложить бизона? «Ну и порядочки у вас», – неодобрительно проговорил он. «Жара, безделье, – пожал плечами Винн. – Расславляются люди».

Пока верзила расстегивал кобуру, Брик поставил на забор рядом с собой пустую кружку. Он не стал доставать револьвер. В его руке щелкнул, распрямляясь, складной нож.

– Сигнал! – потребовал верзила, нервно постукивая пальцами по рукоятке револьвера.

Один из ковбоев вышел на площадку у паровоза, где изготовились спорщики, и поднял к небу свой револьвер.

Грохнул сигнальный выстрел. Сразу же за ним раздался выстрел верзилы, и кружка Брика с визгом слетела с забора и прокатилась по траве. Пауза между этими двумя выстрелами была ничтожна. Но все услышали, как перед вторым выстрелом раздался еще один звук – короткий и сухой удар ножа, который воткнулся в столб рядом с верзилой. Рукоятка ножа торчала на уровне его груди.

Верзила обвел собравшихся радостным взглядом, указывая дымящимся стволом револьвера на сбитую кружку:

– Ну что, видели?

Брик подошел к столбу и с усилием выдернул свой нож. Верзила растерянно глянул на треугольную щель, оставшуюся в столбе, и снова оглянулся к зрителям.

– Вы же все видели, я выстрелил первым!

Зрители пожимали плечами и отворачивались:

– Трудно сказать... Почти одновременно...

Брик между тем вернулся к примятой траве под забором, обессиленно опустил на прежнее место и надвинул шляпу на глаза.

Его противник, размахивая револьвером, кидался от одного зрителя к другому, но никто из них не подтвердил его победы. Его красное лицо стало багровым, а потом серым от бешенства. Громко топая и вздымая клубы пыли, он снова направился к Брику.

– Брик! Вставай! Мы начнем все сначала! Но только по-настоящему! Вставай, ты, хвастун! Ты слышал, что я сказал? Я сказал, что ты все врешь!

В ответ Брик опустил шляпу так, что она закрыла даже кончик его длинного носа.

– Вставай! – закричал верзила и выстрелил в землю рядом с сапогами Брика.

Брик не шелохнулся.

– Встань и покажи, на что способен, грязный хвастун! Вставай, или признай, что я выиграл!

Брик встал.

– Ты проиграл, – сказал он, и многие впервые услышали его голос.

Брик снова оказался у забора, но на этот раз ему не потребовалась кружка в качестве мишени. Теперь мишенью был он сам. Верзила, стоя в десяти шагах от него, раскачивался от нетерпеливой ярости, и пальцы его сжимались и разжимались, предвкушая сладость выстрела.

– Сигнал! – потребовал верзила. – Я требую сигнала!

– Ребята, давайте остановимся, – сказал ковбой, от которого ждали сигнального выстрела. – Нам не нужны новые проблемы. Покричали, и хватит, ребята...

– Сигнал, – коротко бросил Брик.

Все замерли. Сигнальный револьвер нацелился в небо. Верзила застыл в напряженной позе, не сводя горящего ненавистью взгляда с тощей фигуры Брика. А Брик смотрел на него с задумчивым любопытством, слегка прищурясь и наклонив голову на бок. И никто, кроме Криса, не видел, что кисть его безвольно висящей руки плавно и упруго отгибается назад, и между пальцами проступает черный зуб клинка.

Сигнальный выстрел прогремел с неожиданной силой. Верзила успел выхватить кольт, но выстрела не последовало. Все услышали чмокающий удар ножа между ребрами и вслед за этим – изумленный вздох верзилы. Он пошатнулся, схватившись за грудь. Ноги его подогнулись, и он осел на землю, как скошенный стебель.

– Готов, – проговорил Винн.

– Насмерть, – подтвердил Крис.

– Брик мог бы его ранить в руку, – предположил Винн.

– Зачем? – Крис пожал плечами. – Чтобы продолжить спор?

Брик поднял с земли седельные сумки и перекинул через плечо. Ковбои, сбегавшиеся к поверженному верзиле, смотрели на него достаточно красноречиво. Если бы поблизости оказался шериф, дело могло получить малоприятное продолжение.

Будь на месте Брика кто-то из своих, местных, шериф не стал бы вмешиваться. Оба

вооружены, оба правы, каждый по-своему. Честный поединок, к тому же проиграл тот, кто его затеял.

Но Брик был здесь один, и он был пришлым. Мало того, что он мог отнять работу у кого-то из собравшихся ковбоев, он отнял у одного из них жизнь.

Несколько человек двинулись вслед за Бриком, молча и многозначительно переглядываясь.

Быстрой, но спокойной походкой Брик удалялся от толпы, направляясь к коновязи. Здесь его и встретил Крис. Заметив его, преследователи остановились.

– Брик!

– Крис?

– У тебя найдется пара минут для меня?

Брик кивнул.

Крис проводил взглядом преследователей, которые разошлись в разные стороны, явно отложив свои намерения до более подходящего времени.

Брик не оборачивался, но, похоже, по глазам Криса догадался о том, что происходит за его спиной. Он улыбнулся так же безмятежно, как иногда улыбался Крис.

Многие посчитают, что для человека, только что стоявшего на краю могилы, эта улыбка была неестественной. Особенно если принять во внимание, что минуту назад он только что собственноручно отправил на тот свет другого человека.

Но Крис знал, что эта безмятежная улыбка относится не к нему, и тем более не к недавнему приключению, а к тем людям, которые что-то затевали за спиной Брика. Улыбка ничего не выражала, ни презрения, ни насмешки. Она всего лишь позволяла расслабиться. Для быстрых и точных действий в бою надо, чтобы все ненужные мышцы были расслаблены.

– Есть работа на другой стороне реки, – сказал Крис. – Патроны и еда бесплатно.

– Я еду на ранчо Тома Васкеса, – ответил Брик.

Винн хотел вмешаться и что-то сказать, но Крис остановил партнера. Перед ними был не тот человек, которого можно уговорить.

– Жаль, – только и сказал Крис.

– Жаль, – согласился Брик.

НЕДОЛГИЕ СБОРЫ

К ужину все собрались в штаб-квартире мексиканской конторы по найму мухобоев, то есть в буфете гостиницы, в которой остановились Рохас, Мигель и Хилларио.

О'Райли сидел за столом с мексиканцами. Все четверо с одинаково непроницаемыми лицами занимались дегустацией народного ирландского напитка, сваренного на основе техасских ингредиентов. О'Райли собирался взять его в дорогу не только для питья, но и для лечения ран, порезов, ангины и шума в ушах.

За соседним столом Неугомонный Гарри азартно раскладывал пасьянс «Сокровищница фараона». Пасьянс, после отчаянного сопротивления, сошелся, и Гарри радостно начертил на столе новый крестик. Он уже выиграл у фараона двадцать пять тысяч древнеегипетских долларов.

Крис и Винн составляли список необходимых покупок. Винн настаивал на еще трех дюжинах патронов 44-го калибра, которые годились и для его винчестера, и для кольта. Крис считал, что лучше взять побольше вяленого мяса, чтобы не обременять хозяев кормежкой.

– Вот если бы с нами был Брик, – сказал Крис, – пришлось бы гнать с собой небольшое стадо, иначе его не прокормить. В жизни не встречал человека, который может съесть так много, оставаясь при этом худым, как щепка.

– А ты давно его знаешь?

– Мы провели вместе много времени, – Крис отпил изрядный глоток виски и мечтательно улыбнулся, покачивая головой. – Это было очень интересное время...

Замечательное место, пустыня. Я люблю пустыню. Замечательные ребята, Брик со своей командой перегонщиков. Семь недель мы сидели в осаде в Нью-Мексико. Банда Кровавого Андерсена соединилась с индейцами и пробивалась на юг, в горы Сьерра-Мадре. А ранчо, где мы остановились передохнуть, было как раз у них на пути. Кровавый Андерсен попытался взять ранчо с налета, но мы отбились. Попытался еще раз, мы отбились еще удачнее. Тогда он решил взять нас на измор и обложил кольцом, рассчитывая покончить с нами за два-три дня. Откуда ему было знать, что не только Брик со своим табуном, но и я застрял в этом месте со своим караваном, и то, что я везу не простой груз, а патроны и ружья для моих друзей на Западе? Мы держались ровно семь недель, от субботы до субботы. К счастью, когда патроны подошли к концу, подоспела армия и погнала остатки банды Андерсена дальше в горы. Я в той поездке много потерял, зато познакомился с Бриком.

– Как думаешь, почему он отказался? – спросил Винн.

– Он же ясно сказал. Он едет на ранчо.

– Но ты даже не попытался ему рассказать о нашем деле!

– А зачем? Ему и так уже рассказали. О нашем деле знают все. Просто он едет на ранчо.

Он хочет пасти коров, а не разгонять шайку оборванцев.

– Конечно, – сказал Хилларио, отвлекаясь от процесса дегустации. – На ранчо он заработает деньги, а у нас...

– Ему не нужны деньги, – сказал Крис.

– А что ему нужно?

– Достойный противник.

– Знаешь, – Винн покачал головой, – не хотел бы я столкнуться с парнем, которого Брик сочтет достойным противником. Я даже и не представляю, кто бы это мог быть.

– А я представляю, – сказал Крис. – Сам Брик.

Заскрипела входная дверь, послышались неуверенные, но громкие шаги, и на пороге возникла знакомая фигура парнишки в кожаном жилете. Это был Чико.

Пошатываясь, он спустился по ступеням и остановился посреди буфета. Взгляд его блуждал по незнакомым лицам, по запыленным бутылкам, по темному закопченному потолку и грубым столам и наконец остановился на фигуре Криса.

Чико, облизывая губы, направил на него палец и выкрикнул:

– Ты здесь! Я нашел тебя! Хлопай в ладоши, да?

Хлопай в ладоши? Ты думаешь, я пришел к тебе в ладоши хлопать? Я пришел, потому что уважаю тебя. Потому что мечтал работать с таким человеком. А ты меня выставил полным придурком! Обошелся со мной, как с малолеткой!

На него смотрели со снисходительным любопытством. Мигель, как самый молодой из присутствующих, попытался образумить подгулявшего гостя и встал перед ним:

– Сеньор, успокойтесь...

Но Чико с неожиданной яростью оттолкнул крестьянина и выхватил револьвер:

– Ты, фермер несчастный, не лезь в наши дела! Перестреляю всех!

Мигель благоразумно отступил к бару, а невозмутимый буфетчик опустил руку на спрятанный под стойкой дробовик.

Винн перехватил взгляд буфетчика и еле заметно качнул головой из стороны в сторону. Буфетчик вернулся к протирке стаканов. О'Райли тоже взялся за стакан. В руках у Гарри снова появились карты, а револьвер вернулся в кобуру так же бесшумно, как и выскочил из нее.

За те считанные мгновения, когда Чико вытаскивал револьвер, все успели достать и снова спрятать свое оружие, и только Крис оставался неподвижным.

Парой минут раньше он казался непривычно оживленным. Но сейчас на лице его снова появилась маска равнодушного спокойствия. Он сидел за столом, задумчиво поглаживая пальцами кромку стакана, и, казалось, не слышал и не видел наступающего на него юнца.

А Чико кричал все громче:

– Ну давай, достань свой ствол! Давай проверим, кто из нас круче! Только без фокусов!

Один на один! На пять шагов! Давай, будь мужчиной!

Крис поднес стакан к губам и снова поставил его на стол, беззвучно, как во сне. Чико проследил за движением стакана, спокойствие Криса окончательно вывело его из себя. Он вскинул револьвер и выстрелил дважды. Два рикошета промяукали у дальней стенки.

Крис остался неподвижен.

– Ты что, не слышишь меня?! – чуть не плача, выкрикнул Чико. – Встань! Вот я! Стреляй в меня, если ты мужчина! Посмотрим, кто круче!

Крис снова поднес стакан к губам и отпил глоток. Когда посуда по-прежнему беззвучно вернулась на стол, Чико шагнул вперед и уставился вытаращенными глазами на стакан, словно пытаясь убедиться в его реальности.

Наверно, он увидел такое, чего не видели окружающие. Лицо его внезапно исказила гримаса изумления. Ноги Чико подкосились, падая, он уронил револьвер на стол. С громким стуком голова парня ударилась о деревянный пол. И тогда Крис, наконец, встал и подошел к буфетчику, вытиравшему полотенцем взмокший лоб.

– Наш юный гость доставил вам беспокойство, извините нас, – сказал он, кладя монету на стойку. – У него был тяжелый день. Пусть выпится. Утром верните ему револьвер. И дайте пива.

Он повернулся к выходу и увидел, что в проеме открытой двери, небрежно прислонившись к косяку, стоит Брик. Седельные сумки свисали с его плеча.

Крис не удержался от довольной улыбки. Брик улыбнулся в ответ.

– Я передумал, – сказал он.

Крис понял, что в город вернулся шериф.

– Завтра с утра выезжаем, – объявил он.

Теперь их было пятеро, и задача становилась проще. Один против шестерых, если в банде действительно тридцать всадников. Это соотношение будет исправлено после первой же стычки. И если исправить его достаточно сильно, то второй стычки не будет. Дикие звери быстро учатся. Наступив однажды на капкан, шакал больше никогда не сунется в него. Так и бандиты, получив по зубам, оставят деревню в покое. Есть и другие деревни, в конце концов.

Один против шестерых – сойдет для начала, решил Крис.

Соотношение изменилось гораздо быстрее, чем он рассчитывал.

Когда Крис вместе с Винном направился к себе в номер, портье предупредил его:

– Вас ждут. Очень приличный джентльмен. Назвался вашим другом.

– У тебя есть приличные друзья? – удивился Винн.

– Не все же такие, как ты, – сказал Крис.

Опасаясь неприятностей, они обошли отель и заглянули на конюшню. Новых лошадей не было, значит, гость прибыл пешком.

Крис толкнул дверь. В луче лунного света он увидел сидящего за столом приличного джентльмена в костюме и белоснежной сорочке. Мужчина держал руки под столом, на коленях. Черный сюртук был распахнут, над поясом висела пустая кобура.

Это была необычная кобура, и для Криса и Винна она многое говорила о ее владельце. Она была сделана из тонкой, но плотной кожи, и каждым своим изгибом, каждой выпуклостью или впадинкой повторяла форму отсутствующего короткоствольного револьвера. Внутренняя часть кобуры лоснилась от частого соприкосновения с металлом. Она висела на тонком ремне, который уходил под плечо сюртука. На ней не было клапанов или предохранительных ремешков для удерживания оружия. Револьвер держался в кобуре за счет своей формы и особой цепкости кожи. Незаменимая вещь в тех краях и заведениях, где не приветствуется открытое ношение оружия.

– Добрый вечер, Крис Беллоу, – произнес джентльмен, вкладывая револьвер в кобуру.

– Ли Броуди! – сказал Крис. – Вот уж кого не ожидал увидеть в таком месте.

– Я уже начал опасаться, что мне дали неправильный адрес, – сказал Ли, встав и сдержанно кивнув Винну. – Набираешь людей в Мексику?

– Уже набрал. Но одно место свободно.

– Надолго?
– Месяц-полтора.
– Меня устраивает. Сколько платишь?
– Двадцать.
– Аванс?
– Тебе? Могу дать, – сказал Крис, доставая монету.
– Надо рассчитаться за постой, – сказал Ли. – Не хотелось бы подрывать у хозяйки веру в людей.
– Могу я узнать, в каких краях умеют делать такие интересные детали туалета? – спросил Винн, похлопав себя по животу в том месте, где у Ли Бруди была спрятана кобура. – Наверно, дорогое удовольствие, если не осталось денег заплатить за угол в этом захолустье?
– Рисака, Джорджия, – сказал Ли. – Мастер Кен Налл-старший. Могу дать рекомендательное письмо, если надумаете к нему обращаться.
– Давно я не был в Джорджии, – сказал Винн. – Конская кожа, как я понимаю. А почему черная, а не рыжая, как у меня, например?
– У вас она уже не рыжая, – сказал Ли, – а пятнистая. Металл пачкает кожу. А если покрасить ее заранее в черный цвет, то это незаметно.
– А черная кобура под черным сюртуком выглядит особенно изысканно и строго, – иронично продолжил Винн.
– Это тоже важно, – хладнокровно кивнул Ли.
– Мы отправляемся утром, – сказал Крис, прерывая разговор двух франтов. Он знал, что Ли может часами говорить о принципах подбора галстука к жилету, а Винн, похоже, так же помешан на амуниции. – Ты успеешь собраться?
– Я собран. Знаешь овраг на южной стороне? Жду вас там на рассвете, – сказал Ли и церемонно поклонился Винну на прощание, исчезая в темноте улицы.
Крис проводил его взглядом:
– Один против пяти. Наши шансы подросли за этот вечер.
– Ты уверен? – спросил Винн, сгибая и разгибая указательный палец на уровне глаза.
Крис уверенно выставил вперед ладонь.
– Стрелок отличный. Стальные нервы и с мозгами все в порядке. Он игрок. Никогда не садись с ним.
– Он знает, какую игру ты ему предложишь?
– Ему все равно, – сказал Крис.
– Как и мне. Как и всем нам, – согласился Винн.

ПОКЕР ПО СРЕДАМ

Крис познакомился с Ли Броуди во время ограбления игорного дома. Самое смешное, что грабили не они. Грабили их.

Притон располагался на окраине городка Флэшбург, штат Колорадо. Заведению покровительствовал местный шериф – бывший содержатель притонов и борделей. Горожане знали, кого посадить на этот пост. Прежний шериф сетовал на плохое освещение городских улиц, что способствовало росту преступности. При новом шерифе жить в городе стало гораздо спокойнее, хотя фонарей на улицах не прибавилось. Появилось только одно сооружение – виселица во дворе городской тюрьмы. Первое время она редко стояла свободной.

Наведя порядок на улицах, шериф Эрп Дуглас взялся за игорные и публичные дома, запретив работать в черте города. Подходящих зданий за городом было не так много, и все они, по невероятному стечению обстоятельств, принадлежали ближайшим родственникам шерифа. В конце концов флэшбуржцы и гости города стали отправлять свои азартные потребности в одном-единственном игорном доме со звучным названием «Одеон».

Надо напомнить, что через Флэшбург лежала дорога к золотым приискам, и многие гости города расплачивались не банкнотами или монетами, а золотым песком и самородками. Высокая концентрация шальных денег делала город чрезвычайно привлекательным для Криса и для его конкурентов.

В тот роковой вечер он пришел в «Одеон» на разведку. Отдал неизбежную дань Черному Джеку, насладился пением и пластикой местного колоратурного сопрано, отведал «натурального шотландского виски», вспомнив добрым словом старого одесского Фишеля.

К исходу третьего часа наблюдений Крис смог выяснить путь, по которому собранная выручка перетекает в сейфы подвалов «Одеона», а оттуда в банк «Дуглас и Зильбер». Охрана перевозки была организована Дугласами безупречно, со знанием дела, но Крис и не собирался затевать сражение с перевозчиками. Он нашел единственное уязвимое место в этой цепочке – участок между кассой и подвалом.

Присев для приличия за покерный стол, Крис незаметно изучал подходы и выходы, расстановку охранников, их вооружение и черты характера. Увиденное весьма способствовало росту его оптимизма, и партнерам по игре в покер оставалось только удивляться тому редкостному благодущию, с которым он беспечно проигрывал доллар за долларом.

Один из игроков, бледнолицый франт, во время сдачи карт подчеркнуто откидывался на спинку стула, смотрел в потолок и брал свои карты последним. Говорил он только тогда, когда требовалось объявить свой ход. За время игры он не произнес ни слова о репертуаре и габаритах колоратурного сопрано. В общем, партнер малопрятный. Особенно если учесть, что при этом ему страшно везло. Если бы Крис пришел сюда ради развлечения, он бы невзлюбил этого человека так же искренне, как не любили его прочие участники игры. Но Крис был здесь по делам, а этот человек неплохо делал свое дело, и этим был симпатичен.

Наблюдая за действиями мистера Броуди, Крис задержался за покерным столом и стал невольным свидетелем и участником чрезвычайного происшествия, которое долго не сходило с криминальных полос колорадских газет.

В «Одеон» не принято было ходить с оружием. Привратники на входе коротко и вежливо объясняли новичкам, что в игорном доме собирается почтенная публика и кольты следует оставить дома. В «Одеон» следует приходить налегке, и в кармане должны звенеть не патроны, а монеты. Закон соблюдался строго и без исключений. Тем сильнее было удивление почтенной публики, когда на сцену вместо «колоратурного сопрано» вышел давно не бритый джентльмен в кожаном жилете и высоких сапогах, держа в каждой руке по револьверу с отвратительными широкими гранеными стволами.

Небритый джентльмен объявил, что следующим номером программы будет сбор благотворительных пожертвований в фонд Такера. Охранники, находившиеся в зале, не возражали, они лежали на полу в позе миссионера, но без дамы. Рядом с каждым стояло два-три джентльмена, по виду – единоутробные братья выступающего.

Сбор пожертвований начался с кассы. Собранная выручка сноровисто укладывалась в мешки с клеймом федеральной почты, что говорило о разнообразии интересов «фонда Такера». На столах заманчиво высились горки денег. Единоутробные принялись ходить по залу с мешками и очищать столы с помощью лопаток, любезно предоставленных им местным крупье.

Крис с интересом наблюдал за действиями конкурентов и мысленно аплодировал им. Они тоже обнаружили единственное уязвимое звено в цепи «карты-касса-банк», но использовали его не на сто, а на сто пятьдесят процентов. Если все закончится удачно, они унесут отсюда не только законную выручку игорного дома, но и деньги, которые посетители проиграли друг другу. Или выиграли, мысленно добавил Крис, увидев лицо своего удачливого партнера, мистера Броуди.

Ли Броуди был весьма огорчен незапланированными изменениями в программе вечера, хотя и старался не подавать вида. Лицо его сохраняло строгое сосредоточенное выражение, и только губы были сжаты в бесцветную складку, а брови сведены к переносице. Он сидел,

откинувшись на спинку стула, и держал руки под столом.

Когда сборщики пожертвований приблизились к их столу, Крис обратился к Ли с вопросом, который прозвучал в тот момент довольно странно: «Вы не подскажете, сэр, какой сегодня день недели, вторник или четверг?» Ли повернулся к нему, с трудом отвлекаясь от своих мыслей: «Вторник? Четверг? Да сегодня среда!»

Лопаточка, конфискованная у крупье вместе с выручкой, сгребла деньги Ли со стола в тот момент, когда Крис говорил ему: «Прекрасно, сэр! Значит, завтра уже четверг. А там и суббота не за горами. А потом и новая среда!»

«Вы правы как никогда, сэр», – медленно выговаривая каждое слово, ответил Ли Броуди, и Крис подарил ему самую безмятежную из своих улыбок. Не так часто можно встретить человека, который понимает бессмысленные фразы.

На самом деле нет бессмысленных фраз, как нет бессмысленных действий и бесполезных жертв. В повседневной суете мы часто не успеваем разглядеть смысл, который присутствует во всем. Ли Броуди не только лихо просчитывал возможные комбинации в покере, но и смог понять сказанное Крисом. Сегодня – не самый последний день. Будет новый день, будет новая игра, будут новые выигрыши. Но только для тех, кто останется в живых. А перестрелка с грабителями, даже если закончить ее удачным нырком в соседнее окно, оставляла присутствующим мало шансов дожить до новой партии. Ли все это понял. Не понял он только, откуда Крис узнал о его планах.

– До новой среды я научу вас играть в покер, – добавил Ли, чтобы выразить свою признательность.

Единоутробные благополучно удалились, а Ли вернул револьвер под жилет так же незаметно, как и вынул его оттуда.

Из «Одеона» они ушли вместе. В следующую среду они снова посетили заведение, но уже вместе с командой Криса. Ли сидел за игорным столом у окна. Он дал условный сигнал, когда в кассе начали паковать выручку. Крис вышел на эстраду вместо «колоратурного сопрано», а его партнеры обошли зал с новой лопаточкой крупье. Охранники со скучающим видом лежали на ковровых дорожках, а публика тихо роптала.

Выбравшись за город, Крис вернул партнеру его законный выигрыш, вынув деньги из той пары мешков, которые его команда вынесла из «Одеона».

С тех пор, говорят, в «Одеоне» по средам выходной день.

ВИРНСЕНТ КРОКЕТ, РЕЙНДЖЕР-ЗАНУДА

Благообразный Ли Броуди действительно ждал нас в овраге. Не знаю, где он ночевал, но в любом случае переодеться он забыл. Я смотрел, как он выступает в поход в своем безупречном костюме, с шелковым сверкающим жилетом и блестящими запонками на белоснежных, острых, как бритва, манжетах сорочки. Без лишних слов, слегка приподняв шляпу, он приветствовал нас и занял место в конце колонны, рядом с Бриком. В седле Ли Броуди держался по-калифорнийски, чуть откинувшись назад, а не прямо, как принято в Техасе и Вайоминге. Больше я ни к чему придираюсь не стал, потому что разглядел его оружие.

Я уже знал про короткоствольный кольт в кобуре под жилетом. Но бросив мимолетный взгляд на спину Броуди, я заметил под натянутым сукном сюртука очертания второго «малыша», наверняка спрятанного в такой же изысканной кобуре. Забавно, у меня на этом самом месте тоже был кольт, но только засунутый за пояс и при быстрой езде натирающий мне задницу кончиком ствола. Буду в Джорджии, закажу себе у Кена-старшего такую же кобуру. Если, разумеется, на нее хватит дядюшкиного наследства.

В седельной кобуре мистер Ли Броуди держал более солидный инструмент, наверняка полученный им в качестве выигрыша. Не думаю, что карточному игроку так уж необходим «смит-вессон» 44-го калибра с восьмидюймовым стволом. Скорее всего, он выиграл его у охотника на бизонов, после того как тот отдал ему все свои деньги и шкуры. Кстати, и

кобыла его, белая арабка, безумно дорогая и совершенно непригодная для войны (а мы ехали на войну), тоже, скорее всего, была выиграна в карты. Чтобы купить эту живую мишень, надо было родиться в семье русского князя и при рождении хорошенько задеть темечком о золотой балдахин. Но Крис говорил, что у мистера Ли Броуди с головой все в порядке. Наверно, так и есть. Если не считать того, что он поехал с нами...

Рядом с ним ехал на невзрачной мексиканской лошадке Брик. Я заметил, что и он с интересом глянул на соседа, точнее, на его дальнобойную артиллерию.

Брик и Ли Броуди замыкали колонну. Впереди них скакали Гарри и О'Райли. Иногда они догоняли меня и Криса, и тогда я мог услышать, о чем они говорят.

«Ацтеки спрятали в горах больше золота, чем вывезли испанцы за все эти годы», – мечтательно произносил один. – «А ты знаешь, что они делали бальзам из мышиных хвостов. Говорят, получалось крепче, чем ром», – сурово отвечал собеседник, булькая фляжкой.

Возглавляли колонну наши мексиканские работодатели. Их кобылы неторопливо и усердно выбивали пыль из дороги.

Наш путь лежал через горы и реки, через леса и прерии в страну, где люди едят на золотых тарелках. Когда находят хоть какую-нибудь еду.

В эту страну попадаешь сразу, как только пересекаешь реку. И даже раньше. Еще на середине переправы, когда задние ноги коня еще омывают струи Рио-Гранде, а передними ногами он уже рассекает воды Рио-Браво-дель-Норте. Одну и ту же реку по-разному называют на разных ее берегах. Неудивительно, что и жизнь на этих берегах разная.

Эта дорога считается безопасной. Даже мексиканские друзья легко преодолели ее без оружия, и никто их не ограбил. Правда, грабителям пришлось бы поломать голову, чем разжиться, остановив бедняков... С этой точки зрения нам тоже ничего не грозило.

Тем не менее, я оглядывал дорогу так внимательно, будто эскортировал весь золотой запас Конфедерации.

Мы долго взбирались на перевал. Перед нами одна за другой раскрывались зеленые долины, притаившиеся между голубых гор, словно складки разноцветных испанских юбок. Наверху воздух был настолько прозрачным, что я понимал, на этой тропе нас видно так же хорошо, как и мы видим белые кубики глинобитных домиков под бурыми тростниковыми крышами и пестрое расплзающееся пятно коровьего стада, поднявшегося по изумрудному склону. Впрочем, понимал я и то, что враг, скорее всего, скрывается где-то впереди.

Когда дорога спустилась в узкую долину среди скал, поросших курчавой зеленью, я положил винчестер на луку седла. Крис усмехнулся:

– Собираешься охотиться по дороге?

– Не хочу, чтоб охотились на меня, – ответил я. – Мы не дома.

– Мы везде дома, – сказал Крис со своей скептической улыбкой.

Дорога снова поднялась в горы, но уже гораздо выше, чем утром, и стало тяжелее дышать. А с перевала стали видны еще высокие горы, голубыми и серыми треугольными лоскутами перекрывавшие друг друга, между ними клубились полупрозрачные облака. Где-то там, под облаками, лежала долина, где нас ждали неотложные дела. Крестьяне попросили, чтобы я научил их убивать.

Когда я был маленьким и глупым, меня учили все кому не лень. Теперь я стал старым и мудрым, и сам готов всех учить. Возможно, в отместку.

Самую серьезную подготовку я прошел в рейнджерской школе Форт-Беннинг, Джорджия. Частые прогулки по лесистым горам Чаттахучи весьма способствовали интеллектуальному развитию. Я нигде и никогда не слышал таких слов, какими награждал нас майор Дарнби. Как пригодились мне эти знания в кавалерийском полку! Особенно когда я покинул его безлунной ночью и, навьючив пару лошадей оружием и патронами, перебрался через непроходимый хребет к индейцам. Они согласились, что нормальный белый не мог бы пройти там, где нет даже звериных троп. Меня явно вел Дух Леса, а вернее, был дух майора Вильяма Дарнби.

Я не собирался ничему учить индейцев. Я просто хотел укрыться у них, поскольку мне

некуда было бежать. Вождь Человек Большой Окунь сказал: «Мы будем звать тебя Человек Повелитель Винчестера». (Имена шайенов начинаются со слова «человек»: только себя они считают людьми. Все остальные – краснокожие, бледнолицы, медведи, еноты, клены, лососи и комары – всего лишь жители окружающего мира.) Так вот: «... Научи нас владеть винчестером так же свободно, как мы владеем луком и стрелами», – попросил меня Человек Большой Окунь. А у нас, Крокетов, не принято отказывать тем, кто молит о помощи.

Индейцы, вопреки моим опасениям, учились легко и быстро. Судя по всему, у них имелись врожденные способности к военному делу. Не знаю, кто учил их тактике, но в бою они всегда поддерживали связь с соседями справа и слева, прикрывали друг друга, слаженно действовали и в атаке, и в отходе. Их воинская дисциплина была неизмеримо тверже строевой муштры, которую в меня вбивала армия. Если бы их было раз в десять больше и если бы они могли не воевать со своими соседями – сиу, апачами, команчами – а объединиться с ними, и если бы у каждого воина был хотя бы один винчестер и три дюжины патронов на каждый бой... Ах, это «если бы»!

Я понимал, что ничего этого не будет, следовательно, мы проиграем. Но продолжал учить их заряжать, разряжать, разбирать и собирать винчестеры и кольты. С закрытыми глазами, как требовал майор Дарнби...

Где сейчас мои ученики? Об этом лучше не думать.

Я не собирался учить Криса или кого-нибудь из нашего отряда. Мне достаточно было взглянуть, как они носят оружие и как располагаются в строю, чтобы спокойно ехать дальше.

Даже благообразный мистер Ли Броуди без всяких напоминаний придерживал свою драгоценную кобылу, когда колонна вытягивалась на узкой горной тропе и следовало увеличить дистанцию между всадниками.

В такие минуты неопытные кавалеристы начинают от страха жаться друг к другу. Это понятно и простительно в мирное время. Страх высоты неудержимо охватывает каждого, когда правый сапог трется о вертикальную скалу, а под левым круто уходит вниз голый склон с торчащими из него сухими корнями, и где-то далеко внизу поблескивает нить реки. Страх притупляется, когда рядом с тобой товарищ: он успеет помочь, если конь оступится. Но если поблизости враг, от друзей надо держаться подальше. Дружба дружбой, а дистанцию держи. Нет ничего глупее, чем коллективная смерть под залпом из засады.

Как только мы пересекли границу, порядок колонны изменился. Теперь впереди ехали попеременно мы с Бриком, читая следы, оставленные на дороге до нас. Остальные держались на приличном удалении. Время от времени Гарри или О'Райли забирались выше по склону, чтобы с высоты оглядеть окрестности.

Мы двигались без привалов, иногда останавливаясь у воды, чтобы напоить лошадей. Крестьяне предложили пообедать на речном берегу, в тени пышных ив. На этом самом месте они останавливались, когда ехали в нашу сторону, и теперь не видели причин отказать себе в удовольствии. Но Крис отрицательно покачал головой. Пока светло, надо двигаться, сказал он. А перекусить можно и на ходу.

«Не останавливаться до наступления темноты» – одна из заповедей рейнджеров.

Я сразу вспомнил этого краснолицего толстяка Дарнби с лиловым носом и пышными седыми усами. «Таблицу умножения можешь забыть, как только переступил порог школы», – повторял он. – Но заповеди рейнджера надо помнить всю жизнь. И потом тоже".

Даже ночью во сне я могу повторить его уроки:

Пункт 1. Ничего не забывай.

Пункт 2. Врать можно, но только не товарищу и командиру.

Пункт 3. Никогда не рискуй без надобности.

Пункт 4. Никогда не возвращайся тем же путем.

Пункт 5. Не спи после рассвета.

Ничего не забыл?

Последнее.

Пункт 6. Всегда добивай противника.

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ

Крис рассчитывал покинуть городок на рассвете, чтобы не привлекать внимания. Но ему не удалось скрыть свои действия от всех. Скоро обнаружилось, что кто-то, стараясь оставаться незамеченным, увязался за нами.

С самого начала пути, как только отряд Криса пересек реку и углубился в ущелье, силуэт незнакомого всадника несколько раз отчетливо вырисовывался над гребнем горы на фоне рассветного неба.

– У нас почетный конвой, – сказал О'Райли, первым заметив промелькнувшую вдали фигуру. – Похоже, что один. Остальные, правда, могут держаться дальше, а этот у них в дозоре.

– Ты успел разглядеть его? – спросил Крис.

– Нет.

– Я посмотрю, – сказал Брик, сворачивая с дороги в редкий лес.

– Будь осторожнее, – предупредил Крис. – Если это старик в плаще с обрезанным дробовиком, останови его.

Брик кивнул в ответ и углубился в лес. Крис неспешно повел отряд дальше по дороге.

Через час Брик догнал их, выбравшись на дорогу из кустарника.

– Это малыш, – коротко бросил он.

– Тот, что вчера буянил? – спросил Гарри. – Проспался, значит. Крис, чего он к тебе привязался? Чем ты его так допек?

– Как привязался, так и отвяжется, – ответил Крис.

– Не думаю, – сказал Винн. – Парень не отстанет от нас. Если он способен с похмелья чуть свет отправиться неизвестно куда, я за него спокоен. Ему в этой жизни нужно одно: чтобы мы его приняли. Вот тогда он постигнет, что стал мужчиной.

– Моя совесть чиста, – сказал Крис. – Я все сделал, чтобы отогнать мальчишку.

– Значит, не все. Можно, отогнать его и другим способом, – предложил О'Райли, похлопав по прикладу винчестера.

– Сам отстанет, – отмахнулся Крис.

Скоро к преследователю привыкли. Он держался на почтительном расстоянии, и его фигура беспокоила только Неугомонного Гарри.

– Что он привязался? Когда отстанет? У меня уже шея болит. Надоело следить за ним, – возмущался он.

– Взял бы дамское седло, – посоветовал О'Райли. – Легче было бы крутиться.

Крис оглянулся. Дорога лежала в узкой долине, и полуденный зной, казалось, стекал в нее с раскаленного белесого неба по скалистым склонам. Далеко-далеко позади в облачке пыли виднелась фигурка одинокого всадника.

– Вот дурачок, – сказал Винн, стряхивая пот со лба. – Скачет себе и скачет по такой жаре, глотая пыль...

– Да, дурачок, – кивнул Крис. – Не то, что мы.

К вечеру парнишка исчез из виду. Однако ночью, когда отряд остановился на привал, его костер появился уже достаточно близко, и Гарри не пришлось выкручивать себе шею.

– Может, отнести ему поесть? – предложил он. – Малыш наверняка не успел собраться в дорогу.

– Не думаю, что его устроит наша еда, – сказал Крис.

– Это ему не мамочкины пончики, – добавил О'Райли.

Брик не участвовал в разговоре о Малыше, но он был спокоен.

Отдежуривав у костра с часу до трех, Брик растолкал Ли, но спать вместе со всеми не лег. Его весьма заинтересовал негаснущий огонек, мерцающий среди далеких деревьев.

Незаметно подкравшись, Брик увидел любопытное зрелище. Малыш, закатав штаны и подняв над головой горящую ветку, стоял посередине тихого широкого ручья. Другой рукой

он держал над водой оструганный посох, раздвоенный на конце. Парень стоял неподвижно, не сводя пристального взгляда с поверхности воды. И вдруг вонзил рогатину в дно.

Малыш уже не кормится мамочкиными пончиками, подумал Брик, увидев, как он бросил пойманную рыбу на берег ручья, где в отсветах низкого бездымного костра уже поблескивал чешуей вполне приличный улов.

Брик вспомнил, как сам когда-то, очень давно, старался пробиться в круг старших. Как он первым хватался за любую работу и как терпел унижительные насмешки, когда что-то не получалось. Первая команда, в которую его взяли, перегоняла две тысячи волов из Техаса на Запад, и он был самым юным погонщиком из двадцати ковбоев. До конца перегона дошли только десять, и никто из них уже не помнил, что Брик был младше всех.

Главное – вовремя попасть в команду. Какой будет твоя первая команда, таким будешь и ты. Брика окружали отчаянные бойцы, и путь у них был нехоженный и опасный, и стычки случались по два раза на день. Брик приобрел в том перегоне девять лучших своих друзей, лучших у него больше не было. Вот что значит для человека первая команда.

Малыш, видно, до сих пор не нашел своей команды, потому так стремился в отряд Криса.

Брику хотелось как-то подбодрить парня, но он понимал, что его появление было бы неуместным. Вряд ли парню понравится, что за ним подглядывали. К тому же, зная привычку юности к необдуманным действиям и заметив, что за поясом у Малыша торчит кольт, Брик не решился выйти из темноты и подойти к его костру без приглашения.

На рассвете, когда колонна покидала лагерь, Гарри ворчал сзади, оглядываясь:

– Ну вот, Малыш проспал. Не видно его что-то. Черт возьми, сначала он надоедал, а теперь его уже и не хватает. Надо было все-таки позвать парня к себе.

– Ты согласен отвечать за него? – спросил О'Райли. – Где ты будешь прятать Малыша, когда дойдет до дела? Поод крылом? Ничего, проснется отправится домой.

Но у Малыша, как оказалось, были другие планы. Крис, возглавлявший колонну, увидел на лесной дороге свежие следы: опавшая листва развесистого ясеня была взрыта копытами коня. На длинной ветви раскачивалась блестящая связка рыбы.

– Хорошая прибавка к рациону, – сказал Гарри. – Я же говорил, что он от нас не отстанет.

Сам Чико сидел чуть поодаль, как ни в чем ни бывало помешивая прутиком в кофеварке, стоящей на углях.

– Неплохо пахнет, – сказал Гарри. – Эй, Малыш, давай с нами.

Чико медленно повернул голову и через плечо посмотрел на Криса. Крис кивнул ему. Чико широко махнул рукой, приглашая к утреннему завтраку, и с важным независимым видом отвернулся.

– Ну и наглец, – восхищенно проговорил Гарри, и отряд проехал мимо, не останавливаясь.

Малыш так и не допил свой кофе: уже через полминуты его чалый мерин догнал колонну и пристроился сзади.

ПО СЛЕДАМ АЦТЕКОВ

Дорога сузилась до тропы, изгибаясь в тесном каменистом ущелье, всадники совершили крутой поворот, и вдруг перед ними распахнулась гладкая равнина, покрытая кактусами.

Кони пошли резвее, радуясь привычному простору. Слева и справа зеленели покатые склоны, над ними темнели синеватые густые леса.

– Если придется еще раз ночевать, – сказал Гарри, – я предпочел бы свернуть к лесу. Там можно будет без особого труда разжиться мясом. В этих лесах полно оленей, и они не боятся человека.

– Тебе это рассказали сами олени? – спросил О'Райли.

– Здесь заповедный край, – Гарри благодушно улыбнулся в ответ на привычную колкость попутчика. – Когда-то эта долина была населена ацтеками, но они ушли отсюда к океану. Давно, очень давно. Звери за это время успели забыть о людях.

– Почему они ушли? – спросил Чико. – Места здесь вполне подходящие для жизни, как я посмотрю. Земля жирная, рядом вода, солнца сколько угодно. Зачем покидать такое славное место?

– Этого никто не знает. Наверно, не сиделось на месте, – Гарри пожал плечами. – Рассказывают, что и сюда они пришли откуда-то с севера. Никто не знает, какая сила гонит людей с места на место.

– Я знаю эту силу, – сказал О'Райли, отхлебнув из плоской фляжки. Он предложил ее и попутчикам, но Гарри и Чико отрицательно помотали головами. Пить виски на такой жаре мог только краснокожий ирландец. О'Райли сделал еще один глоток и продолжил: – Эта сила зовется дьяволом. Вот что я слышал от матери...

Долгая дорога по однообразной голой равнине была бы слишком жестокой пыткой, если бы люди не умели развлекать себя в пути. Песни путников, длинные и неторопливые; обстоятельные пересказы известных всем легенд; вялый спор о преимуществах того или иного пороха – сгодится все. Лишь бы не молчать, лишь бы не заснуть в седле и не проморгать появления на горизонте фигурки всадника, который может оказаться врагом.

Под мерный перестук копыт О'Райли начал свой рассказ.

В этих знойных долинах между гор жили несколько племен, которые знавали чары и волшебство. Земля приносила им удивительные плоды. Тыквы были такими огромными, что их едва можно было обхватить руками. Кукурузы было так много, что мелкими початками топили печи, и в каждом из них было не двенадцать рядов зерен, а сорок четыре. Стебли томатов были такими длинными и толстыми, что на них забирались, как на деревья.

Эти племена сеяли и убирали хлопок всех цветов – красный, желтый, фиолетовый, зеленый, рыжий, сероватый и белесый, красный и... Нет, красный я уже говорил. Да, еще черный и оранжевый. Хлопок так и рос цветным, никто его не красил.

И были у этих племен все богатства мира – золото, серебро, изумруды и рубины.

Но нельзя пользоваться чародейством безнаказанно. Рано или поздно настанет расплата.

Вожди племен заключили союз с дьяволом, и он пообещал им удешевить их богатства, если они переплывут океан.

Они бросили свои хлопковые поля, покинули золотые рудники, оставили дома, украшенные драгоценными камнями. Поднялись из долин, перешли через горы и направились к океану, взяв с собой только волшебные книги и каменные плиты с рисунками.

Но выйдя на берег океана, люди остановились: они не знали, как пересечь его. И все их чародейство потеряло силу в морских волнах. А дьявол оставил их без помощи...

– Это всего лишь сказка, – произнес Гарри, внимательно выслушав эпическое повествование, прерывавшееся пару раз бульканьем фляжки. – Черного хлопка не бывает.

– Да, сеньор Гарри, – сказал один из фермеров, долговязый Хилларио, который пристроил свою кобылу поближе к рассказчику. – Сказки все это. На самом деле все было не так.

– А как? – спросил Чико.

– На самом деле все эти племена остались в долинах, да там и вымерли. Спаслось только одно племя, семейство Патекабль, и спаслось оно из-за своего позора. Все дело в том, что земля в долинах была хорошая и богатая, и одна женщина научилась добывать из земли вино.

Она, эта самая женщина, стала накалывать листья агавы и добывать оттуда мед, из которого вино делают. Называется оно «майяуэль». А Патекабль нашел корни, которые бросают в мед, чтобы получилось пульке. Когда созрело самое первое пульке, Патекабль пригласил на праздник всех уважаемых людей племени, всех стариков и старух. Всем дали поесть как следует, а потом и выпить нового напитка. Каждому, кто был на празднике, дали по четыре чашки, чтобы не напивались.

А сам Патекаль выпил пять чашек. Ну и потерял рассудок. А будучи без рассудка, посрыпывал свои одежды и обнажил срамные места. Старики и старухи страшно оскорбились и хотели его наказать. Но он убежал вместе со всем своим семейством. Дошли они до моря, а дальше идти не могли, потому что не знали, как ходить по воде. И это даже было не само море, а только топи и болота на побережье. Потекатль основал там поселение, которое теперь называется Матаморос. Вот так.

– Все сходится, – сказал Гарри. – Людей отсюда выгнал дьявол. А имя тому дьяволу – пьянство.

О'Райли невозмутимо встряхнул свою фляжку, на слух определяя ее заполненность, и отпил еще глоток.

Ехавшие впереди Крис, Брик и Рохас остановились. Винн, следовавший за ними, предостерегающе поднял руку, и все замолчали, остановив коней.

Брик спешил и присел над дорогой, пытливо ощупывая ее своими длинными пальцами. Он вставал и переходил с места на место, снова опускался на корточки, осторожно перебирая дорожную пыль. Что-то растер, понюхал, пересыпал с ладони на ладонь.

Наконец Брик вернулся к своей лошади.

– Ну, что сказали тебе следы? – спросил Крис.

– Солдаты, – сказал Брик.

– А если это индейцы? – с плохо скрытым беспокойством спросил Ли.

Брик не удостоил его ответом.

Винн тоже соскочил с коня и принялся разглядывать следы. Он повторил все действия Брика – присел, растер, понюхал. Но его отчет был более подробным.

– Да, похоже на то. Это не индейцы, они не подковывают своих лошадей. А эти подкованы, причем недавно. Не меньше двух десятков. Судя по помету, кормили их овсом. И еще, судя по помету, проехали здесь несколько часов назад. Колонна держалась ровно. Один всадник скакал сбоку, потом вернулся. Есть сигарный пепел. Я тоже думаю, что это солдаты.

– Может быть, это Кальвера? – спросил Рохас. – Может, он решил вернуться раньше срока?

– Нет, – сказал Брик.

– Лошади не перегружены, – пояснил Винн. – Едут налегке, а ваш Кальвера наверняка везет с собой всякие припасы. Это явно солдаты. Патруль. Здесь могут быть патрули?

Рохас перекрестился.

– Господи, помилуй и обереги от патрулей на этой дороге. Давно уже такого не было. И что их сюда-то занесло?

– Неужели опять начнется? – с тоской в голосе спросил Мигель.

Крестьяне были смертельно напуганы. Крис постарался их подбодрить, втянуть в разговор:

– Почему вы так боитесь солдат?

– Для крестьянина нет напасти страшнее, чем солдаты на дороге, сеньор Крис. Лет десять назад здесь уже шастали патрули, мы из-за них и в город ездить перестали.

– Остановят на дороге и давай спрашивать: «За кого ты, да за кого?». А мы ни за кого, – в отчаянии Мигель ударил себя кулаком по коленке, и его лошадка испуганно попятилась. – Ни за кого мы! Мы сами за себя!

– Ага, только скажи им такое, – вступил Хилларио. – Ах, за себя? Значит, против нас? И все, пропал человек. Так что мы больше в город не ездим. А теперь, значит, они и сюда забрались...

– Это нам здорово повезло, что мы с ними разминулись, – сказал Рохас.

Крис и Винн переглянулись, а Чико гордо заявил:

– Им повезло больше!

О'Райли мрачно заметил:

– Патруль обычно возвращается той же дорогой...

– Придется растянуться, – предложил Винн. – Дозор вперед, остальные на самой

границе видимости.

Они тронулись дальше, но теперь ехали молча и внимательно оглядываясь. Брик скакал далеко впереди, иногда свешиваясь с лошади, чтобы рассмотреть следы.

Примерно через час он остановился.

– Здесь что-то происходило! – сказал он, указывая подъехавшему Винну на новый след.

– Здесь патруль встретил кого-то на трех мулах, – сообщил Винн после осмотра следов. – Дальше мулы пошли уже за патрулем.

Через несколько миль, когда справа от дороги зашелестел высокий тростник, Брик снова остановился, привстал в стременах и, оглядевшись, осторожно направил лошадь по свежим следам, ориентируясь по надломленным и примятым стеблям растений.

В конце тропы, на топком берегу мутной узенькой речки, лежали два трупа. Это были мужчины со связанными за спиной руками. Жужжащие мухи кружили над их обнаженными телами и сплошным сверкающим слоем копошились на лицах.

– Мы не слышали выстрелов, – заметил Крис. – Значит, патруль.

– Был далеко, – сказал О'Райли, оглядываясь поверх тростника. – Но здесь они задержались. Не хотел бы я их догнать.

– Что ты предлагаешь? – спросил Крис.

– Нам спешить некуда, – ответил ирландец. – Надо закопать покойников. А те, кто их тут бросил, пусть себе едут. Это не наша война.

Через два часа на обочине дороги темнели два свежих холмика с крестами, связанными из толстых стеблей тростника. Никаких надписей, никаких знаков, хоть как-то обозначающих, кто здесь лежит. Две безвестные жертвы войны на дорогах.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Наконец долгое путешествие закончилось, и взору путников предстали каменные ворота, ведущие в деревню мексиканцев. Крис и Рохас первыми проехали под ними и остановили своих коней в центре пустынной площади, вокруг которой стояли глинобитные хижины фермеров. Ворота полуразваленной церкви были открыты, оттуда тянуло безжизненным холодом. Под навесом веранды стояли три дощатых стола, на пустом прилавке остались стоять весы, блестя жестяными чашками, но не было видно ни продавцов, ни покупателей, ни товаров.

За домами, до невысоких скалистых гор, простирались кукурузные и пшеничные поля. Для такой небольшой деревни запасов урожая с этих полей могло бы хватить с избытком, можно и на рынок выходить. По склону, на земле, отвоеванной у леса, поднимались аккуратные прямоугольники огородов, отличавшиеся разными оттенками зеленого цвета. Вот здесь темная листва томатов, а рядом, похоже, перец, определил Крис. Дальше, наверно, картофельная полоса. Впрочем, Крис не считал себя знатоком сельского хозяйства. Хотя и завидовал иногда «свободным хлебопашцам», людям, жизнь которых зависит только от их собственного труда. Ну и от милости земли, конечно... Крис порой задумывался: а мог бы он сам стать фермером? У фермера всегда на столе еда, на кухне любящая жена, а во дворе два маленьких Криса играют в ковбоев. И как знать, может быть, ему удастся избежать главной беды крестьянского существования, того гнетущего однообразия жизни, отпечаток которого при первой же встрече заметил он на лицах трех мексиканцев.

– Кальвера въезжает в деревню по этой же дороге? – спросил Крис, повернувшись к Рохасу.

– Да, прямо на площадь. Сидит на веранде, пока его дьяволы собирают добычу. Потом уезжает.

– Он тоже ездит по этой дороге?

– Да. Она ведет в горы, где-то там у него лагерь.

За время пути Крис успел выяснить у фермеров, как ведет себя Кальвера, как действуют его бандиты, как они вооружены. Выяснил он и причину, по которой фермеры

безропотно отдавали грабителям свой урожай. Несколько лет назад они попытались припрятать нажитое. Однажды Кальвера приказал вывести на площадь всех крестьян, с женами и детьми. Наугад выбрал одного из фермеров. Бандиты растянули бедолагу на земле и хлестали кнутах до тех пор, пока он не рассказал, где спрятано зерно. После этого Кальвера смилостивился и пристрелил фермера. С тех пор никто и не помышлял о тайниках или о сопротивлении.

То, что бандиты привыкли к повиновению, играло на руку Крису. Внезапность – хороший союзник, хотя и недолговечный.

– Куда ведут эти две улицы с площади? – спросил он. – За деревней есть еще дороги?

– Одна улица ведет на кладбище. Вторая в горы. Мы не ходим по второй дороге. За теми горами никогда не был ни один человек из нашей деревни.

– Я смотрю, у вас большое кладбище, – заметил Винн.

– Да, сеньор. Увы, сейчас под землей больше наших земляков, чем на этом свете. Наша деревня была когда-то большой и процветающей. Но болезни и голод сделали свое дело.

– Это заметно, – усмехнулся Винн. – Вымерли даже куры.

Крис смотрел на залитые испепеляющим солнцем стены домов и каменную кладбищенскую ограду. Площадь была пустой. На ней не было видно ни людей, ни кур, даже воробьи куда-то попрятались.

С немой вопросом во взгляде он повернулся к Рохасу, но и тот, скорее в гневе, чем в недоумении, озирался по сторонам.

– Что это такое? – Рохас искал глазами хоть одного живого человека. – Куда все подевались?

– Мда... – мрачно заключил немногословный О'Райли, подъезжая к Крису.

– Луис, Асунсьон! Эйсебио! Сотеро! Что с вами со всеми случилось? Какая лихорадка всех свалила? Разве так встречают гостей в нашей деревне, – наперебой заголосили Мигель и Хилларио. – А ну все выходите, а то мы сейчас здесь от стыда сгорим!

На их призывы отреагировал лишь одинокий старик, скрывавшийся под навесом дома Сотеро. Опираясь на трость, он поднялся со скамьи и подошел к всадникам.

– Не рви глотку, Хилларио. Так ты напутаешь своих земляков еще больше. Вы уехали втроем, а вернулись с целым отрядом. Кто знает, что это за люди? От незнакомцев можно ждать только худшего. Вот все и разбежались, как крысы по своим норам, и сидят там, скованные страхом, – старик повернулся к Крису: – После того, что здесь год назад устроили солдаты, которых направили к нам для защиты, их легко понять. Теперь они будут бояться даже чужой курицы, если она забредет в эту деревню.

Рохас быстро соскочил с коня и подбежал к Старiku:

– То были солдаты, а это приличные джентльмены, которые сжалились над нами, которые сочувствуют нашему горю и главное – готовы нам помочь. Что они о нас теперь подумают?!

Старик отодвинул Рохаса и подошел ближе к гостям.

– Добро пожаловать. Вы, наверное, устали после дороги? – спросил Старик у спешившегося Криса, когда тот привязывал коня. – Не стоит на них обижаться. Это обыкновенные фермеры. Их на этом свете все пугает. Они боятся, что скоро начнется дождь, и боятся, что он не начнется. Лето для них слишком жаркое, а зима слишком холодная. Если вдруг не опоросилась свинья, то им становится страшно оттого, что теперь они будут голодать, а если свинья опоросилась, боятся, что будет голодать свинья.

– Не стоит извиняться, – ответил Крис, – нам вовсе не нужны цветы, подарки, торжественные речи и салют в честь освободителей.

– У нас завтра большой праздник – семьдесят лет с того дня, как дон Аугусто Алавес основал нашу деревню. С того момента у нас были и лучшие времена, когда-то мы процветали, – задумчиво произнес Старик. – Если бы зачинатели добрых дел заранее знали, что из этого выйдет через семьдесят лет... Как видите, живем мы небогато. Но все равно завтра будет пышное празднество. Вы увидите наших жителей в более привлекательном

свете.

– Это было бы неплохо, – сказал Крис. – Нам надо будет поговорить с вашими людьми. Дело предстоит непростое, порознь нам не справиться. Каждый должен знать свое место, так что постарайтесь собрать народ.

Внезапно с колокольни послышался звон. Невидимый звонарь раскачивал дребезжащий, но достаточно громкий колокол. По его тревожному настойчивому зову из домов на площадь стали сбегаться люди в белых одеждах и с напуганными лицами. Одним из первых из лавки выбежал Сотеро:

– Что происходит? Пожар? Кто бьет в набат?

В проеме колокольной площадки появилась фигура Чико. Он стоял, гордо подпирая руками бока:

– Я быю!

Когда у ступеней старой церкви собрался народ, Чико прекратил трезвонить и быстро спустился вниз. Он встал на крыльце, с возвышения оглядывая собравшихся.

– Огромное вам спасибо, амигос, что так дружелюбно встречаете нас. Спасибо за то, что наконец-то показали нам свои прекрасные лица. Спасибо тебе, трусливый народ. Мы скакали целую вечность, что бы попасть в ваше захудалое королевство сонных мух! Мои друзья и я, мы готовы рисковать собственной жизнью, чтобы выручить вас!

Крестьяне как замороженные глядели на его стройную фигуру, на сапоги со шпорами, на блестящую серебряную отделку пояса, на грозное оружие, на шляпу с вышивкой и на его руки в кожаных перчатках. Перед ними стоял вождь-освободитель, посланный богами. Да, богами. Сейчас в их католических душах зашевелились старые языческие струны. Речь пылкого юноши звучала для них, как отголоски боевых барабанов ацтеков.

Винн, с трудом сдерживая улыбку, сквозь зубы сказал Крису:

– Дивный испанский, просто оживший Сервантес. Где он только наловчился?

– На ранчо, – сказал Гарри. – У его отца работало много мексиканцев. Вакерос⁷ хорошо учат молодняк.

Тем временем Чико продолжал свою пламенную речь, сопровождая ее энергичными жестами, как настоящий мексиканец:

– А что же вы? Да вы прячетесь от нас! Прячетесь. От нас. Однако, когда вам что-то угрожает, тут уже другое. Конечно! Вы же можете лишиться своего любимого урожая. И тогда вы сразу бежите к нам. Да? Что ж. Мы откликнулись на вашу просьбу о помощи. Теперь мы здесь. А вы что? Докажите нам, что за вас стоит драться, что мы не зря приехали в это захолустье. А теперь ступайте! Расходитесь по своим домам, идите на поля, целуйте своих коз, которых вы от нас попрятали. Идите! Когда надо будет драться, вы об этом узнаете. Я дам вам знать, и вы попрячетесь под кроватями. А теперь расходитесь, я вас не держу.

Потрясенные его красноречием и жестикуляцией, все молчали. Крис переглянулся с остальными и кивнул:

– Он принят. Теперь нас будет семеро.

– Нам как раз не хватало ковбоя-проповедника, – добавил Винн.

Рохас подвел к ним лавочника.

– Добрый день, сеньоры, – поклонился Сотеро. – Вы можете располагаться в любом доме. Все жители деревни почтут за честь дать вам приют.

– Нам бы не хотелось никого стеснять, – сказал Крис. – Есть у вас пустующие дома?

– Только один такой, дом Рафаэля, – сказал Сотеро. – Там сейчас никто не живет.

– Как же так? – удивился Рохас. – А где Амалия? Где ее девочки?

– Они уехали, – сказал Сотеро. – Тебе, Рохас, все расскажет жена, а я пока провожу сеньоров.

⁷ Вакерос – мексиканские ковбои.

Дом Рафаэля стоял сразу за церковью, в двух шагах от площади, и это вполне устраивало Криса.

Дошатая дверь не имела ни замка, ни засова. Она легко отворилась, впуская новых жильцов. За ней, сразу у порога, стояла широкая деревянная кровать. На стене, бурой от всепроникающей пыли, сохранилось светлое пятно распятия. По всей видимости, это было супружеское ложе хозяина дома и его уехавшей вдовы. Дальше, за тростниковой перегородкой, находилась просторная комната. У окна стоял голый дошатый стол, напротив него – широкий лежак, на котором еще недавно спали шестеро дочерей убитого Рафаэля.

Вполне подходящее жилище для семерых неприхотливых мужчин, которые привыкли спать на голой земле под звездным небом.

Несмотря на зной, царивший за окнами, в доме легко дышалось. Толстые глинобитные стены сохраняли прохладу в самые жаркие дни. В холодные ночи в доме было тепло и уютно.

Крис подумал, что этот неказистый, но основательный домик гораздо удобнее, чем те гостиничные номера, в которых ему приходилось жить все эти годы. И вся эта деревня в горах, отрезанная от мира, с ее пересохшим фонтаном и полуразрушенной церквушкой, несмотря на свой запущенный вид, на самом деле вовсе не вымирает. По сравнению с тем пограничным городком, который они недавно оставили, деревня выглядела убого. Здесь не было высоких фасадов и вывесок, не было салунов, парикмахерских и аптек, и все же эта деревня будет жить вечно. За невзрачными стенами будут расти дети, и они будут строить новые глинобитные домики, и деревушка будет разрастаться и разрастаться. А в городе за высокими фасадами и размалеванными вывесками прячутся суeta и одиночество. Тесные номера отеля дают временный приют постояльцам, гости приезжают и уезжают, а послезавтра, глядишь, они уедут все, и город зачахнет. Выгорят на солнце вывески, сгниет коновязь, обвалятся обветшавшие стены, и городок испарится, как лужа конской мочи на обочине. И только покосившиеся кресты на кладбище будут напоминать пассажирам пролетающих мимо поездов, что когда-то здесь жили люди – жили и умирали...

Нет, в этой деревне люди поселились основательно.

Винн прошелся по комнате, выглянул в окно.

– Хороший обзор, – заключил он. – А где второй выход?

– Смотри, тут второе окно, – сказал Гарри, – но оно закрыто досками. Может быть, там тайник?

О'Райли отодрал тонкую доску.

– Просто окно. Без стекла.

– Вот тебе и второй выход, – сказал Гарри.

– Все будем спать здесь? – спросил Ли, вешая шляпу на гвоздь и присаживаясь на лежак.

– Спать будем здесь, – сказал Крис. – Но не все. Один человек постоянно будет на площади. Точнее, на веранде, за столиком. Оттуда хорошо видно дорогу.

– Постоянно? – спросил О'Райли.

– Постоянно. Днем и ночью. По два часа каждый, – сказал Крис. – Все может начаться в любой момент.

Винн уселся на стол и положил рядом с собой шляпу.

– Предлагаю выставить наблюдателей на колокольню.

– Оттуда вся деревня видна как на ладони, – горячо поддержал его Чико. – Надо сделать там площадку для стрельбы. Поднести патроны и воду и постелить что-нибудь на полу...

– Не забудь захватить Библию, – остудил его порыв О'Райли. – Стрелять с колокольни может только смертник. Ты подумал, как ты уйдешь оттуда, если окружат?

– Подождите, не торопитесь, – вмешался Крис. – Мы все обдумаем, все разместим. Но для этого нам понадобятся люди. Поэтому давайте дождемся завтрашнего праздника. Надо, чтобы нас приняли в семью. Наемникам никто помогать не будет. А если Кальверу встретит

единая семья, ему здесь нечего будет делать.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Видно, дон Аугусто Алавес, основавший деревню, сделал в своей жизни по крайней мере хоть одно доброе дело. Как бы ни страдали крестьяне от нищеты, на праздник в честь Дня Основания Деревни они всегда надевали парадные одежды и ели что-нибудь вкусненькое.

Праздников в Мексике много, и все они отмечаются пышно и весело. Я думаю, эту традицию привили испанские католические миссионеры. Обращая язычников в христианство, они старались привлечь народ не только обещаниями загробного блаженства, но и вполне земными радостями. И каждая праздничная церковная служба, с разодетыми в пух и прах священниками, хоругвями и разукрашенными статуями святых именинников, становилась неизбежной прелюдией перед основными событиями праздника – играми, скачками и танцами.

В деревушке, основанной доном Аугусто, не было священника, да и праздник был не церковный, так что жители, отказавшись от официальной части торжества, сразу приступили к части развлекательной.

Крестьяне били в барабаны и, раздувая щеки, всюду дудели в свои глиняные дудки. Пышно колыхались крашенные перья ритуальных нарядов, дети в белоснежных платьицах живописной колонной вытекали из одних цветочных ворот и перетекали в другие. Так, переходя от символа к символу, маленькие артисты изображали различные исторические этапы их маленькой родины.

Вот первые охотники убивают первого оленя. Его мясо спасло от голодной смерти утомленных путников. Позже именно на этом месте воздвигли церковь. Вот дон Аугусто лично проводит линию, вдоль которой будет проложена дорога. Вот на обочинах этой дороги появляются маленькие кусты агавы. Девочки-агавочки сидят на корточках, сложив ручки на груди, и под нарастающую волну оркестра вытягивают их вверх и в стороны, а потом встают – выросла агава большая-пребольшая! И много-много радости любителям пульки и текилы принесла! Вива! Гирлянды, ленты, треск и дым петард...

Наблюдая за танцами, Крис не забывал поглядывать по сторонам. Праздник праздником, война войною. И если противник находится поблизости, сейчас ему предоставлялся прекрасный повод для внезапного нападения.

Немногочисленный отряд Криса равномерно распределился вокруг площади. Винн и Гарри устроились на веранде лавки Сотеро.

– Видал я разные города, – говорил Винн, осторожно пробуя на вкус жареную ящерицу. – Есть города, в которых очень мало красивых девушек. Есть и такие места, где все девушки страшны как смертный грех. Но знаешь, никогда еще я не бывал там, где вообще нет никаких женщин, как здесь. Ты оглянись. Только мужики, старухи и дети. Как же они тут размножаются?

– Ты сюда размножаться приехал? Наслаждайся покоем и комфортом. Ящерицы просто изумительны, не правда ли? Правда, не знаю, как на вкус... – сказал Гарри. – Зачем тебе их женщины? Общайся с населением. Я вот вчера весь вечер провел у фонтана. Чудесно провел время. Никогда не думал, что можно до глубокой ночи говорить о погоде...

– Узнал что-нибудь новое?

– О, ты не представляешь, как много я узнал о погоде, – не обращая внимания на слова Винна, продолжил Гарри. – Здесь совсем не тот климат, к которому они привыкли на прежнем месте. Их сюда этот самый дон Аугусто переселил с океанского побережья. Там они были его пеонами, а здесь стали свободными фермерами. Конечно, свободными стали только те, кто выжил. Болезни, неурожай, дрязги и так далее. Как видишь, на тесноту они тут не жалуются. Хотя и до процветания далеко. Но что-то их здесь держит...

– И что же? – спросил Винн.

– Сам знаешь, что! – загадочно улыбнулся Гарри.

Крис поискал глазами О'Райли и нашел его возле стайки детей. Суровый ирландец выстрегал из тростника свисток и подыгрывал местному оркестру.

Брик, не обращая внимания на праздничный шум, сидел на земле в тени часовни, вытянув свои длинные ноги, и дремал, надвинув шляпу на глаза.

Малыш Чико с воодушевлением приплясывал возле оркестра барабанщиков и флейтистов.

Ли Броуди наблюдал за праздником, не выходя из своей комнаты. В темном проеме распахнутого окна Крис видел его бледное лицо. Разумная позиция, одобрил он.

– Сеньор Крис, беда! Дети видели чужих коней за оврагом, там, где заросли чаппаралы. Наверно, это люди Кальверы приехали следить за нами, – запыхавшись от быстрой ходьбы, промолвил круглолицый крепыш Рохас. Он был встревожен.

– Сколько их? – спросил Крис, безмятежно улыбаясь.

– Трое.

Крис неторопливо прошелся среди веселящихся крестьян и остановился у часовни. Брик приподнял шляпу и вопросительно посмотрел на него. Прежде чем Крис успел вымолвить первое слово, он уже стоял рядом с ним.

– К нам приехали трое. За оврагом, с западной стороны, стоят их кони.

Брик кивнул. Рядом с ним уже стоял Ли Броуди, деловито натягивая перчатки.

– Там мы их и подождем, – сказал Ли. – Это разведчики. Они не опасны.

– Но и отпускать их нельзя, – сказал Крис.

Брик снова кивнул, поправляя шляпу.

– Один из них мне нужен живым, – предупредил Крис, прежде чем Брик и Ли спокойно, но быстро ушли в сторону оврага.

Чико, стоя за спинами музыкантов, внимательно следил за происходящим. Он не стал дожидаться особых распоряжений Криса и, прячась за домами, перебежками пустился вдогонку за Бриком.

Эти несколько дней научили его многому. Совсем недавно, расстреливая барабан за барабаном из отцовского кольта, он считал себя великим стрелком только потому, что все его пули натыкались на широкую доску, прислоненную к стенке оврага. Потом великий стрелок отправился в ковбойский лагерь, опоясавшись новеньким ремнем, на котором болталась поскрипывающая жесткая кобура с недавно купленным револьвером. Прошло совсем немного времени, а он уже стыдился себя вчерашнего. Чико хотелось, чтобы кобура у него была мягкая и засаленная, как у Ли. И чтобы лак на рукоятке кольта потрескался и осыпался, как на «смит-вессоне» Криса. Ему хотелось быть таким же немногословным, как Брик, но и таким же острым на язык, как Винн. Таким жизнерадостным, как Гарри, и одновременно таким же по мудрому мрачным, как О'Райли.

Он знал, что все это несбыточные мечтания. Детство. Мамочкины пончики.

Но сейчас, перебегая к оврагу вслед за Бриком и Ли, он заранее вынул кольт из кобуры. Пусть я еще не научился выхватывать оружие так же быстро, как вы, думал Чико, зато мне не стыдно держать его в руках наготове.

На его взгляд, Брик и Ли держались слишком легкомысленно. Не говоря уж о том, что они и не подумали приготовить оружие, они еще и шли не таясь, как на прогулке. Белые рукава сорочки Ли отчетливо виднелись на фоне зелени, а его шелковый жилет блестел, как спинка жука-бронзовки.

Чико оглянулся на секунду, чтобы запомнить обратную дорогу, а когда он снова повернулся лицом к лесу, его друзей уже нигде не было видно. В растерянности он даже остановился. Его друзья словно растворились в зеленой глубине за деревьями.

Надвинув шляпу поглубже и пригнувшись, Чико побежал вперед. Треск веток под ногами и гулкие удары каблуков по твердой лесной почве, казалось, разносились по всему лесу. Колочие усы кустарника цеплялись за одежду, словно пытались остановить Чико. Низкая ветка дерева смахнула с него шляпу, и он, наконец, остановился, чтобы ее поднять.

На секунду остановившись, Чико услышал легкий щелчок пальцами.

Не разгибаясь, он поднял голову и между стволами деревьев увидел неподвижного Брика. Тот, глядя на него, приложил палец к губам, а затем показал им влево, на себя, а потом вправо. И снова поднес палец к губам.

Странное спокойствие вдруг охватило Чико, словно прохладная вода остудила его разгоряченное лицо. Он кивнул в ответ и двинулся влево, плавно и бесшумно, как когда-то на охоте с отцом. «Все в порядке, Малыш. Мы их окружим. Ты только не суетись», – раздался у него в голове голос Брика. Конечно, эта фраза была чистой фантазией Чико. Он часто разговаривал с собой чужими голосами. То голосом отца, когда было плохо, то голосом матери, когда было еще хуже. Но сейчас в своих фантазиях он перегнул палку. Потому что Брик никогда не говорил такими длинными фразами.

Чико крался по лесу, подбираясь к оврагу. Он услышал фыркание лошадей и застыл, пытаясь определить направление и расстояние до них. Краем глаза Чико заметил, что среди деревьев уже не видно фигур Брика и Ли. Запоздало обругав себя за медлительность, он тоже присел, чтобы слиться с низким кустарником.

Стараясь двигаться бесшумно, он перебирался от дерева к дереву, пока, наконец, впереди среди листвы на фоне белого неба не обрисовались три конских силуэта.

Брик обследовал траву и песок возле лошадей, огляделся и присел под деревом, расстегнув кобуру. Ли отступил в глубь леса и застыл неподвижно, слившись с широким стволом.

Чико ползком пробрался на другой край поляны и залег под мшистым валуном, напряженно водя стволом револьвера из стороны в сторону.

Через пару минут он устал держать револьвер на весу. Еще через полчаса у него затекла шея, и он подпер кулаком подбородок. Над головой у него пела в ветвях невидимая птица. От этого пения, а может быть, и от солнечных пятен, которые раскачивались на траве перед глазами, Чико потянуло в сон. Он вполне мог проспать главное (и последнее) событие в своей жизни – гибель от бандитской пули.

Трое разведчиков Кальверы возвращались к своим лошадям как раз мимо валуна, под которым пристроился Чико. Шуршание их шагов по сухой траве, почти не слышное им самим, разбудило Малыша.

Чико встрепенулся, развернулся и увидел у себя за спиной удивленную бородатую физиономию под широкополой шляпой. Бандит потянулся к кобуре, но Чико выстрелил первым. Бандит коротко вскрикнул и повалился на спину.

Чико хотел вскочить, но ноги вдруг стали ватными и не слушались его. Он повернул голову и увидел, что Брик, сидя под деревом, целится прямо в него.

«Это же я!» – чуть не закричал Чико, взмахнув рукой и пытаясь встать. Из ствола револьвера Брика вырвалась длинная вспышка, грохнул выстрел, и над головой Малыша прошелестела пуля. За его спиной по очереди раздалась глухой удар и стон. Оглянувшись, он увидел, как второй бандит валится в траву.

Третий уже вскочил на лошадь и помчался во весь опор. Его красная рубаха мелькала среди деревьев. Чико решил, что стрелять вдогонку бесполезно.

Брик, похоже, был другого мнения. Он стремительно перебежал в сторону и взлетел на поваленное огромное дерево. Как только всадник появился в просвете между скалами, он повел стволом револьвера, держа его двумя руками, и после мучительно длинной паузы наконец выстрелил.

Всадник всплеснул руками и свалился с лошади.

– Вот это выстрел! – восхищенно воскликнул Чико. – Как можно попасть на таком расстоянии?

– А я и не попал, – с горечью произнес Брик. – Не попал в лошадь...

Сокрушенно покачав головой и воткнув револьвер в кобуру, Брик отправился к просвету между скалами, где в траве краснела рубаха убитого бандита. Чико пришлось вернуться к своему убитому.

Он надеялся, что это за него сделает Ли, но тот занялся лошадьми, осматривая содержимое их седельных сумок, развязывая их поводья и успокаивающе похлопывая.

И Чико сам присел над убитым.

Стараясь не смотреть на запрокинутое лицо мертвеца, Чико расстегнул пряжку и вытянул пояс с патронами из-под тяжелого тела. Долго возился с застежкой бедренной кобуры, не решаясь касаться трупа. Наконец Малыш сообразил: если кобура не поддается, ее можно оставить, а револьвер забрать. Кольт был новой системы, чтобы перезарядить его, надо было отодвинуть защелку, откинуть барабан и одним нажатием на штырек экстрактора выбросить все пустые гильзы. Чико вспомнил, сколько времени отнимает у него возня со стареньким кольтом, когда каждую гильзу выталкиваешь по очереди. Он решил, что он имеет полное право владеть трофеем.

– Хороший выстрел, – сказал Ли одобрительно. – Под самое сердце. Ты не оставил ему шансов. И не заставил мучиться.

– Как ты думаешь, я могу забрать его ствол? – спросил Чико, рассматривая кольт с перламутровыми щечками на рукоятке.

– Можешь, конечно. Твое право. И ствол вполне приличный, – сказал Ли, обыскивая второго убитого. – Но только вот... Я бы тебе не советовал.

– Почему?

– Лучше не изменять своему оружию. Особенно если оно хорошо показало себя.

Ли развязал шейный платок второго убитого, огляделся и привязал его к верхней ветке куста чаппарала.

– Надо направить сюда крестьян, чтоб похоронили несчастных, – объяснил он.

– Разве не все равно, из чего стрелять? – спросил Чико, не в силах оторвать взгляд от дорогого оружия.

– Нет. Не все равно, – сказал Ли. – Ты только наводишь ствол и нажимаешь на спусковой крючок, а убиваешь не ты. Убивает оружие. Или не убивает. Все зависит от него, а не от тебя. Поэтому лучше не изменять тому оружию, которое однажды тебя спасло.

Чико скосил глаз и увидел уже посеревшее лицо убитого противника, пепельно-бледную кожу под волосками бороды на скулах. Он поспешно отвернулся и встал.

– Да, – сказал Малыш, храбрясь. – Видно, этот малый когда-то изменил своему оружию ради вот этой нарядной игрушки.

Чико еще не приходилось убивать. Он стрелял в индейцев, нападавших на ферму, и наверняка попадал в кого-то, но никогда еще он не стоял над телом убитого врага. Он перекрестился украдкой и, опустив голову, помолился, каясь в грехе убийства.

– Что ты там шепчешь? – спросил Ли.

– Я считаю, сколько их осталось, – небрежно сказал Чико.

– Хватит на всех, – уверенно ответил Ли.

Они принесли на площадь трофеи. Три винчестера, три револьвера, патроны и складные ножи. Ли вел в поводу двух лошадей, третья ускакала, напуганная гибелью седока.

Праздничные танцы прервались. Люди в белом обступили чужих лошадей, испуганно глядя на оружие, брошенное посреди площади. Дети, вполголоса переговариваясь, сбились в кучку и разглядывали Чико, увешанного двумя патронными лентами.

Эти крестьяне пугаются даже при виде оружия. Как же они собирались сражаться? Как они поведут себя, когда начнется бой? – думал Крис, оглядывая напряженные и растерянные лица крестьян. Один лишь Рохас смело присел возле трофеев и осторожно, словно мертвую змею, потрогал ствол винчестера короткой веткой.

Крис выступил на середину площади и громко произнес, обращаясь ко всем:

– Кальвера прислал своих людей следить за нами. Но они ему ничего не расскажут.

– Значит, он где-то рядом? – раздался испуганный голос в толпе.

– Нет, он далеко, – ответил Крис. – Пока у нас есть время для подготовки. Если вы хотите от него избавиться, вам придется кое-чему научиться. Мы научим вас. Вы справляетесь с быками, справляетесь с этой своенравной землей. Вы справитесь и с

Кальверой.

ВИНСЕНТ КРОКЕТ, ПОВЕЛИТЕЛЬ ВИНЧЕСТЕРА

Вот и мне, наконец, нашлось достойное занятие: знакомое и достаточно трудное. Обучить крестьян меткой стрельбе гораздо сложнее, чем, скажем, научить кавалериста пахать землю.

Учебные пособия нам выдал Брик. Три одинаковых винчестера тридцатого калибра, девятизарядные. С одинаковыми заводскими клеймами, новехонькие. Бандиты получили их в свое распоряжение совсем недавно. Они явно не добыли это оружие в честном бою, не сняли его с остывающего трупа противника, а просто вытащили из упаковочного ящика, ограбив какую-нибудь оружейную лавку. По всей видимости, мистер Кальвера предпочитал оптовые поставки.

Когда я обучал индейцев, задача облегчалась тем, что ученики были максимально заинтересованы в отличных оценках. Кто плохо стреляет, тот мало живет. Они и без меня стреляли здорово, я просто показывал им, как обращаться с новым оружием. Здесь же, в деревне, дело обстояло несколько иначе.

Начать с того, что мирным крестьянам надо преодолеть животный страх перед оружием. Они с ужасом смотрели на эти хищные вытянутые предметы из вороненой стали и лакированного дерева. Дрожащими пальцами пытались запихнуть патроны в магазин винчестера. Патроны не лезли, падали на траву. Я поднимал их, и они были мокрые от крестьянского пота.

Приходилось все делать самому – заряжать, взводить, вставлять винчестер в скрюченные руки, прижимать приклад к потному плечу, наводить ствол в направлении камня на краю оврага и давить на палец. Я все делал за них, но у меня не оставалось свободной руки, чтобы удержать их веки и не дать им зажмуриться перед выстрелом!

Наверно, в этом была отчасти и моя вина. На самом первом занятии я постарался расписать им все Достоинства винчестера, особенно его замечательное останавливающее действие. Я рассказал им, как пуля валит бизона. Я показал на пальцах, как выглядит выходное отверстие, если стреляешь в человека. «Вам не придется стрелять в людей, – успокоил я крестьян, когда они перестали цокать языками и вытирать подолом рубахи взмокшие лица. – Вам надо будет просто спрятаться за стенкой из камней и оттуда стрелять по бандитским лошадям. По лошади вы не промахнетесь, а валит ее винчестер еще легче, чем матерого бизона».

Они снова зацокали языками и запричитали. «Убить лошадь? Да лучше мы голыми руками задушим десяток бандитов, чем выстрелим в доброе и полезное животное!»

Постепенно удалось отобрать десяток крестьян, способных пережить звук собственного выстрела.

Мы занимались с мексиканцами по очереди, поскольку общение с ними отнимало слишком много сил. Даже бесконечно терпеливый О'Райли к исходу десятой минуты начинал вставлять в свои методические рекомендации по стрельбе некоторые выражения из других областей знания. Однако тут же брал себя в руки: все-таки он был не в казарме, и перед ним стояли не новобранцы, а почтенные фермеры.

– Не рви курок, – говорил он седовласому ученику. – Задержи дыхание, а теперь мягко...

Перебивая его на полуслове, гремел выстрел, и пуля уносилась в направлении далеких вершин.

– Слушай меня внимательно, Пако, – рычал О'Райли. – Ты понимаешь, что такое «мягко»? Ты помнишь, как трогал грудь своей первой девушки? Задержи дыхание, а теперь мя...

Выстрел! Винчестер подпрыгивает, словно его дернули не за спусковой крючок, а за кое-что почувствительнее.

– Слушай, Пако! – сквозь зубы стонет О'Райли. – Забудь о девушке! Представь, что ты доишь козу! Мягко-мягко, осторожно, плавно нажимаешь на...

Ба-бах! И третья пуля отправилась к горным вершинам.

Проследив ее полет и пересчитав оставшиеся патроны, О'Райли выхватил винчестер из рук Пако. Я ожидал увидеть в его исполнении один из приемов работы прикладом, но вспыльчивый ирландец сумел совладать со своим характером и только сказал:

– Слушай, Пако! Не надо мягко давить на крючок! Не надо задерживать дыхание. И стрелять тоже не надо. Ты просто возьми винчестер за ствол вот так и круши врагов как дубиной. Понял?

– Понял! – Пако обрадованно вскочил с огневого рубежа, отряхивая солому. – Так бы сразу и сказали! Это мне больше подходит!

Конечно, трудно было ожидать чего-то иного. И все же несколько фермеров показали неплохие способности. Рохас стал моим лучшим учеником, но и он никак не мог научиться совмещать на линии взгляда мушку и мишень. Мексиканец видел либо то, либо другое. Я понимал, что ему все равно не придется стрелять белку в глаз или одним выстрелом валить летящего на него бизона. Достаточно и того, что он сможет перезарядить свой винчестер и произвести хотя бы несколько выстрелов в направлении противника.

Но Рохасу было не все равно. Ему хотелось не просто стрелять, а стрелять точно, осмысленно, наверняка. В этом мне виделось проявление его крестьянской основательности. Но я ничем не мог ему помочь: моих объяснений он не понимал, а учить иначе я не умел.

– Не смотри на мишень, – говорил я ему снова и снова. – Смотри на мушку и держи ее в прорези прицела. А мишень пусть кажется тебе каким-то бесформенным пятнышком. Не смотри на мишень.

– Как же я могу не смотреть на мишень? – недоумевал Рохас. – Хорошо, что мы сейчас стреляем по камням. А когда придется стрелять по людям? Они же будут двигаться, будут стрелять. Как же не смотреть на них?

– Рохас, «смотреть» и «целиться» – это разные вещи, согласен? Ты сначала смотришь на какую-то штуку. Потом решаешь, что в эту штуку надо засадить пулю. И тогда начинаешь целиться. Смотреть при этом на нее не надо. Смотришь ты только на мушку в прорези прицела.

– А если эта штука убежит, пока я смотрю на мушку? – спросил Рохас, и я понял, что такое крестьянская простота. Это Убежденность Во Всеобщей Подлости. Дождь идет только во время уборки урожая, а в засуху его не дождешься. Дым от костра тянется только в направлении твоих глаз, где бы ты ни сидел. И ветер всегда бывает только встречным. И даже мишень, неподвижная кучка камней, остается неподвижной только в том случае, если ты не сводишь с нее пристального взгляда. А чуть отвернешься – и нет ее!

Выручил меня Крис. Он стоял неподалеку, наблюдая, как я команду учениками на огневом рубеже. Он подсел к Рохасу и, слегка поправив его хватку, сказал:

– Прижми приклад плотнее. Еще плотнее. Пусть винчестер вырастет в твое плечо. Вот так. Пусть в нем начнет стучать твое сердце.

– Уже стучит, – удивленно сказал Рохас. – Я слышу рукой, как оно отдается вот здесь, у ствола.

– А теперь представь, что твой глаз не там, где был всегда, не на лице, а вот здесь, на кончике ствола.

– Да, на кончике ствола...

– Ну а теперь, – сказал Крис, – посмотри своим единственным глазом на врага, и как только ты увидишь его, стреляй.

Рохас выстрелил, и камень слетел в овраг. Это было первое попадание за урок.

– Рохас, можешь оставить это ружье себе, – сказал я. – Иди на другой конец оврага и стреляй там, пока не кончатся патроны.

– Жалко стрелять, – вздохнул Рохас. – Патроны нам еще пригодятся для боя.

– В бою тебе понадобится не больше дюжины патронов, – сказал я. – Бой будет

коротким. Если все будут стрелять хорошо. Все мы, я хотел сказать.

– Неужели мы сможем их победить? – спросил Мигель. – Нас так мало. Вас семеро, и еще мы, шестеро новичков, на которых мало надежды...

– Вы уже победили их, когда решились взяться за оружие, – сказал я. – Отныне вас можно только убить, но победить вас невозможно.

– Да, я понимаю... И все равно это не укладывается в моей крестьянской башке, – сказал Мигель, смущенно улыбаясь. – Как мы сможем убить их всех?

– Так же, как они убили Рафаэля, – неожиданно жестко сказал Рохас, сжимая свой винчестер.

– Может быть, и не придется убивать всех, – сказал Крис. – Устроим им кровавую баню, дадим жесткий отпор, покажем, что мы не люди, а звери. И они отстанут, не захотят связываться с такими отмороженными.

– С какими-какими? Что значит «отмороженные»? – спросил Рохас.

– Как бы тебе объяснить... Ты знаешь, что такое лед? – Крис беспомощно повернулся ко мне. – Винн, как по-испански лед?

– В испанском нет такого слова, – сказал я. – Рохас, послушай. На севере есть места, где зимой бывает очень холодно. Так холодно, что вода превращается в прозрачный камень. И люди, которые там живут, от холода тоже превращаются в камень. Они ничего не боятся, и пули от них отскакивают, как от камня. Вот что значит «отмороженные».

– Вот! – восхищенно сказал Мигель. – Мы будем отмороженными! Все как один!

– Нам бы еще ружей добавить, – вздохнул Хилларио. – Да патронов не мешало бы про запас. Вы-то уедете, а ружья всегда пригодятся.

– Будут у вас ружья, – уверенно сказал Крис. – После первого боя у вас будет много ружей. Много патронов. И лошадей прибавится. Люди Кальверы оставят вам много своего добра.

– Вот и от Кальверы будет польза, – заключил Хилларио.

ТАЙНЫ ДРЕВНИХ КЛАДОВ

Гарри уложил камень в баррикаду и присел. Следуя примеру Старшего Брата, рядом охотно присели крестьяне, его помощники по строительству укреплений.

По плану, который набросал Крис, улицы деревни надо было перекрыть в нескольких местах. Самую важную баррикаду, прикрывающую выход с площади, мексиканцы складывали из булыжников под руководством Гарри.

Работали молча и сосредоточенно. Короткие, но отнюдь не редкие минуты отдыха Гарри использовал для расширения своих исторических познаний.

– Да, – вздохнул он, вытирая со лба пот. – Этого Кальверу ждет много сюрпризов. Главное, чтобы он не разнюхал про наши укрепления. От него всего можно ждать. Смог же он узнать про ваши золотые рудники...

– Про что? Какие рудники, сеньор?

Искреннее удивление крестьян воодушевило Гарри, и он продолжил свои расспросы с еще более равнодушным видом.

– Да обыкновенные рудники, в ваших горах.

– В наших горах, сеньор? Никогда там не было никаких золотых рудников.

– Вы меня не так поняли. Это Кальвера думает, что они золотые, – пояснил Гарри. – Мы-то с вами знаем, что они серебряные.

– Серебряные?

– Вы что, забыли, зачем ваш этот самый дон Аугусто устроил все это переселение народов? Где жили ваши предки? На побережье. А зачем сюда перебрались? Чтобы разрабатывать серебряные рудники.

– Дон Аугусто Алавес был великий человек, – закивали крестьяне. – Он спас наших предков от лихорадки. Здесь нет лихорадки. Здесь здоровый воздух. Здоровая вода. Раньше

все наши предки жили в горах. Потом испанцы согнали их на побережье. На побережье жить нельзя. Там москиты, там лихорадка, там болота. Там человек умирает от комариного укуса. А здесь даже скорпионы не ядовитые, И такой здоровый воздух...

– Да-да, – Гарри поднял руку, чтобы они в своих рассуждениях в девяносто восьмой раз не вышли на замкнутый круг. – Вы же сами знаете, почему здесь такой здоровый воздух.

– И вода тоже здоровая, – сказали крестьяне. – Раньше все наши предки и предки наших предков жили в горах. А на побережье разве можно жить?

– Нет, нельзя, – сказал Гарри. – Потому что там нет серебряных рудников. А здесь эти рудники очищают воздух.

– И воду, – добавили крестьяне.

– Золотые рудники тоже очищают воздух? – спросили крестьяне.

– Конечно, – сказал Гарри. – И воду тоже. Кстати, не мешало бы сходить туда, набрать воды. Самой чистой, самой здоровой воды с серебряных рудников. Лучше с золотых.

– А где эти рудники? – спросили крестьяне. – Далеко? Если не очень далеко, то мы бы тоже с вами сходили. А если далеко, то не пойдем. Хозяйство нельзя надолго бросать, сами понимаете, сеньор Гарри.

– Серебряные вещи тоже очищают воду, – сказал самый древний из помощников Гарри. – У моей бабки была застёжка от серебряного браслета. Она держала эту застёжку в черной бутылке с водой. И эта вода так хорошо помогала от поноса, так хорошо... Бывало, замучаешься бегать, задница не просыхает, а бабка нальет из своей черной бутылки в кружечку, попьешь, полежишь – и как рукой сняло!

Поскучневший было Гарри снова воодушевился и приобнял одной рукой своего престарелого компаньона по будущей аванюре:

– А ты помнишь, куда делся браслет, от которого была та застёжка?

– Да кто же его знает? Наверно, остался на побережье. Или пропал. Люди тогда не все с собой взяли, много пропало по дороге. Бабка говорила, что браслет им выбросило море. В те времена море много чего выбрасывало...

– А что говорила бабка про те сундуки дона Аугусто? Их-то доставили сюда в целости и сохранности?

– Какие такие сундуки?

– Ну, те самые, – многозначительно понизил голос Гарри, – с пиратским золотом?

– Да от кого вы только слышали про все это золото и серебро? – спросили крестьяне.

– Хватит болтать, работа не ждет, – неожиданно оборвал их Гарри. Он бодро встал и зашагал за очередным камнем.

Причиной столь внезапного прекращения приятной беседы стало появление Криса.

– Крис, давай уточним, – подошел к нему Гарри. – Какой высоты должна быть баррикада? Чтобы лошадь не перепрыгнула?

– Да, – сказал Крис. – Твоя баррикада должна быть высокой. Можешь наставить ее жердями или какой-нибудь рухлядью. Не забудь только разместить всех троих стрелков с одной стороны улицы. Здесь будут двое с револьверами и один с ружьем.

– Не забуду, не забуду, – улыбнулся Гарри. – А вот ты ничего не забыл? Ты же забыл сосчитать меня. Так что здесь будет четверо стрелков.

– Сам решай, где тебе стоять, – Крис пожал плечами. – Действуй по обстановке. Но местных надо расставить заранее, и очень жестко. Чтобы не метались, как куры, по деревне. Винн уже настроился их привязывать к огневой позиции.

– Думаешь, от них будет польза? – тихо спросил Гарри. – Не перебили бы своих в горячке. Тебе не страшно давать им оружие?

– А что ты думаешь об остальных баррикадах? – спросил Крис, уходя от ответа.

– Какие же это баррикады, – снисходительно улыбнулся Гарри. – Просто укрытия. Доведем их, самое большее, до пояса. Запрыгнул, залег, перезарядился, и в бой.

– До пояса? – Крис улыбнулся в ответ. – Если до твоего пояса, я согласен. Ладно, не буду мешать.

Когда Крис отошел, Гарри окружили партнеры по строительству баррикад.
– Что сказал сеньор Крис? Он не ругал нашу работу?
– Нет, не ругал. Он сказал, что Кальвере придется забыть о ваших рудниках. Иначе мы его там, в рудниках, и зароем, – сказал Гарри.

ПЛЕННИЦА

Уложив последний камень в одну из баррикад, Чико выпрямился во весь рост и вытер лицо платком.

– Все, Хосе, с этой покончено, можешь идти отдохнуть.

– Хорошо, сеньор, – задумчивый крестьянин с лицом ацтекского жреца направился к дому Сотеро.

– Хосе! Подожди! – Чико в два прыжка настиг мексиканца, и тот испуганно повернулся. – Где здесь можно попить свежей воды?

– Воды? Где угодно, сеньор, каждый из нас сочтет за честь напоить Вас водой. Вы и сами знаете.

– Да нет, я не об этом. Где вы берете воду?

– Как это где? Привозим ее из реки на наших буйволах. Нашу землю надо обильно поливать, иначе все сгорит под этим солнцем.

– Вы привозите из реки мутную воду, а в кувшинах у вас вода совсем другая, – заметил Чико. – Наверно, есть какой-то родник поблизости?

По лицу Хосе скользнула тень испуга, с еле заметным волнением в голосе он ответил:

– О, сеньор, это очень далеко, я не думаю, что Вам стоит туда ходить, тем более на Вас могут напасть псы Кальверы.

Чико раздасадованно махнул рукой:

– Ладно, иди.

Малыш остался стоять один под палящим солнцем перед новой баррикадой. Так хотелось выбраться из этого песчаного ада. Его неотступно преследовала мысль о прохладном, зеленом оазисе с холодным ручейком, бегущим по отполированным им же булыжникам. Такое место уже встречалось ему по дороге сюда, но больше ничего похожего не попадалось. Чико почесал затылок и направился было к стоявшему неподалеку Брику, как тут по его лицу пробежал легкий прохладный ветерок. Судя по направлению, он исходил со стороны скал. Чико быстро оседлал коня и направил его к узкой расщелине, не замеченной им ранее.

Малыш нашел именно то, что искал. Прямо за расщелиной открывалась чудесная картина земного рая: над бежавшим по камням ручейком возвышались красивые деревья, а их ветви, полные сочных листьев, ниспадали до самой воды. Землю устилала мягкая и густая трава, на которой было, наверно, так приятно лежать, слушая журчание ручейка и пение птиц.

Чико привязал коня к стволу одного из деревьев и направился к воде. И тут он заметил, что в метрах десяти от воды была привязана большая старая корова с огромными рогами.

– Ага, – сказал Малыш. – А ты-то что здесь делаешь? Тебе тоже захотелось свежей воды? Не нравится та теплая жижа, которой поливают поля и поят скотину? Ах, извините, мэм, я не вас имел в виду.

Забавы ради он снял с шеи платок и, расправив его перед собой, встал напротив животного. Он любил так делать, когда был еще мальчишкой. На ферме его отца был большой старый бык, который когда-то посадил на свои рога немало смельчаков, а теперь еле передвигался. Чико брал красную юбку сестры и подходил с ней к быку. Глаза животного наливались злобой, но ее пересиливала лень, а, может быть, мудрость. И бык продолжал лежать в пыли под забором, с ненавистью глядя на Чико...

– Торо! – громко крикнул Малыш и взмахнул платком, пытаясь разозлить корову.

Но из этого ничего не вышло. Животное равнодушно смотрело на незнакомца,

пережевывая пук травы. Поиграв еще минуту и ничего не добившись, Чико подошел к ручью и опустился на одно колено, желая припасть разгоряченным лицом к воде. Негромкий хруст ломающейся ветки за спиной помешал Чико утолить жажду. Лицо Малыша в миг сделалось серьезным, а ладонь нащупала рукоять кольта. Быстро вскочив, он повернулся к источнику хруста и заметил что-то белое, мелькнувшее среди листвы. Частая дробь легких шагов стремительно удалялась в глубину леса. Значит, кто-то еще хотел напиться из этого чудесного ручья, и Чико его спугнул.

Но кто это был? Крестьяне далеко отсюда. Кто в поле, кто на строительстве укреплений, а кто на занятиях по стрельбе. Им нечего делать в лесу у ручья. И уж, конечно, ни один крестьянин не стал бы улепетывать от Чико. Неужели это лазутчик Кальверы, переодетый в крестьянскую одежду?

Чико быстро отвязал коня и, взлетев в седло, погнал своего чалого мерина наперерез убежавшему человеку. Он сообразил, что путь беглеца будет пролегать вдоль ручья, который описывал узкую петлю вокруг плотного кустарника. Конь перепрыгнул кусты, поднял фонтан брызг в ручье и вынес Чико на полянку, покрытую высокой травой.

Белая фигура выбежала из-за деревьев на поляну, испуганно оглядываясь. Чико, лихо спрыгнув с коня, повалил ее наземь.

– Не двигайся, и останешься жить! – грозно приказал он, сдавив рукой горло противника.

И только тут до него дошло, что под ним лежала девушка, и очень милая девушка. Крайне смущенный, Чико поднял ее с травы, его хватка на миг ослабла, и этого было достаточно, чтобы девушка освободила руки и нанесла ему пару звонких обжигающих пощечин.

Защищаясь, он схватил пленницу за запястья.

– Не трогай меня, грязная скотина! – завопила девушка, пытаясь освободиться.

Малышу потребовалось время, чтобы прийти в себя, прежде чем он смог что-то вымолвить.

– Никто тебя не трогает. Да подожди ты, дурочка! Ты мне так все глаза выцарапаешь!

– Отпусти!

– Да перестань царапаться! Если будешь продолжать в том же духе, придется тебя в ручье искупать.

– Да я тебе голову оторву! – не могла успокоиться мексиканка.

Надеясь привести девушку в чувство, Чико крепко сжал ее хрупкие плечи и сильно встряхнул, при этом ее лицо оказалось напротив его. Они впервые посмотрели друг другу в глаза. И Малыш не без удовольствия заметил, как гримаса страха постепенно покидала милое личико пленницы. Чико отпустил плечо девушки и прижал палец к губам:

– Пожалуйста, перестань шуметь, здесь могут быть бандиты. Ты ведь не одна здесь? Где остальные? Где вы все прячетесь?

Хотя девушка уже успокоилась и полностью пришла в себя, в ней еще осталась изрядная капелька злости на этого грубого мальчишку, который так бесцеремонно накинудся на нее.

– Не твое дело! – дерзко ответила она и гордо задрала свой маленький носик.

– Ладно, – вздохнул Чико. – Не мое дело.

– Отпусти меня немедленно!

– Сию минуту! – Чико отвесил поклон, не выпуская из рук ее хрупкие запястья.

Закаленный воин и опытный следопыт, Чико привык трезво рассчитывать свои силы и понимал, что в одиночку ему с таким противником не справиться. Не обращая внимания на дикие вопли и леденящие кровь угрозы, он перекинул пленницу через круп коня и поскакал в деревню.

Его чалый мерин пару раз вопросительно оглянулся на крики, доносящиеся из-за спины хозяина. Но Чико ободряюще потрепал его по шее, и мерин прибавил ходу. Крики стали раздаваться в ритме скачки, а потом утихли. Пленница вцепилась в скатанное одеяло, на

котором оказалась из-за своего вздорного нрава, и молчала, очевидно, набираясь сил.

На окраине деревни тянулась старая осыпавшаяся канава, которую, по плану Криса, следовало углубить и расширить. На эти земляные работы были мобилизованы все работоспособные мужчины. Крестьяне, привычные к такому труду, размеренно взмахивали лопатами и мотыгами. О'Райли, Гарри, Винн и Крис трудились наравне со всеми, отличаясь только одеждой. Они скинули рубашки, и их мускулистые спины блестели между белых одежд крестьян.

Гарри, выбрасывая из канавы очередную порцию рыжей земли, провожал ее взглядом. И порой бросал лопату и принимался перебирать землю пальцами. Кладоискательские привычки не оставляли его в покое.

– Золото глубже, – насмешливо сказал ему О'Райли, – до него еще копать и копать.

– Кому ты рассказываешь свои сказки? – спокойно отвечал Гарри. – Здесь не может быть золота. Не та порода.

– Так что же ты ищешь?

– Да какую-нибудь безделушку. Колечко с изумрудом. Или ритуальный кинжал жреца, к примеру, – деловито сказал Гарри. – Такие штучки здесь могут всплыть в любом месте.

– Хорошо, что предупредил, – сказал О'Райли, разгибаясь и далеко выбрасывая землю со своей лопаты. – Если найду, отдам тебе.

– Буду крайне признателен, – Гарри подобрал какой-то камешек и, рассмотрев его, с разочарованием швырнул прочь. – Надо быть повнимательнее. В этой земле сокровища ацтеков попадают на каждом шагу. Они ведь понятия не имели, что их безделушки со временем будут так высоко цениться, и разбрасывали их везде. Моя мечта, дружище, докопаться до мусорной ямы древних ацтеков.

Гарри оперся на лопату сложенными руками и мечтательно улыбнулся. Все, кто работал рядом с ним, тоже остановились, невольно заражаясь его благодушным настроением.

– Они же не знали цены золоту и серебру. Какая-нибудь древняя красotka чуть погнет свой золотой гребень и сразу выбрасывает, потому что он ей все равно надоел. А на рынке она всегда может выбрать себе новый, еще лучше. И сколько таких красоток было в те времена? Не меньше, чем сейчас. Века проходят, красотки не меняются. Так что если кто-нибудь знает, где тут ближайшая мусорная яма, то я в доле.

Все рассмеялись.

– Ты уже сделал половину дела, – заметил Винн. – Мы стоим по колено в будущей мусорной яме. Через триста лет за твою сломанную лопату будут давать миллионы долларов.

– Это не мусорная яма, – сказал О'Райли. – По этой канаве на поле пойдет вода.

– Когда-нибудь, – согласился Винн.

– Не когда-нибудь, а когда мы разберемся с бандой, – сказал Крис. – Пока это только оборонительное сооружение. Потом канава займется делом. Будет и от нас польза.

Он собрался прикурить очередную сигару и уже зажег спичку о подошву сапога, как вдруг его внимание привлек всадник, быстро скакавший со стороны гор. На таком расстоянии невозможно было распознать, кто это был, и Крис инстинктивно тронул кобуру. Догоревшая спичка успела обжечь Крису руку, прежде чем он узнал во всаднике Чико, который вез что-то белое за своей спиной. Крис закурил от другой спички и обнаружил, что Винн, стоявший рядом, тоже наблюдает за приближением Чико.

– Наверно, мне надо что-то делать с глазами, – сказал Винн. – Или не с глазами. Но мне кажется, что у него за седлом... женские ноги.

– Ноги в белых штанах и я вижу, – сказал Крис. – Но с чего ты взял, что они женские?

– Черт возьми, да я скоро в каждом кактусе буду видеть женские ноги, – вздохнул Винн.

Тем временем всадник приблизился. Чико, соскочив с коня, без особой галантности помог даме спуститься на землю.

– Смотрите, какие интересные зверьки водятся здесь в горах, – с напускным

равнодушием сказал он. – Сразу и не поймешь, что за порода. Царапается, как пума. Шипит, как змея.

– И красива, как лесная фея, – сказал Винн, приподнимая шляпу. – Буэнас диас, сеньорита.

Сеньорита стояла, потупив взор. Перед взрослыми мужчинами, среди которых было так много ее соседей, она потеряла и слух и дар речи. Девушка являла собой воплощение скромности, кротости, благочестия и всего остального списка благодетелей. И только Чико, благоразумно державшийся на безопасном расстоянии, знал хрупкость этой ложной оболочки. В его ушах до сих пор стоял шум от ее звонкого голоса.

– Откуда эта девушка? – обратился Крис к подошедшему Хилларию.

– Это Луисита. Она из нашей деревни, сеньор, – ответил фермер, виновато уставив глаза в землю.

– И что она делала в лесу? Совсем одна?

– Да она там не одна... – проговорился Хилларию.

– Теперь все ясно, – сказал Винн. – Вы их спрятали. А я-то уж начал думать, что вы съели всех девушек, а старушек используете только по хозяйству, потому что их мясо жесткое.

– Сеньор, вы ошибаетесь, мы все приличные люди... А это...

– Это! – со злостью передразнил Чико. – Они спрятали своих женщин! Они нас до сих пор боятся, Крис! Боятся тебя, меня, Винна, всех нас. Эти тупые трусливые крестьяне наговорили своим женщинам, что мы их изнасилуем!

– Это они после солдат стали такими умными, – заметил О'Райли.

Крестьяне смущенно счищали комья глины со своих лопат и ничего не говорили.

– Не помню, чтобы мы давали повод для таких опасений, – сухо сказал Крис.

– А что же ты так мало захватил? Привез бы еще парочку, – потирая руки, облизнулся Винн.

– Да я бы с удовольствием, только она, – Чико подтолкнул локтем стоявшую рядом с ним девушку, – отказывается говорить, где остальные. И правильно! Вот доберется до них Кальвера, наступят у них веселые деньки.

– Ладно, Чико, приведи сюда остальных, – приказал Крис. – Объясни им, кто мы такие и зачем пришли сюда. Объясни, как ты это умеешь. А Луисита покажет тебе дорогу. Ты покажешь, Луисита?

Девушка кивнула, не поднимая глаз.

– Ну что, поехали, недотрога, – сказал Чико и молодецки взлетел в седло.

Луисита, понутив голову, повернулась к лошади и неловко взялась за край седла.

– Ну почему я не пошел в лес к роднику вместо тебя, Чико? – сокрушенно спросил Винн, подсаживая девушку за спину Малышу. – И как только ты ее выследил?

– А я и не выслеживал, больно мне надо выслеживать таких кусачих! – пренебрежительно отозвался Чико. – Если б она не побежала, как сумасшедшая, я бы и не погнался за ней.

– А знаешь, Малыш, – Винн говорил, не отпуская стремени, – так воюют апачи. Они делают вид, что в панике отступают, и белые пускаются в погоню. А в результате у апачей пополняется коллекция скальпов. Так что осторожнее с ней, Малыш, осторожнее... Береги скальп.

Чалый мерин недовольно переступил задними ногами и подергал крупом. Он не привык, чтобы хозяин возил за спиной девушек. А может быть, и считал, что рановато Малышу брать таких пассажиров. Но Чико похлопал его по шее, и мерин резво понес седоков к лесу.

Как не странно, но случайная встреча Чико и Луиситы благотворно повлияла на сближение команды Криса с местным населением. Народ должен был наконец понять, что ему не стоит опасаться собственных защитников. Из леса в деревню потянулась вереница женщин и коз.

К концу дня большая часть работы была закончена. С приходом стремительных мексиканских сумерек гости переместились в дом Сотеро. Окончание строительства баррикад и возвращение женской части населения решено было отметить, как выразился Гарри, «торжественным ужином». Торжественность выражалась в том, что вместо вяленого мяса и сухарей, которыми до сих пор питались гости, хозяйки, вернувшиеся к очагам, принялись угощать их лучшими блюдами мексиканской кухни.

На углях очага томились глиняные горшки, источая соблазнительные запахи. Рядом с очагом на каменном столике жена Сотеро раскатывала каменной скалкой шарики кукурузного теста. Другая женщина бросала получившиеся плоские кругляши на раскаленную сковороду, переворачивала, а потом складывала в стопку. Не давая им остыть, ковбои хватали лепешки и обмакивали в миску с соусом. Пышущее жаром тесто смешивалось со жгучей пастой, и, проглотив эту огненную смесь, каждый тянулся к стаканчику с пульке, чтобы легкой пеной загасить пожар в желудке. Это была легкая закуска, предлагаемая для возбуждения аппетита.

Отвыкшие от женского внимания, ковбои, в основном Винн, с интересом следили за порхающими вокруг большого деревянного стола пышногрудыми мексиканками, которые с каменными лицами накладывали им еду. Винн попытался растопить лед между мужчинами и женщинами, и у него это неплохо получалось: пара вполне пристойных, хотя и не без пикантности, шуточек долетела до очаровательных ушек с яркими сережками. Красавицы отвечали Винну ослепительно белыми улыбками и посылали в его сторону благосклонные для первого знакомства взгляды.

Чико не без удовольствия заметил среди женщин свою недавнюю пленницу, Луиситу. Неся в руках миску, полную дымящихся бобов, она приближалась к нему. Малыш подставил свою тарелку и с удивлением наблюдал, как туда одна за другой шлепнулись три большие ложки бобов. От такой порции даже великан О'Райли получил бы несварение желудка, не говоря уже о Чико, который был чуть ли не на половину меньше ирландца. Малыш так и не понял, было ли это выражение особой признательности или, наоборот, продолжение утренней дискуссии другими средствами. Винну, сидевшему по соседству с ним, Луисита положила всего четверть ложки.

– Огромное спасибо, сеньорита, за столь вкусный и удивительно сытный ужин, – отпустил ей вслед Винн.

Он уже примерился, как бы поменяться порциями с Чико, но тут к нему подплыла аппетитная сеньора, и его тарелка наполнилась не менее аппетитной горкой риса. Сеньора успела улыбнуться Винну в ответ на его восхищенный взгляд, после чего, качнув бедрами и нацепив на лицо прежнюю каменную маску, пошла к равнодушно ждавшему своей очереди Брику.

Тарелка Брика сверкала девственной чистотой, словно ее не касалась сегодня ни единая крошка еды. Сеньора виновато поцокала языком и наложила Брику египетскую пирамиду риса. Затем повернулась к подносу, где стояли чашки с соусом, и выбрала соус погуще да поострее. А когда хотела полить этим соусом рис на тарелке Брика, ее брови изумленно выгнулись, а рука застыла, как у жены Лота: соус медленно и тягуче капал на пустую, девственно чистую тарелку.

Праздник мексиканской кухни был несколько омрачен, когда в комнату ввалился О'Райли. Его лицо было как всегда угрюмым и не сулило едокам ничего хорошего. Взглядом, полным благородного негодования, он обвел комнату, в которой воцарилась гробовая тишина. Подождав, пока Гарри дожует и со стоном наслаждения проглотит рис, он вышел на середину комнаты, сложил руки на груди и сурово произнес:

– Что? Вкусно?

– Да. А что случилось? – заранее признавая себя виновным, ответил за всех Ли.

Гарри, целиком поглощенный процессом собирания риса, кусочков мяса, соуса и резаной травы на одной ложке, был единственным, кто не заметил обличительного взгляда ирландца.

– Цыпленок и бобы под острым соусом с рисом, очень недурно, – бодро ответил он и, наконец, отправил ложку в рот, при этом глаза его закрылись от удовольствия. – М-м-м... Присоединяйся, дружище.

О'Райли оглядел сидящих за столом с высоты своего роста и упер руки в бока. Все молчали, отставив еду. Видимо, Гарри закрыл глаза не слишком плотно, потому что он перестал жевать и встревоженно повернулся к ирландцу.

– Кстати, из чего они тут делают вот это пюре? – спросил он уже без бывшего энтузиазма.

– Это? – ирландец поднес чашку к лицу, понюхал. – Это паста из авокадо.

– Я так и думал! – обрадовался Гарри. – Очень, очень недурно.

– А вам известно, чем питаются местные жители с тех пор, как мы сюда приехали? – сухо поинтересовался О'Райли. – Они едят лепешки из кукурузной муки с горсткой вареной фасоли. И все. Очень недурно, да?

– Погоди, погоди, – Гарри протестующе замотал головой, торопливо дожевывая. – Во-первых, я обожаю эти их лепешки, тортильи с начинкой. Дайте мне десяток таких лепешек, и я буду сыт весь день. Во-вторых, что плохого в том, что для гостей они приготовили праздничное угощение? Если бы они всей деревней приехали ко мне в гости, я бы тоже не пожалел последнего цыпленка. И в-третьих, я предлагаю разделить этот торжественный ужин с местной детворой. Пусть и для них будет праздник.

Винн восхищенно аплодировал, Чико подбросил вверх шляпу, и даже Брик улыбнулся. Собрав со стола, они расположились во дворе и принялись раздавать пищу набежавшей детворе. Винн, правда, и из этой ситуации постарался извлечь пользу. Накладывая «рис по-испански» очередному мальчугану, он не забывал спросить, а нет ли у того, случайно, старшей сестры?..

ВИНСЕНТ КРОКЕТ, ЧЕЛОВЕК ПОВЕЛИТЕЛЬ КОЛЬТА

Я знаю только два способа стрельбы: как стреляют белые люди и как стреляют красные люди. И я могу научить вас обоим способам. Все зависит от того, чего вы хотите в тот момент, когда тянетесь к револьверу.

Белые люди стреляют, чтобы спастись. Красные стреляют, чтобы убить.

Отец рассказывал мне, как он подползал к цепям янки во время боя на расстояние не больше сотни Футов, и они палили в его сторону из всех своих мушкетов⁸, да так, что стоял непрерывный гул, и лес за его спиной стонал и трещал от их пуль. А отец, лежа за кустом, спокойно валил одного офицера за другим. Секрет прост – они не видели его. Они стреляли, чтобы отпугнуть врагов. А он не считал их врагами. Он просто поражал не очень подвижные мишени.

Поэтому белым людям нужно много патронов. Ящики патронов. Вагоны, эшелоны патронов. А еще им нужно много пушек и снарядов, потому что пушки стреляют дальше и громче и должны лучше отпугивать врагов. И поэтому белые люди строят заводы, на которых они могут сделать еще больше патронов и снарядов, чтобы уж наверняка запутать всех своих врагов.

Правда, пожив в больших городах (а я бывал и в Мемфисе, и в Денвере, не говоря уже о Новом Орлеане), я начал сомневаться в том, что стиль стрельбы белого человека основан только на страхе. Я даже стал подумывать, а не торговцы ли патронами придумали такой стиль? Он плох в военном отношении, но так выгоден в торговом! Я мог бы, наверно, докопаться до истины, если бы остался служить в кавалерии юнионистов.

Но Бог рассудил иначе, и я занялся изучением индейского стиля стрельбы. Так вот, индейцы – люди чрезвычайно экономные. У них в лесах нет ни оружейных заводов

⁸ Мушкет – американское обозначение армейской винтовки.

Спрингфилда, ни пороховых фабрик Питтсбурга. Поэтому они научились стрелять без промаха.

Когда я прочитал эту вводную часть своей лекции Рохасу и его землякам, они восприняли ее всем сердцем. Ничто так не греет крестьянскую душу, как возможность хоть на чем-нибудь сэкономить.

И уж конечно, они просто сияли от счастья, когда выяснилось, что на первых занятиях в их револьверах не будет патронов.

Они сидели за укрытием, поднимали револьверы, взводили курки, наводили стволы на цели и давили на спуск. Опускали револьверы, поднимали револьверы... и так далее – до тех пор, пока уже не оставалось сил, чтобы просто поднять револьверы.

Если бы у меня был лишний ящик патронов, я бы иначе построил занятия. Потому что на самом-то деле с моими гвардейцами нужно было отрабатывать не хват револьвера и не быстроту прицеливания. Нужно было научить их преодолевать свой естественный страх перед громким выстрелом.

Они боялись собственных жен только потому, что те умели вовремя и громко прикрикнуть на них. Мои ученики могли все делать правильно – наводить ствол в направлении противника, прицеливаться, не закрывая второй глаз. Могли даже плавно давить на спуск. Но я знал, что в самую последнюю секунду внутри каждого начинающего стрелка вдруг вспыхивает мысль: "Ох, сейчас и бабахнет..." И все. Тело деревенеет, плечи подтягиваются к ушам, руки-крюки, глаза не зажмурены, но все равно ничего не видят. И пуля уходит, куда захочет, а вовсе не в точку прицеливания. Отучить от такого страха можно только долгой и шумной практикой.

Но не было у меня лишнего ящика патронов, и я готовил стрелков к их единственному выстрелу, надеясь, что не все они попадают в обморок и кто-то сможет выстрелить еще хотя бы раз.

– А зачем мы каждый раз взводим курок? – наконец-то спросил догадливый Мигель. – Ведь если нажать посильнее на спуск, курок и сам оттянется, а потом щелкнет!

– Щелкнет-то он щелкнет, – согласился я. – Но пуля твоя улетит неизвестно куда. Потому что когда ты давишь на спуск с силой, твоя кисть шевелится, ствол дергается и пользы от такого выстрела примерно столько же, сколько от старого ведра, если по нему ударить палкой.

– Да какая вообще от нас польза, – уныло сказал сосед Мигеля. – Только разозлим Кальверу своей стрельбой.

– А больше от вас ничего и не требуется, – уверенно и твердо сказал я. – Ваша задача – как следует разозлить его, чтобы у него дыхание сперло от злости. Тот, кто злится, не может выиграть в перестрелке.

– Как же так, сеньор Винн? – спросил Мигель. – Вы столько раз стреляли в людей. Неужели вы никогда на них не злились?

– Только в юности, – сказал я. – От злости в глазах темнеет, трудно прицеливаться. И вы, когда будете стрелять, думайте только о том, что надо плавно давить на спуск. А вовсе не о том, какие плохие люди эти бандиты или что-нибудь еще.

Я вовремя остановился. Потому что с языка уже была готова сорваться фраза: «Не думайте о том, что будет, если вы промахнетесь».

Если мы промахнемся, ничего хорошего не будет.

Чем больше я вникал в ситуацию, тем меньше она мне нравилась. Из рассказов крестьян постепенно выяснилось, что у этого Кальверы под ружьем никак не меньше сорока, а то и пятидесяти стрелков. Именно стрелков. Они все вооружены, причем не луком и стрелами. И патронов у них хватает.

Бандиты, в отличие от моих учеников, имели возможность и время пройти долгую и шумную практику. Они давно уже не пугаются грохота собственных выстрелов. Есть звуки и пострашнее, например, вкрадчивый шелест чужих пуль. Но и он не заставит их в панике забиться в укрытие. Каждый из людей Кальверы превосходит всех наших учеников, вместе

взятых. Мирный крестьянин даже с оружием в руках остается мирным крестьянином, который с малолетства привык покоряться бандиту. Наивно надеяться, что несколько занятий на огневом рубеже способны переломить привычку, привитую людям годами покорного рабства.

Значит, нам остается рассчитывать только на себя. А наш план, придуманный Крисом, все-таки был основан на блефе. Ничего не имею против блефа за покерным столом, но только в том случае, когда не рискуешь проиграть последнее, что у тебя осталось.

И это еще вопрос – играют ли бандиты в покер? Попадутся ли они на наши уловки? Если дело дойдет до открытого боя, они нас запросто перебьют. Конечно, им придется попотеть, потрудиться и побегать. При этом, я вам обещаю, их потери составят процентов сорок-пятьдесят. Возможно, после этого Кальвера постарается навсегда забыть дорогу к этой ужасной деревне. Мало утешает и то, что над нашими могилами несколько дней будут грустить пышногрудые красавицы.

Я не люблю, когда пышногрудые красавицы грустят. Не для того пришел на этот свет Винсент Крокет, чтобы они грустили. Поэтому открытого, честного и благородного боя с противником не будет.

Если бы Крис предложил мне разработать свой план военных действий, я бы раскрасил лицо сажей, мелом и куриной кровью, воткнул бы за ухо орлиное перо и начертил бы свой план на изнанке шкуры енота: победить заведомо превосходящего противника можно только одним оружием – хитростью. Сойдет и коварство. Не помешает и вероломство. Попадется под руку подлость – прихватим и подлость.

Я бы отодвинул подальше Библию, ушел бы поглубже в лес и на глухой поляне разжег бы костер внутри круга, выложенного костями. Три ночи и три дня горел бы этот костер. Три дня и три ночи я бы кружил вокруг него, распевая песни и притоптывая в танце, прокалывая наконечником стрелы кожу на груди и плечах, пока кровь не перестанет проступать в ранах. Костер будет гореть без дыма, ровным спокойным пламенем, с хрустом пожирая сухие сучья, сложенные внутри круга из костей. А когда к исходу третьего дня он погаснет, меня в этом кругу не будет. Темная лесная сова ночью будет кружить над лагерем Кальверы, и утром в нем проснутся не все. И каждую ночь кто-то будет хрипеть под удавкой или коротко всхлипывать от удара ножом в горло. Кто-то скорчится, схватившись за живот после глотка воды из своей фляжки. А кто-то просто исчезнет на коротком пути от лошадей к костру. Две-три такие ночи, и Кальвера опрометью кинется вон, унося ноги. И еще не одно поколение аборигенов будет пугать детей легендами о злом духе этого леса.

Но для такой войны нужны другие воины. Я не возьму с собой в лес ни Малыша, ни Гарри, ни О'Райли.

Малыш еще совсем не знает жизни, не ценит ее, поэтому он не имеет права отнимать ее у врага. Гарри, напротив, слишком любит жизнь, поэтому не сможет отнять ее у врага. Не спорю, они способны убить, защищая себя или близкого человека. Может быть, они способны убить из мести. Но подкрасться к спящему, толкнуть его, чтобы он проснулся и не закричал во сне, и тут же засадить ему нож между ребер, зажимая мокрый рот ладонью? Это задача не для них.

А что до О'Райли, то он, не сомневаюсь, справится и не с такой работой. Но ирландец слишком высок и массивен, слишком приметная у него фигура для ночной работы в лесу.

Брик? Его я бы взял. Но он может и отказаться. Ему это неинтересно: он предпочитает поединки, а не удары в спину.

Мистер Ли Броуди? Почему-то мне казалось, что именно он способен сделать эту работу вместе со мной. Мы оба одинаково воспринимаем этот мир. Мы играем. Что-то в этом человеке подсказывает мне, что он примет любую игру. Если только перед этим ему объяснить правила. Он примет мою игру и постарается выиграть.

А Крис? Вот Криса я ни за что не возьму с собой. В темные совы он не годится. Сова может и не вернуться однажды из леса, и этого никто не заметит. А Крис... Он нужен всем.

Все эти глубокомысленные рассуждения промелькнули в моей голове, пока я взводил

курок учебного револьвера.

– Смотрите, как это делается, – сказал я ученикам. – Изготовились. Навели на цель. Задержали дыхание. Надавили на крючок. И никаких мыслей в голове.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

По расчетам Криса, банда Кальверы была уже где-то рядом. Обходя вместе с Винном деревню, он придирчиво осматривал все, что трудолюбивые крестьяне приготовили для встречи ненавистных гостей.

В разных уголках деревни, прилегающих к площади, выросли баррикады. За каждой из них уже был приготовлен заряженный винчестер и запас патронов. Разрядив револьвер и спрятавшись за баррикадой, можно будет удивить наседающего противника неожиданным. Крис осмотрел каждый патрон из запасов и безжалостно забраковал штук десять. Осечка простительна на уроке, обидна на охоте и смертоносна в бою!

Вот широкая канава, ограждающая деревню со стороны гор. Лошади остановятся перед ней, и всадники превратятся на какое-то время в неподвижную мишень. Но что, если Кальвера заметит канаву, еще до перестрелки? Заметит и заподозрит неладное.

Крис поделился опасениями с Винном, но тот успокоил его:

– Ничего он не заподозрит. Обычная канава. Может быть, для сбора дождевой воды. Здесь же бывают дожди, надеюсь?

– Надеюсь, мы их не дождемся, – сказал Крис. – Хорошо, а что у нас с сеткой?

На самом краю деревни лежала в пыли грубо сплетенная крупная сеть. По условному сигналу четверо крестьян должны были поднять ее и натянуть поперек улицы, чтобы ненадолго остановить всадников. Пока лошади будут топтаться на месте, винчестер О'Райли с соседней крыши подскажет всадникам другую дорогу – под землю. Идея была неплохая, но кто мог с уверенностью сказать, что все произойдет именно так, как предполагается? Крис не был уверен, что при первых же выстрелах крестьяне не разбегутся по своим хижинам. И кто тогда будет поднимать эту сетку?

– Может быть, натянуть ее заранее? – предложил он.

– Ну тогда уж нацепи на нее красные флажки, чтобы лучше было видно, – съязвил Винн. – Никуда наши гвардейцы не разбегутся. Наоборот, если испугаются стрельбы, побоятся бегать, замрут здесь, на боевом посту.

– Думай, приятель, думай, – сказал Крис, оглядываясь. – Что мы еще забыли проверить? Думай сейчас, потом некогда будет.

– Нам надо где-то спрятать старика, который живет на горе, – сказал Винн.

– Зачем?

– Боюсь, что бандиты поднимутся к нему, когда мы их выйдем из деревни. После драки так приятно сорвать на ком-нибудь зло. Мне бы не хотелось, чтобы старик пострадал из-за того, что мы щелкнем по носу Кальверу. Кроме того... – Винн откашлялся. У него всегда першило в горле, когда он неожиданно для себя начинал говорить то, о чем хотел бы промолчать, но слово уже вырвалось... – Кроме того, это обязательное правило. Перед боем все гражданские лица должны быть собраны в одном месте.

– Зачем?

– Для их же собственной безопасности. Кроме того, кхе-кхе, среди них могут оказаться те, кто сочувствует противнику, или его агенты, или возможные перебежчики. В общем, вполне разумное правило.

– Ты все делаешь по правилам? – спросил Крис.

– Нет, конечно. Но посоветовать-то могу?

Поднявшись по горной тропе, они остановились у фермы Старика. Крис обратил внимание, что Старик жил хотя и отшельником, но отнюдь не был аскетом и хозяйство имел вполне зажиточное. На сочной горной траве паслось с десятков крупных серых коз. По тропе перебегали нарядные цесарки, которые не преминули поднять крик, предупреждая о

приближении гостей. На кукурузном поле высились густые ряды разной высоты. Поближе к дому растения были высокими и с початками, однако чем дальше уходили ряды в поле, тем моложе были побеги. Видимо, Старик высаживал эти ряды в разное время, вот только зачем?

Крис потихоньку спросил об этом Винна, но ответ получил от Старика, издали расслышавшего вопрос.

– Здравствуйте, здравствуйте, амигос. Сразу видно городского человека. Только городской человек не чувствует разницы между молодой кукурузой и старой. А я, знаете ли, люблю молодую, мягкую... – Он смущенно улыбался, потирая седую бороду. – Вот она у меня и созревает понемногу. А много мне и не надо.

Крис посмотрел вокруг. Отсюда горы казались еще величественнее, чем из долины. Здесь, на высоте, воздух был чище и прозрачнее. Безжизненные скалы по ту сторону долины казались необычно близкими. Дальше лежала еще одна долина, и там тоже жили люди. А еще дальше высилась синяя стена далеких гор, и Крис видел отсюда, как густо они испещрены голубыми и коричневыми тенями скал, обрывов, разломов... Вершины скрывались в плотных серых облаках, а над этим слоем облаков клубились другие, они вздымались в небо, словно продолжение гор. И кто знает, что мы увидим, если поднимемся выше гор, выше облаков? Какие еще высоты?

– Красиво, не правда ли, – сказал Старик, проследив взгляд Криса. – Жить надо в горах, и как можно выше. Это полезно для здоровья и главное – для духа, для веры, в конце концов. Нескромно сказано, но я чувствую, что здесь нахожусь ближе к Богу. Надеюсь, мои чувства не связаны с возрастом. Но вы, похоже, поднялись сюда не для того, чтобы слушать мою болтовню?

– Мы хотим забрать вас с собой в деревню, – сказал Крис. – Здесь опасно оставаться.

– Нет, спасибо, – решительно отказался Старик.

– Рохас приготовил комнату для вас, – сказал Винн.

– Рохас? Да вы что? Он же замучает меня своими рассуждениями.

– Вы можете остановиться в любом доме, – сказал Крис. – Вам все будут рады.

– Они-то будут рады, – Старик ласково улыбался, словно говорил о своих внуках. – Но знаете, ведь все они крестьяне, люди земли. Они не могут говорить ни о чем, кроме удобрений и женщин. Насчет удобрений я вряд ли услышу от них что-то новое. А что касается женщин, то я перестал ими интересоваться, как только мне стукнуло восемьдесят пять. Всему, знаете ли, свое время.

– Это так, – засмеялся Крис. – Но поймите и меня. Здесь я не могу вас защитить от Кальверы.

– Не надо меня защищать. У меня уже есть защитники, – Старик, поколебавшись, добавил: – Слишком могущественные защитники. Если хотите, я могу вам их показать.

Не дожидаясь согласия гостей, он встал и прошел внутрь дома. Крис и Винн последовали за ним.

Дом Старика, сложенный из высушенных на солнце глиняных плит, примыкал вплотную к скале. Войдя внутрь, Крис обнаружил, что вместо четвертой стены в доме виднелся темный провал пещеры. Старик, пригнувшись, шагнул туда. Когда глаза Криса привыкли к полумраку, он увидел, что хозяин дома спускается в пещеру.

– Идите за мной, – раздался его голос. – Такого вы больше нигде не увидите.

Стены пещеры были ровными и высокими и уходили в черноту, свода не было видно. Но под ногами Крис ощущал гладкий пологий спуск. Впереди белела спина Старика. Через десяток шагов стало светлее, и они оказались в просторном квадратном зале с двумя горящими светильниками. По углам стояли четыре кувшина, испещренные затейливыми рисунками, в центре на невысокой колонне возвышалась каменная резная фигурка в половину человеческого роста.

– Вот мой защитник, – глухо сказал Старик. – Это Тлалок, Бог дождя.

Крис с интересом разглядывал черное тело, выпуклые белые зубы и глаза фигурки. В одной руке он держал змею, в другой – стебель кукурузы с заостренным початком. В его

ногах кольцом выстроились пучеглазые лягушки.

– Я нашел эту пещеру случайно, – сказал Старик. – Искал место, где бы приткнуться, чтобы не жить в деревне. Я здесь уже пятьдесят с лишним лет, а светильники до сих пор не погасли.

– Это горит газ? – спросил Винн.

– Огонь, – ответил Старик. – Конечно, иногда я подливаю в них немного масла. Чтобы Тлалок не рассердился. Знаете, что бывает, когда он сердится? Да откуда вам знать...

– Мы и не узнаем, если вы не расскажете, – сказал Крис.

– Тлалок был третьим правителем мира, – сказал Старик. – До него миром правили гиганты, потом их победили ягуары. В итоге война завершилась страшным ураганом, все смешалось, и люди превратились в обезьян. Тлалок создал людей заново. Мужчины родились, чтобы пахать землю, а женщины – чтобы ткать. С тех пор мы едим хлеб и носим одежду. Но постепенно люди забыли о своем создателе и перестали поддерживать его огонь. Тлалок рассердился на них и лишил людей воды. Началась странная засуха, которая закончилась всемирным пожаром. Так что Тлалока лучше не обижать.

– А что было после пожара? – поинтересовался Винн. – Я что-то слышал о всемирном потопе. Как насчет него, дошел он до ваших краев?

– Всемирный потоп случился гораздо позже, – сказал Старик. – После Тлалока миром правила богиня вод Чальчи. Ей хотелось расширить свои владения, вот она и залила весь мир. Люди превратились в рыб. И только при новом боге, Тонатиу, люди снова вышли на землю. Но теперь им пришлось хуже. Тонатиу требует крови. Он не может жить без нее, и пока кровь льется на землю, он посылает нам солнце. Если люди перестанут убивать друг друга, солнце не взойдет.

– Картина не слишком радостная, – заметил Винн.

– Все не так уж и плохо, – улыбнулся Старик. – Тонатиу не вечен. Кончится и его власть, и тогда Тлалок снова вернется к людям.

– К тем, кто уцелеет, – добавил Крис.

– Люди неистребимы, – уверенно сказал Старик. – Пойдемте в дом, здесь нельзя долго стоять. Дыхание человека вредно для старых красок.

Мужчины вернулись на веранду, и, шурясь от яркого света, Старик продолжил:

– Ну вот, теперь вы будете думать, что я дикарь, еретик или еще что-нибудь в этом роде. Так?

– Нет, не так, – сказал Крис. – Это устаревшие слова, они остались только в романах. Я бы сказал, что вы просто очень гордый и одинокий человек. Конечно, я уважаю ваш выбор, но...

– Выбор? – Старик рассмеялся, покачивая головой. – Да разве человек способен что-нибудь выбрать? Это его выбирают, а ему остается только подчиниться. Или не подчиниться. И тогда уж принять на свою спину заслуженное наказание за проявленное упрямство, глупость или гордыню. Разве я сам выбрал это место для жизни? Бог привел меня сюда.

– Вы про этого чернокожего бога? – уточнил Винн. – С лягушками у ног?

– Нет, – мягко ответил Старик, – я про Бога истинного и единственного, Отца нашего. А каменный идол в пещере остался от прежних хозяев этой земли. Но уж если он остался, кто-то должен о нем позаботиться. Тем более, что он иногда отвечает на заботу. Есть и от него польза. Вы заметили – там на полу вырезан рисунок?

– Какие-то ломаные линии, зигзаги и волны, – кивнул Крис.

– В нужное время я сыплю на эти линии цветной порошок из толченого известняка с красками. Получается красивая картина – молнии и тучи. Потом я начинаю размахивать особыми погремушками, и в пещере возникает доподлинный шум дождя. Если закрыть глаза, кажется, что попал в сильный ливень. Через какое-то время я начинаю молить святого Януария о ниспослании дождя.

– И как? Действует? – заинтересованно спросил Винн.

– Чаще действует, чем нет, – сказал Старик. – Иначе крестьяне давно перестали бы

обращаться ко мне во время засухи.

– Понятно, – сказал Винн. – Значит, если Кальвера попытается вам чем-то навредить, его поразит молния?

– Именно так, – кивнул Старик. – И он это прекрасно знает.

– Я понимаю, вам не хочется покидать свой дом, – сказал Крис. – Но все же безопаснее было бы укрыться в деревне.

– Мне незачем прятаться от какого-то бандита, – покачал головой Старик. – Что он может мне сделать? Убить? Сомневаюсь. Пуля стоит денег, он не станет тратить ее на какого-то старика. Вы подумайте лучше о себе. Кальвера – опасный противник. Хитрый и беспощадный. По моим расчетам, завтра он будет в наших краях. И вполне может заглянуть в деревню. Вы все сделали? Все приготовили?

– Похоже, что все, – сказал Крис.

– Это вам сейчас так кажется, – сказал Старик. – А начнется бой, и все пойдет не так, как вы рассчитывали.

– Я знаю, – сказал Крис. – Правда, и противник столкнется с неожиданным сопротивлением. Так что мы в равных условиях.

– В равных условиях? – спросил Старик. – Вы знаете, сколько людей у Кальверы?

– Я пытался это выяснить, – сказал Крис и развел руками. – Но пленного взять не удалось. По рассказам крестьян, у него двадцать пять-тридцать всадников.

– В последний раз я насчитал в его банде тридцать шесть человек, – сказал Старик. – И думаю, что видел не всех. У него всегда скачет кто-то впереди, в дозоре, кто-то сзади, в охране. И еще всегда остаются люди в лесном лагере. Так что готовьтесь встретить сорок хорошо вооруженных и опытных воинов. А что вы можете выставить против них?

Крису захотелось встать перед Стариком навытяжку, как перед строгим учителем. Старик задавал ему те же самые вопросы, которые жгли его все это время. Но сейчас он не мог увильнуть от ответа.

Крис посмотрел на Винна и хлопнул его по плечу.

– Яставляю рейнджера, который воюет с рождения, нет, с зачатия. Война кипит в его крови, и если противников меньше сорока, он их просто не замечает. Яставляю двух ковбоев, которые ненавидят конокрадов и готовы давить их каблуками, как мерзких пауков. Яставляю карточного игрока, который все видит насквозь и предсказывает ходы противника раньше, чем противник о них подумает. Яставляю сурового ирландца, который умеет варить снадобье от пуль. И еще яставляю неугомонного кладоискателя, которого не может уговорить ни одна пуля. Ну и сам я тоже кое-что могу, – закончил Крис.

– Не сомневаюсь, – сказал Старик. – Знаете, даже если бы вы сказали, что привели с собой отпетых разбойников, пьяниц, дезертиров и шулеров, даже тогда я бы не сомневался, что теперь Кальвера может заказывать себе место на нашем кладбище.

ИСКУССТВО БЛАГОЧЕСТИВОЙ БЕСЕДЫ

Банда Кальверы возвращалась в родные горы после изнурительных и не слишком удачных переходов по югу Техаса. Всем хотелось поскорее добраться до деревни, пополнить запасы еды и текилы и углубиться под спасительный лесной кров. Особенно тяжело дались последние семьдесят миль по безводному плоскогорью.

Угнанные быки и мулы, словно оковы на ногах, замедляли движение по пустыне, где каждый лишний час под палящим солнцем мог оказаться часом смерти. И только огромный опыт Кальверы позволил пересечь плоскогорье, не потеряв добычи.

У последней реки он дал лошадям, быкам и мулам напиться вволю. В путь тронулись под вечер и шли всю ночь до рассвета. Ночью в пустыне заблудиться труднее, чем днем. Что видит путник при солнечном свете? Перед его взглядом ровная однообразная прерия, раскинувшаяся во все стороны – ни кустика, ни рытвины, никаких примет, чтобы проложить путь. Ночью на помощь путешественнику приходят звезды. Они указывают путь лучше

всяких проводников. К тому же ночная прохлада позволяет долго сохранять силы.

На рассвете Кальвера останавливал стадо на пару часов, чтобы скотина паслась на росистой траве. Потом снова двигались под лучами восходящего солнца, пока оно не начинало припекать затылок. В полдень Кальвера давал приказ остановиться, как бы ни подстегивало его нетерпение. И долгие часы стадо стояло на месте, пережидая дневную жару. Люди могли напиться из своих фляг и подремать в тени стоящих лошадей. Ближе к вечеру снова трогались в путь и шли всю ночь, чтобы наутро спуститься в долину к долгожданной реке.

Оставив скотину на ранчо, Кальвера отправился в лагерь в горах. Как обычно, по дороге заглянул в гости к драгоценному другу Сотеро.

Приближаясь к деревне, бандиты встретили у дороги пастушка, и он долго махал им вслед шляпой.

Хмуρο глянув на мальчишку, Хосе Игнасио Кальвера нисколько не удивился такой необычной приветливости. Но если бы он поднял голову и огляделся, мог бы заметить, что на вершине скалы появилась маленькая фигурка. Почти невидимый отсюда малыш помахал пастушку в ответ и убежал, чтобы, в свою очередь, тут же начать размахивать своей шляпой на другом конце скалы.

Это действовала система оповещения, разработанная Винном. Деревенские мальчишки были счастливы, что им доверили такое ответственное поручение, и ревностно отнеслись к своим обязанностям. Так что к тому времени, когда Кальвера въехал в деревню, для его встречи все было готово. Женщины и скот укрыты в запертых сараях, мужчины, которым доверили оружие и несколько патронов, затаились на боевых позициях, а на пустой площади виднелась лишь одинокая фигура Криса.

Чуть поодаль, под навесом лавки стоял Винн, а на веранде за столом сидел Брик, как обычно, сонно надвинув шляпу на глаза.

Крис стоял, заложив большие пальцы за ремень, и безмятежно улыбался.

Кальвера, остановив лошадь в десятке шагов от Криса, не стал улыбаться в ответ. Взгляд его скользнул по распахнутой кобуре Криса, по фигурам Винна и Брика, по необычно пустым улицам деревни, источающим затаенную угрозу... Напряженная работа мысли на несколько мгновений исказила обычно самодовольное лицо главаря бандитов.

Хосе Игнасио Кальвера считал себя проницательным человеком. Для него не имели значения титулы и чины: видал он и графов с баронами, которые ползали в пыли, целуя его сапоги, видал и губернатора, которого солдаты вели на расстрел.

Человека он оценивал не по словам и бумагам, а по делам и по одежде. Он и сам старался одеваться так, чтобы его уважал и самый последний подонок, и самый отъявленный щеголь. Его походный жилет из тонкой красной кожи был украшен серебряным шитьем. В седельных сумках хранилась дюжина тончайших шелковых сорочек, и он в любой момент, после перехода по пыльным раскаленным дорогам, мог предстать перед собеседником, не опасаясь за чистоту своего воротника. О сапогах и шпорах, об изысканной шляпе и говорить нечего.

И вот сейчас дон Хосе Игнасио де Рибейра Кальвера встретил на своем пути человека, который опрокинул все его представления о себе.

Во взгляде незнакомца не было насмешки, но не было и уважения. Он просто не замечал, что одежда дон Хосе-и-так-далее стоит раз в десять дороже, чем его одежда. Его черная рубашка была жесткой от въевшейся пыли, шляпа с загнутыми полями выгорела сверху и лоснилась по краям полей. Остроносые сапоги были покрыты коркой спекшейся пыли. На пальцах его не было ни одного перстня, но Кальвера готов был сам купить этому незнакомцу и перстни, и шляпу, и дюжину сорочек, лишь бы он перестал так смотреть на него.

Если бы дон Хосе-и-так-далее умел формулировать свои ощущения, он мог бы сказать, что незнакомец смотрел на него не как на дон Хосе, а как на мишень в тире.

Но Кальвера не умел формулировать свои мысли, потому что мыслей никаких и не

было. А был только безотчетный страх, которого он тут же устыдился.

– Так вот оно что, – произнес он наконец и предупреждающе поднял руку, чтобы его люди не горячились и не наделали глупостей. Кальвера прекрасно понимал, что эти трое не вышли бы на площадь без надежного прикрытия и сейчас его держат на мушке сразу несколько опытных стрелков. – Вот, значит, почему не вернулись мои люди... Эти нищие крестьяне наняли благородных защитников. Ну и сколько же наемников они смогли пригласить?

– Ровно столько, сколько нужно, – ответил Крис.

Кальвера огляделся.

– Заборов понастроили, – насмешливо отметил он.

– Мы не теряли время, – сказал Крис.

– Заборы, заборы... Ну и что? Все равно я вошел в деревню!

– А ты подумал, как будешь выходить? – спросил Крис.

Он заметил, что Кальвера делает какие-то знаки опущенной рукой. И, видимо, подчиняясь этим знакам, от кавалькады отделялись группы всадников и медленно разъезжались в стороны, охватывая площадь кольцом.

Не оглядываясь, Крис почувствовал, как за его спиной развернулся Винн, чтобы встать лицом к появившейся перед ним тройке всадников.

И Брик встал, наконец, из-за стола, как только со стороны веранды показались четверо на лошадях.

Кальвера громко воскликнул, словно стараясь отвлечь внимание Криса и его команды от перемещений своих людей:

– Вы только подумайте! Нет, Сантос, ты слышал? Как мы будем выходить! Нас окружили, Сантос! Мы попали в ловушку, нам конец! И кто же нас окружил? Целых трое гринго! Может быть, даже четверо. Нет, на четверых у наших нищих крестьян не хватило бы денег.

– Если брать оптом, дешевле выйдет, – лучезарно улыбаясь, посоветовал Гарри, выйдя из-за угла часовни. И еще трое всадников развернулись в его сторону.

Кальвера засмеялся громким театральным смехом:

– Да хоть четверо, хоть пятеро, с вами не придется долго возиться.

– Возиться не придется совсем, – спокойно сказал Крис. – Ты просто соберешь своих людей в кучу и уедешь.

Кальвера трагически поднял брови:

– Я уеду? Хорошо, гринго. Я обязательно уеду. Но, может быть, ты все же позволишь мне захватить с собой немного зерна, чтобы накормить своих людей?

– Сам научись выращивать зерно! – раздался гневный срывающийся голос Чико.

– Или мы научим тебя платить за него, – добавил с крыши суровый голос О'Райли.

Бандиты растерянно вертели головами во все стороны. Теперь даже самому тупому из них стало понятно, что трое отчаянных смельчаков на площади стоят под прикрытием своих товарищей. И товарищи эти держат бандитов под прицелом, и пальцы их лежат на спусковых крючках. Так что даже самые тупые и самые вспыльчивые бандиты старались не делать резких движений и осаживали своих коней. Никому не хотелось стать первым, в кого вопьются пули пришлых стрелков.

Кальвера сделал еще пару осторожных жестов, и с трех сторон его окружили телохранители. Теперь только Крис представлял для него опасность, и Кальвера чуть развернул коня, чтобы прикрыться его длинной шеей. Но конь, как назло, не чувствовал беды, грозящей хозяину, и тянул голову вниз, подбирая губами соломинки под копытами.

– Ого, – громко и насмешливо сказал Кальвера. – Целых шесть гринго? Да пусть хоть семеро. Все равно. Думаю, ваши советы мне не подходят.

– Мы здесь не для того, чтобы давать тебе советы, – сказал Крис.

– Тогда что еще вы можете предложить?

– Могу предложить десять грамм свинца, – сказал Винн, сдвигая пятнистую шляпу на

лоб.

– Спасибо, – Кальвера ощерился в ехидной улыбке. – У меня есть свои. И немало.

– Да? – Винн был разочарован. – Похоже, на этом рынке мы конкуренты?

– Необязательно, – сказал Кальвера, обращаясь к Винну, словно оценив его способность к конструктивному диалогу. – Мы могли бы стать партнерами. Я вижу, вы деловые люди, такие же, как и я. Предлагаю разделить все пополам. Всю деревню. Не сомневайтесь, будем делить честно. Все. поделим, до последнего зернышка. Половина вам, половина нам. Идет?

– Пока не поздно, уезжай, – коротко ответил ему Крис.

Кальвера откинулся в седле и возмущенно обернулся к телохранителю:

– Нет, ты только подумай, Сантос! Оказывается вместо того, чтобы отдохнуть и набраться сил, мы должны развернуться и уехать обратно в горы! А может быть, пусть лучше эти чванливые гринго уберутся отсюда, а? Кто их сюда звал? Ты звал, Сантос? Нет? Я тоже не звал. Может быть, это мой драгоценный друг Сотеро позвал их сюда? Но я не вижу своего друга Сотеро.

– И не увидишь, – сказал Крис.

– Почему?

– Потому что сейчас ты уедешь отсюда. Снимай оружие, бросай его на землю и уезжай, – сказал Крис и сдвинул пальцы к пряжке пояса.

Это означало, что разговор закончен. Нет более страшного вызова в этих краях, чем предложить мужчине снять с себя оружие. На такие слова отвечают только стрельбой, и Крис был готов к такому ответу.

Готов был и Кальвера. Его люди зажали этих гринго в кольцо, сам он был надежно прикрыт со всех сторон... Пора кончать с разговорами.

Кальвера оглядел своих людей и заговорил, подмигивая им:

– Вот к чему приводит мягкосердечие. Я был слишком добрым к этим подлым крестьянам. Надо было забирать у них все, до последней крошки. Излишки дурно действуют на людей. Они тратят свои накопления на недобрые дела. Наняли каких-то бандитов. Какая неблагодарность...

Если бы он попытался сейчас записать свою речь на бумаге, в этом месте наверняка поставил бы восклицательный знак. Но он не умел писать, да и не собирался, так что заменой восклицательному знаку послужил выстрел из револьвера. И Кальвера поднял коня на дыбы, чтобы прикрыться им, выхватил кольт и принялся палить в сторону ненавистного наглого гринго.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Ли Броуди недаром так долго подбирал себе подходящую позицию для боя. Никто не видел, как он пробрался на самую верхушку деревянной вышки и залег там. Но он видел отсюда все. Внизу, на пустой площади, стоял Крис перед гурьбой всадников. Его слова отчетливо звучали в раскаленном воздухе, и когда он приказал бандитам бросить оружие, эти слова были адресованы не только бандитам. Это был сигнал «К бою!» для всех, кто собирался драться.

Первым на этот сигнал отреагировал Винн. Перед ним стояли трое всадников. Он не стал ждать, когда они достанут оружие. Здесь не место и не время для приличий, обязательных для честного поединка. Мы и не обещали, что поединок будет честным, сказал револьвер Винна, выбивая из седла одного за другим двух бандитов.

Третьим выстрелом Винн успел ранить коня. Конь взвился, и всадник промазал, хотя бил по Винну с трех шагов. Винн, однако, не собирался стоять с геройским видом, презрительно глядя в лицо смерти. Он юркнул влево, вправо, припал к земле и тут же подпрыгнул, а потом перемахнул через дощатую ограду веранды и спрятался за ней. Бандиты яростно палили ему вслед. Пули взбивали фонтаны пыли у него под ногами, с

треском выбили щепки из досок веранды, со звоном сбили на пол чашку весов, а потом и сами весы. Но как только град пуль на секунду ослаб, Винн вынырнул на другом конце веранды, уже с винчестером в руках, и выстрелил трижды. Еще один бандит рухнул в пыль, сверзившись с коня. Новый град пуль забарабанил по веранде, но Винна уже не было видно.

В это время Крис тоже не стоял на месте. Непрерывно двигаясь и с неожиданной гибкостью уклоняясь от пуль, он отстреливался от Кальверы и его телохранителей. Бандиты закрыли своего главаря и поплатились за это жизнями. Крис пятился, стреляя на ходу, пока не наткнулся спиной на низкую – по пояс – баррикаду и упал за нее. Кальвера торжествующе завопил, но в следующий миг он увидел, что Крис жив, и хуже того, еще и целится в него из винчестера. Кальвера снова поднял коня на дыбы, развернулся и пустился вскачь с площади.

Со своей башни Ли Броуди видел, что О'Райли с крыши, стоя на одном колене, бьет из ружья по всадникам, в бешеной скачке кружившим по площади, и почти после каждого выстрела кто-нибудь из бандитов валился с коня.

Видел он и то, как Брик, стоя за опрокинутым столом, плавно и неспешно водит револьвером из стороны в сторону, и ствол его рывкает нечасто, но убедительно. Брик не пригибался, не уклонялся. Он стоял, вытянувшись на своих длинных ногах, чуть откинувшись, и держал револьвер у пояса, поворачиваясь всем телом, когда прицеливался. Казалось невероятным, что вражеские пули проносятся мимо, не задевая его. У него за спиной взрывались пустые бутылки и подскакивали медные кастрюли, наполовину оторванная створка окна раскачивалась под ударами пуль, словно от ветра. Но Брик стоял прямо и спокойно, оставаясь невредимым. Видно, он был слишком худым, слишком узкой мишенью для своих противников. А вот им некуда было спрятаться от его беспощадно метких выстрелов.

Ли Броуди еще успел увидеть, как Гарри Флетчер, стоя посреди улицы, расстрелял из винчестера двоих всадников, налетевших на него, и они свалились к его ногам, а кони едва не снесли его и промчались мимо, закрыв неподвижную фигуру Гарри клубами пыли. Но тут банда, обезумев от ярости, принялась палить во все стороны и метаться по деревне, как стадо напутанных бычков. Рыжая густая пыль смешалась с пороховым дымом, шальные пули барабанили по закрытым дверям и ставням, щелкали по деревянной вышке, и Ли Броуди вжался в свой безопасный угол и закрыл лицо потными ладонями...

Вот и началось то, к чему вел Крис. Противник принял его условия боя. Всадники метались по деревне и палили из ружей и револьверов, но для обороняющихся их огонь был безопасен: бандиты не могли толком прицелиться, трясясь и подпрыгивая в седлах. Стоя за приготовленными укрытиями, защитники деревни выбивали бандитов одного за другим, как в тире с бегущими мишенями.

Кальвера, видимо, понял, что сегодня не самый удачный его день, и поскакал прочь. Банда еще покружила по деревне, оставляя за собой убитых. Мирная, безобидная деревушка вдруг превратилась в кровавую западню. Из-за каждого угла, из-за каждого забора грозила смерть. И убежать от нее было непросто. Коня вдруг натыкали на баррикады поперек улицы и взбрыкивали, сбрасывая седоков. Кто-то застрял в сетке, кто-то свалился в канаву. А кому-то пришлось испытать и удар крестьянского мачете из-за угла... Наконец Кальвера погнал своего коня прямо через кладбище, и бандиты унеслись за ним, перелетев через каменную ограду.

Слушая, как затихает бой, Ли Броуди спустился со своей вышки. Никто его не заметил, и он вышел на площадь одновременно с Крисом.

– Помоги Винну, – сказал ему Крис. – Он боится оставить подранков.

СМЕРТЬ ПОСЛЕ БОЯ

Под навесом лавки Сотеро – пир победителей. Люди в белом никак не могут успокоиться после боя. Кислый запах пороха опьяняет сильнее, чем текила, особенно когда смешивается с тяжелым запахом крови. Вражеской крови.

Крис, проходя мимо лавки, невольно рассмеялся, услышав рассказы о воинских подвигах крестьян. Кто-то из них на самом деле принимал участие в бою. Крис сам видел, как Рохас ссадил бандита из винчестера. Мигель тоже действовал толково, перебегая от прикрития к прикритию вслед за Чико. Те, кто дежурили у сетки, подняли ее вовремя, остановив банду. Пока всадники, сталкиваясь друг с другом, разворачивали разгоряченных лошадей, О'Райли успел подстрелить с крыши нескольких из них.

Пара пожилых крестьян запомнилась Крису тем, как они голыми руками душили бандита, придавленного упавшим конем. Но всех этих гвардейцев не было в лавке Сотеро, потому что Гарри расставил их в дозоры, как людей проверенных. Здесь, под навесом, пировали другие герои, другие победители. Пока они победили только собственный страх.

Как только в деревне затихла стрельба и последний всадник скрылся за стеной пыли, уносясь к спасительным скалам, на площадь вышел Рохас. Он держал в руках свой винчестер, крепко прижимая его к груди, словно ребенка, и изумленно оглядывался по сторонам.

Вокруг него лежали в пыли окровавленные тела тех, кто еще недавно с презрительным спокойствием въезжал в его деревню и по-хозяйски вытаскивал из тайников припрятанные мешки с мукой. Сегодня вместо муки им достался свинец. И этим свинцом накормил их он, Рохас.

Доброе круглое лицо фермера светилось радостью, словно он любовался урожаем.

Из своих укрытий на площадь осторожно выходили его односельчане. Робко приближались они к трупам бандитов, не решаясь прикоснуться к ним. Даже мертвые грабители наводили ужас на жителей деревни.

Преодолевая страх и отвращение, крестьяне стаскивали с убитых патронные ленты, пояса и сапоги. Осмелев, они уже не брезговали и одеждой. Потом, перевалив раздетый труп на кусок холста, они вшестером уносили его в сторону кладбища. Трофеи пока не растаскивали. Их складывали в кучу перед лавкой Сотеро, чтобы потом разделить по справедливости.

Справедливость каждый понимает по-своему. И крестьянское понимание отличается от понимания лавочника. Чтобы как-то сгладить эти различия и достичь торжества справедливости, не нарушая при этом ничьих интересов, Сотеро выставил огромный кувшин текилы из своих подвалов.

И пока победители, дивясь неслыханной щедрости лавочника, радостно опустошали кувшин, Сотеро аккуратно рассортировал трофеи, отобрав то, что крестьянам наверняка не понадобится. А потом, вполне удовлетворенный результатами сортировки, присоединился к пирующим.

Могучее, освежающее и бодрящее действие текилы на человеческую память хорошо известно еще с древних времен. Каждому из жителей деревни было что вспомнить за праздничным столом, причем независимо от того, где он находился во время боя. Скоро выяснилось, что в этом величайшем сражении не принимал участие только дон Аугусто Алавес, царство ему небесное.

– Тебе-то что, ты дома сидел, – бил себя кулаками в грудь один человек в белом, обращаясь к другому. – А на меня они налетели прямо на улице! Вдесятером на одного!

– Ты же только что говорил, что их пятеро было? – напомнили ему с другого конца стола под одобрительный хохот компании.

– Быстро же они у тебя плодятся, прямо кролики какие-то!

– Ну, сделай скидку, зачем же сразу десять, сойдемся на восьми!

– Да какая разница? Главное, что мы им врезали как следует! Будут знать! Пускай только попробуют сунуться, с грязью смешаем!

Лавочник Сотеро ликовал вместе со всеми, и у него были для этого веские причины. Он уже поставил в свою конюшню шесть лошадей. Не забыл он и вытряхнуть кошельки их покойных хозяев. Освободительная война начинала приносить ему весьма ощутимый доход, даже с учетом разбитой посуды и выпитой текилы. Он заметил Крису и торжественно

провозгласил:

– Друзья! Внимание, амигос! У меня тост! Я хочу выпить за наших освободителей!

– Сеньор Крис! Сеньор Крис, просим вас выпить с нами! – люди в белом восторженно поднимали свои глиняные кружки. – За вас и ваших людей!

Сотеро протянул Крису кружку с текилой и прочувствование сказал:

– Друзья! Сеньор Крис и его люди, вот кто настоящие герои. Они пришли к нам в трудную минуту. Они дали нам оружие. И они сражались рядом с нами так, словно здесь их родной дом! Пусть же их обратный путь будет легким и счастливым! А мы никогда их не забудем.

– Никогда! Вива!

– В добрый путь, амигос! – с пафосом провозгласил Сотеро.

Торжественный момент внезапно был испорчен звоном разбитой посуды. Осколки кувшина разлетелись во все стороны, и в повисшей тишине грохнул далекий выстрел.

Доблестные герои застыли с кружками в руках. Второй выстрел сбил со стола миску.

Крестьяне попадали на пол, прикрывая голову руками, и Сотеро, скорчившись под прилавком, пробормотал:

– Неужели все сначала?

С улицы донесся женский крик:

– Убили! Убили! Роситу убили, девочку мою!

Крис осторожно выглянул в окно. У фонтана на опустевшей площади лежала на земле, раскинув тонкие руки, девчушка в длинной зеленой юбке и белой блузке, на которой расплывалось красное пятно. Рядом стояла на коленях, закрыв лицо ладонями и раскачиваясь, женщина в темном платье.

Что-то громко щелкнуло, и от сухого дерева за фонтаном отлетела щепка. Раскатистый звук далекого выстрела донесся чуть позже.

Крис оглянулся. На полу комнаты лежали люди в белом, прикрывая головы красными натруженными руками. В дверном проеме было видно, что и на веранде залегли те, кто только что так бурно веселился.

Женщина у фонтана продолжала причитать, раскачиваясь над телом убитой. Крис дождался еще одного выстрела, который высек сноп известковой крошки из бортика фонтана, и выбежал на площадь.

Пригибаясь, он подбежал к женщине, обхватил ее под мышками и, не говоря ни слова, поволок ее за угол ближайшего дома. Она не сопротивлялась, всхлипывая и вытирая мокрое лицо концами шали. Ее ноги безвольно вытянулись и оставляли в пыли две полосы, сандалии слетели с ног и остались на площади.

Крис осторожно усадил ее на землю за углом в тот самый момент, когда новая пуля гулко шлепнула по глинобитной стенке.

– Моя Росита... там... – проговорила женщина, поднимая к нему свое темное блестящее от слез лицо.

– Туда нельзя, – сказал Крис. – Пока нельзя.

– Лучше бы мы оставались в лесу, – сказала женщина. – Моя девочка...

Она сказала это без укора, но Крису больно было слышать ее слова. Женщин и детей нельзя было оставлять в лесу. Бандиты после боя на площади могли бы их там найти, и тогда... Но что он мог сказать женщине, которая только что потеряла девочку из-за того, что не осталась в лесу?

Крис выпрямился и вышел на площадь. Он Шел к лежащему в пыли ребенку, глядя прямо на далекий зеленый лесистый склон горы, выше которого стояла серо-бурая стена безжизненных скал.

Невидимый стрелок засел где-то там, в лесу. Сейчас он наверняка видел оттуда одинокую черную фигуру на площади. Почему же не стреляет? Наверно, слишком тщательно целится, понял Крис. На таком расстоянии попасть можно только случайно. И одной случайной смерти на сегодня хватит.

Сразу две пули ударились о бортик фонтана и с визгом отскочили, вертясь в пыли.

Крис опустился на колено, бережно поднял безвольно обмякшее тело и отнес его за угол, к матери.

– Спасибо, сеньор, – прошептала несчастная женщина. Лицо ее было уже сухим, и она не причитала больше. Изогнутым гребнем принялась она вычесывать запылившиеся волосы девочки.

– Никуда не выходите отсюда, – попросил ее Крис. – Сейчас мы с ними разберемся, вы только никуда отсюда не выходите.

– Нам некуда больше идти, – устало и опустошенно ответила женщина.

ВИНСЕНТ КРОКЕТ, ФИЛОСОФ ОТ КАВАЛЕРИИ

Никто из нас не рассчитывал на легкую победу. Но в глубине души все же теплилась надежда, что мы покончим с бандой за один день. Не получилось. Противник оказался гораздо серьезнее, чем мы думали.

Кальвера смог вывести из засады почти всю свою компанию. Я насчитал всего лишь одиннадцать трупов, хотя огонь был плотный и прицельный. Возможно, кони унесли раненых. Возможно, кто-то из раненых бандитов не доживет до утра. Но это – не в счет. В счет идут только снятые скальпы.

Одиннадцать убитых – это очень много для первого боя. И это очень мало для двенадцати стрелков. Нашим, пускай и частичным, оправданием могло быть только то, что бандиты скакали по деревне, как угорелые. Попробуй, ссади такого всадника.

Итак, минус одиннадцать. Оставшиеся в живых представляли сейчас гораздо более серьезную угрозу, чем раньше. Если, конечно, они решат драться.

Чтобы отважиться на новый бой, нужны серьезные причины, а их не так и много. Например, месть за погибших родственников такой причиной не считается. О них можно со временем сложить песню или легенду, но совершенно не обязательно идти в бой, чтобы поскорее соединиться на небесах.

Серьезной причиной для нового боя может быть тщеславие вождя. Если Кальвера дурак, то за свой авторитет среди подчиненных он будет биться до последнего.

Для выработки решения бандитам нужно время, поэтому я был уверен, что до завтрашнего утра мы можем отдыхать. Единственное, чего я опасался, так это беспокоящего огня со стороны отступившего противника. Так оно и вышло.

Услышав выстрелы, все мы собрались на краю площади, укрывшись за церковной оградой. Все мы – это Крис, Брик, я и Рохас. Чико и О'Райли плюхнулись в пыль у колокольной.

Гарри остался со своими гвардейцами в дозоре. Мистера Ли Броуди почему-то не было видно. Наверно, он задержался в комнате, чтобы втайне от нас перебинтоваться. Он был слишком бледен после боя. Я только теперь догадался, что его, наверно, зацепила шальная пуля, но он не подавал виду. Завидное самообладание. Впрочем, эта черта свойственна многим карточным игрокам.

– Где Ли? – спросил Крис.

Никто ему не ответил. Точного ответа мы не знали, а высказывать мнения и предположения не хотели. Мы напряженно всматривались в ту сторону, откуда раздались выстрелы. А стреляли со склона горы, сквозь густую зелень высокого кустарника.

– Кто-нибудь засек вспышки? – спросил Крис.

И снова никто не ответил.

– Мне показалось, их там двое, – сказал Крис.

– Трое, – сказал Брик.

– Подождем нового выстрела, – сказал я. – Что-то блеснуло вон там, под парой отдельных тополей.

– Это не тополя, а кипарисы, – сказал О'Райли из-за колокольной.

Чико выскочил на площадь и, сгорбившись, метнулся к каменной арке. Со стороны склона ударил выстрел, и на площади взвился фонтанчик пыли. Чико перебежал к другой опоре арки и прижался к ней, и мы слышали второй выстрел, и от арки отлетел кусок известняка.

– Засек я одного, – раздался голос О'Райли.

– Чико! Хватит мелькать, добегаешься! – крикнул я как можно строже.

Но мой предостерегающий окрик, похоже, только подзадорил Малыша, и он встал в проеме арки, приплясывая на месте. Танец его длился ровно две секунды, на счет «три» он уже скрылся за каменной оградой, потеряв по дороге шляпу, сбитую третьим выстрелом.

– Трое, – сказал Брик.

– Да, трое, – согласился Крис. – Чико! Все, хватит! Замри, мы их засекли.

Чико, скрючившись в три погибели за невысоким заборчиком, со счастливой улыбкой подтянул к себе шляпу и просунул палец в дырку от пули.

– Они лежат под деревьями, вон там, над обрывом, – сказал О'Райли. – Отсюда к ним не подобрешься, мы на виду.

– Ты сможешь их отвлечь выстрелами? Бей наугад, только сам не высывайся, – сказал Крис. – Попробуем их отрезать от скал и окружить. Брик, постарайся хоть одного взять живым.

– Они застрелили девочку, – напомнил Брик.

– Мне надо знать их планы. Ты все же постарайся.

– Не обещаю, – сказал Брик.

– Чико! – скомандовал Крис. – Прикроешь нас с тыла! Винн, Рохас, идете справа, через кладбище. Мы с Бриком будем слева. О'Райли прикрывает. Готовы? Пошли!

О'Райли принялся палить из винчестера в сторону склона, и мы разбежались в разные стороны.

Рохас, сопя и присвистывая, как старый мерин, тяжело трусил за мной. Когда я залег, чтобы переползая между могил, он тоже с грохотом рухнул на землю, застонал и сквозь зубы выругался.

– Ты ранен? – спросил я, не оглядываясь.

– Ничего страшного, – мужественно ответил он, и я понял, что он прикусил язык.

Пока все складывается на редкость удачно, подумал я. Когда крадешься к противнику, лучше иметь молчаливого партнера.

Сзади хлестнули еще два выстрела ирландца, и из леса ему ответил грохот солидной винтовки. Не хотел бы я получить пулю из армейского «маузера».

Кальвера не доверил бы серьезное оружие кому попало. Нам придется захватить, причем живым, опытного противника. Лучше всего было бы для начала найти его лошадь и подождать поблизости. Рано или поздно снайпер соберется возвращаться в лагерь, тут-то мы его и перехватим.

Мы доползли до края кладбища, до старых осевших могил, уже почти неразличимых под густой травой. Раздвигая руками упругие ветви кустарника, я протиснулся вперед и оказался в сухом русле ручья, который когда-то тек со склона горы. Я решил двигаться вверх по его песчаному руслу. Так мы наверняка приблизимся к позициям стрелков, хоть и не настолько быстро, как хотелось бы.

Время от времени мы слышали выстрелы. Сухой щелчок винчестера О'Райли, и в ответ ему два-три раскатыстых удара чужих винтовок. По звуку можно было предположить, что это два «маузера» и один «спенсер» пятьдесят шестого калибра, излюбленное оружие охотников на бизонов. Радовало то, что, пока мы ползли, выстрелы противника становились все ближе. Наконец я понял, что мы зашли бандитам во фланг.

– Все, Рохас, теперь сиди тихо и смотри по сторонам. Прикрой свою шляпу ветками, вот так. И не шевелись.

– А говорить можно? – прошептал он.

Слева ударил выстрел «маузера». До стрелка было метров триста, и это был

ближайший к нам стрелок. Как ни вглядывался, я не мог различить на фоне густой листвы ни вспышки выстрела, ни порохового дыма.

– Говорить? Если не можешь терпеть, говори, – сказал я. – Только не своди глаз вон с той линии кустов над обрывом. Удобная позиция.

Пожалуй, на месте снайпера я бы выбрал именно эти кусты. Сразу за ними поднимались плотной стеной высокие деревья, и над ними кружила какая-то птица. Кружила, но не садилась. Значит, что-то ее отпугивало. Мне очень хотелось, чтобы Брик с Крисом тоже заметили птицу.

– Может, выстрелить по тем кустам? Винчестер достанет до них? – Рохас приложился к винтовке.

– Ты уж лучше говори, – сказал я, опуская его ствол книзу. – Стрелять не надо. Пусть он сам себя проявит, если он там.

– И долго нам ждать?

– Солнце начало опускаться, – сказал я. – Через пару часов оно будет у нас за спиной. И начнет просвечивать сквозь деревья и кусты. В косых лучах любое движение в лесу становится более заметным. Отблески, тень, понимаешь? Они же не каменные, им надо будет уходить в лагерь. И мы их увидим. Надо только подождать немного. Война вообще на три четверти состоит из ожидания.

– Это я понимаю, – сказал Рохас. – Ты воевал?

– Трудно сказать. Воевал мой дед, воевал отец. Мне довелось только немного поохотиться. И на меня охотились. Трудно назвать это войной.

– А с кем воевали твои родичи? – спросил Рохас. – С мексиканцами, наверно?

– Никогда, – отрезал я. – Мы воевали против юнионистов⁹. Слышал что-нибудь про нашу Конфедерацию? ¹⁰ Про Гражданскую войну? Даже о Реконструкции ¹¹ ничего не слышал? Ладно, и хорошо, что не слышал. Надеюсь, ты в своей Мексике никогда не узнаешь, что такое гражданская война.

– А за что вы воевали? – не отставал Рохас. – Они хотели отнять вашу землю? Или забирали ваш урожай?

– Они хотели, чтобы мы жили так, как им хотелось. А мы хотели жить по-своему, – сказал я. – Да кто они такие, чтобы нас учить? Мы выращиваем табак, хлеб, хлопок, разводим скот. А они? Они выращивают доллары. Купи-продай, да проценты с долгов, вот и все, на что способны эти северяне. Да мы никогда не станем жить по их законам, Рохас, никогда.

– То есть вы воевали просто за свободу?

– Ну да, – сказал я, слегка обалдев от его сообразительности. – Можно и так сказать. Просто за свободу.

– И кто победил?

– Трудно сказать. Война-то еще не закончилась. Наверно, и не закончится никогда. Но... Пока счет в их пользу, Рохас, – пришлось признаться мне.

– Их солдаты были лучше, чем ваши?

– Нет, судя по рассказам отца. Не в солдатах дело. Как бы тебе объяснить? Ну, например, пока наши солдаты бились на фронте с их солдатами, они послали свою кавалерию в наши тылы, в Джорджию, где не было солдат, и кавалеристы генерала Шермана жгли наши дома, вытапывали поля, ломали мосты. Как тут сравнишь, чьи солдаты лучше? Потом они ушли, оставив неграм оружие, и те уже сами начали доламывать то, что осталось

⁹ Юнионисты – войска северян в Гражданской войне 1861—1865 гг.

¹⁰ Конфедерация – объединение южных штатов.

¹¹ Реконструкция – реформы северян в южных штатах после войны.

после Шермана.

– Этот Шерман прямо как наш Кальвера.

– Примерно так, – усмехнулся я. – После войны эти негры еще много крови попортили и Шерману, и всем остальным. Дать-то оружие легко, а вот забрать...

– После войны? Значит, Шерман победил?

– Я же говорю, пока счет в их пользу. Они богатые, а мы бедные. А доллар – сильная штука. Они все покупают. Все. Вопрос цены.

– Почему тогда они не купят тебя?

– Пытались. Не получилось, – сказал я. – Нельзя купить дикого зверя, понимаешь? Нельзя купить лес, реку, небо. Вот мои братья шайены это понимают лучше всех этих северных мудрецов.

До нас донесся далекий хлопок револьверного выстрела. Лежа на земле, трудно определить направление звука, но мне показалось, что стреляли на том фланге, где сейчас должны были находиться Крис с Бриком.

Мы сидели между двух сросшихся кустов. Рохас в своей белой рубахе был прикрыт высоким валуном. Я перевернул шейный платок и поднял его до переносицы, чтобы лицо не маячило белым пятном среди веток и листьев. Моя ладонь плотно прижималась к земле. Если кто-то побежит, я почувствую его шаги. Что-то говорило мне, что это будут шаги Криса. На пару с Бриком они не дадут убежать этим троим стрелкам. Нет, вношу поправку, уже двоим. По крайней мере, судя по выстрелу, один из них свое отбегал.

Рохас молчал, нервно поглаживая свой винчестер. Я заметил, что на ложе остаются темные мокрые следы от его ладоней. Он перехватил мой взгляд и смущенно спросил:

– У тебя перед боем руки потеют?

– У всех потеют, – ответил я шепотом и приложил палец к губам.

– А я думал, что заболел, – прошептал Рохас в ответ. – В горле пересохло, а руки мокрые.

– Все нормально, – сказал я. – Давай помолчим. Слушай и молчи.

– Нет, не все нормально, – сказал он, будто не слыша меня. – Если у человека сухо во рту, значит, он боится. Это страх, Винн. Мне просто страшно, и все.

– Всем страшно, – сказал я, чтобы успокоить его. – Только трусы не знают страха...

Мне очень не нравилось, что он напряженно смотрит в одну точку, и эта точка была где-то у него внутри. Мне бы хотелось сейчас иметь зрячего напарника. Я говорил тихо, но убедительно, и взгляд его постепенно становился более осмысленным.

Неужели это выстрел так на него подействовал? Наверно, сегодня бедняге Рохасу пришлось пережить слишком много. А день еще не кончился...

– Только трусы не знают страха, – сказал я ему. – Потому что убегают от него, только почуяв его запах. А нормальный человек идет навстречу страху, перешагивает через него, отталкивает его. И делает свое дело, пусть даже страх держит его по рукам и ногам. Человек сильнее своего страха. Иначе воевать было бы слишком легко. Показал нож, и враги разбежались. Красота...

– Не надо меня успокаивать, – сказал Рохас, высываясь из-за камня и оглядываясь.

– А я не успокаиваю, – сказал я. – Просто объясняю. Мне хочется, чтобы ты ни о чем не жалел. Мне показалось, твои земляки уже жалеют, что начали эту войну.

– Я не жалею, – сказал Рохас. – Знаешь, почему? Потому что я видел, как Кальвера убегает от нас. Это такое чувство... Теперь можно умирать, понимаешь?

– Не торопись.

– Ты когда-нибудь чувствовал такое?

– Очень давно, – сказал я. – Завидую тебе.

И вдруг я увидел, что прямо перед нами, шагах в тридцати, качнулись верхние ветки кустарника. Еще раз, уже ближе. И еще...

Я не успел предупредить Рохаса. Наверно, он все увидел и понял это раньше меня. Он вскочил на ноги, приложился к винчестеру и выстрелил в сторону кустов. Шагнул вперед, на

ходу лязгая рычагом затвора, и выстрелил снова и снова. В кустах прозвучал стон агонии, и, с треском подламывая ветки, повалилось человеческое тело.

Я похолодел от мысли, что там мог быть кто-то из наших. А Рохас торжествующе повернулся ко мне, вздымая винтовку над головой.

– Ложись, – прошипел я, дергая его за белую рубаху.

– Я убил его! – гордо сказал Рохас и ударил себя в грудь. – Я видел его сомбреро и стреляя ниже, как ты учил!

Едва я успел пригнуть его к себе, как из кустов грохнули выстрелы, и пуля срезала ветку над моей головой. Рохас повалился на меня, но я успел выхватить свой шестизарядник. И когда из кустов показалась незнакомая бородатая физиономия, я, лежа под Рохасом, разрядил в нее весь барабан. Листья и срубленные ветки разлетались во все стороны вместе с кусками одежды и брызгами крови.

Этот снайпер был ценным солдатом. Он перехитрил Рохаса, притворившись, что получил от него пулю. И мог бы выиграть. Если бы знал, что нас тут двое и второй умеет стрелять из любого положения.

В наступившей тишине вдруг раздался скрипучий голос Брика:

– Обидно. Он шел ко мне в руки.

БРИК СЛЕДОПЫТ

Брик с самого начала знал, где сидит один из стрелков, но никому не сказал об этом, даже Крису. Потому что его никто не спрашивал. И потому что ему было бы сущим мучением объяснять, откуда он это знает. Да и не смог бы он это объяснить.

Брик и сам-то не понимал, как это у него получается. Но он всегда видел то, чего не видели другие. Даже среди ковбоев, немало поездивших по западным землям, Брик считался самым удачливым следопытом.

Однажды ему довелось преследовать конокрадов, которые увели с ранчо Баркера два десятка породистых племенных кобыл. Такое количество копыт оставляло в прерии хорошо различимый и долго хранящийся след, и Брик с друзьями уже готовили оружие и веревки, чтобы расправиться с ворами. Но после сухого русла след исчез.словно все два десятка кобылиц и шестерка конокрадов ушли под песок вместе с пересохшей рекой.

Недолго поломав над загадкой голову, Брик понял, что конокрады, в надежде оторваться от погони, обмотали копыта лошадей мешковиной, а потом разбились на небольшие группы, которые не оставляют заметных следов. Каждая из групп поехала своим путем. Через какое-то время они должны будут соединиться. Но где? Никто не знал, куда могут направляться конокрады – на север, на юг, в горы или в пустыню? Вот тут-то в голове Брика прозвучал чей-то голос, и он повторил это слово вслух. «Сэнд-Крик», – сказал он.

На самом деле это только новичку кажется, что в прерии бесчисленное множество дорог и троп. Двигаться с краденым табуном можно вовсе не в любую сторону. Надо учитывать слишком многое. Например, конокрады должны избегать известных водопоев, где их может кто-нибудь увидеть. Не рискнут они уклониться и в индейские земли. Путь на запад отсекают зыбучие пески. И много еще чего придется учесть... В голове Брика за секунду промелькнули все возможные варианты, и верным оказался только один. «Двигаемся на Сэнд-Крик», – сказал он уверенно. «Почему ты так решил?» – спросили его ковбои-попутчики, но он надвинул Шляпу поглубже на голову и, ничего не объясняя, поскакал один. Те ковбои, кто давно знал Брика, последовали за ним.

Втроем они устроили на Сэнд-Крик засаду. Через день показался краденый табун, погоняемый шестеркой бандитов.

Противников было слишком много, чтобы вступать с ними в переговоры. Сам Брик никогда не любил лишних слов, и друзья у него были такие же. Четверых конокрадов они убили в короткой перестрелке, двоих повесили на сухом дереве.

Почему сейчас он вспомнил об этой истории? Причина была в шляпе Малыша. Как

только пуля, выпущенная далеким стрелком, сбила шляпу с головы Чико, Брик привстал из-за ограды и, прищурясь, чуть сместился в сторону, вглядываясь в далекую зеленую курчавость леса. Через то место, где только что была голова Чико, и через то место, где сейчас лежала его пробитая шляпа, Брик словно выстроил невидимую стену. Она протянулась от него к лесному склону. И где-то в основании этой стены под кустами мескита на склоне лежал стрелок. Еле заметный блеск нового выстрела подтвердил правильность догадки Брика. И он еще раз вспомнил Сэнд-Крик и свою простреленную там шляпу.

Вместе с Крисом он перебежал вдоль кладбищенской ограды и нырнул в кусты. Им пришлось сделать изрядный крюк, чтобы незаметно добраться до обрыва, с которого по деревне стреляли люди Кальверы. Там уже было не до разговоров, и Брик жестом отправил Криса выше по склону, а сам ползком двинулся к тому дереву, под которым, скрытый густой порослью, мог находиться стрелок.

Брик полз медленно, потому что каждое свое движение подчинял дыханию ветра. Как только порыв ветра начинал раскачивать верхние ветки кустарника и гнать серебристые волны по высокой траве, Брик, извиваясь и скользя по земле, двигался вперед. Но стоило ветру стихнуть, как замирал и Брик.

Ударил винтовочный выстрел, и Брик скользнул вперед, пользуясь тем моментом, когда стрелок всматривается вдаль, пытаясь увидеть результат выстрела.

Со стороны деревни хлестко щелкнули два выстрела из винчестера О'Райли, и им ответила винтовка другого стрелка, который прятался где-то дальше.

В левой руке Брик держал наготове револьвер, в правой был нож. Еще один порыв ветра принес ему запах человека, и он скользнул чуть правее.

Брик застыл, вжимаясь в землю. Противник был где-то рядом. Сейчас он наверняка оглядывает местность перед собой, но взгляд его нацелен на деревню. Его мишень – не О'Райли. Ему хочется подстрелить кого-нибудь из людей в белом. Пусть только высунут нос на улицу, мигом получают пулю. Будут знать, как портить отношения с доном Хосе.

В легком шелесте листвы и шорохе высокой травы чуткое ухо Брика уловило новый звук. Где-то впереди, совсем рядом, металл скользнул по металлу и мягко щелкнул. Такой звук может издавать только патрон, загоняемый в магазин.

Стрелок перезаряжает винтовку! Сейчас он не видит ничего, кроме своих патронов и магазинной Щели. И Брик, почти не таясь, пополз вперед, огибая сзади дерево, за которым – теперь он знал это абсолютно точно – скрывался стрелок.

Он едва не натолкнулся на стрелка, когда тот вдруг поднялся прямо перед ним из-за дерева, с винтовкой в одной руке и со свернутым полосатым пончо в другой. Бандит хотел сменить позицию, а может быть, собрался уходить совсем. Ему не удалось ни то, ни другое. Брик метнул нож. Клинок вошел под горло противника. Стрелок выронил винтовку и повалился набок, дергаясь в агонии.

Брик выждал, пока убитый затихнет, и привстал, чтобы подобраться к нему поближе, и в этот момент раздался револьверный выстрел.

Кинувшись в траву, он услышал, как где-то рядом падает еще один человек, с хрустом подламывая сухие ветки кустарника.

Брик поднял голову и увидел между листьев мескита огорченное лицо Криса, который молча показывал ему два пальца. Из дула его револьвера сочился дымок.

Шагах в десяти от себя он увидел второго стрелка. Тот лежал на боку, запрокинув простреленную голову, и ствол его винтовки был нацелен прямо на Брика.

Значит, стрелки лежали в десяти шагах друг от друга. Это могло бы погубить Брика. Крису пришлось бить наповал, чтобы раненый стрелок не убил Брика.

«Как неудачно, – подумал Брик. – Впрочем, эти двое и не дались бы живыми. Они страховали друг друга так же, как и мы».

Оставался третий, и его надо было брать живым. Причем брать как можно скорее, потому что, услышав револьверный выстрел у себя на фланге, третий стрелок все поймет и постарается испариться. Вряд ли он кинется на помощь соседям.

По следам на траве Брик уже знал, откуда пришли бандиты. Знал, в какой стороне они оставили лошадей. Знал, куда побежит оставшийся в живых, как только догадается, что его соседи убиты. У него не было времени объяснять все Крису, и он показал ему жестом направление, а сам, пригнувшись, быстро и бесшумно, пригибаясь, побежал вверх по склону, чтобы обойти позицию стрелка и встретить его на пути к лошадям.

Конечно, у него были причины ворчать и досадливо хмуриться, когда Рохас и Винн изрешетили последнего стрелка бандитов...

ВИЗИТ ПОЧИТАТЕЛЕЙ

Когда началась стрельба, О'Райли переходил площадь, чтобы отобрать Крису у ликующих крестьян и поговорить с ним насчет дальнейшей судьбы их отряда. Он не очень верил в то, что Кальвера решит продолжить борьбу за деревню, и поэтому внезапно раздавшиеся выстрелы были для него полной неожиданностью.

О'Райли в молодости послужил в армии, сначала разведчиком, потом возчиком. Он умел воевать, хотя не любил это дело. Когда он был молод, его постоянно мучил вопрос, который некому было задать: испытывают ли все остальные солдаты тот же страх, какой испытывал он, когда шел в бой. Бывало, он специально поворачивался посмотреть на лица своих товарищей, но они ему ничего не говорили... Это был страх получить пулю и не увидеть лица того, кто нажал на курок, не успеть ему ответить, хотя бы взглядом. Подчиняясь этому страху, он научился грамотно выбирать позицию во время боя. И чем больше он совершенствовал свои навыки, тем дальше уходил страх. Но сейчас, когда пуля, пущенная невидимым снайпером, просвистела в паре дюймов от его уха, на него опять нахлынуло то самое чувство незащищенности, которое он почти забыл. Мысленно поблагодарив Бога за то, что тот дал ему еще немного пожить, он прикинул, откуда мог следовать выстрел, и быстрым рывком перебежал к старой колокольне.

Краем глаза он заметил, что Чико кинулся за ним. Остальные так же быстро нашли себе укрытия. В воздухе повисла томительная тишина. Бандиты явно не тратили пули впустую, и поэтому не мешало бы спровоцировать еще пару выстрелов, чтобы точнее определить, где они укрылись и сколько их там. Доброволец ждать себя не заставил.

Чико повертелся в проеме арки, и О'Райли засек пару вспышек на далеком склоне.

Он остался прикрывать Крису, изредка стреляя в направлении вспышек. Приходилось наводить ствол гораздо выше цели, потому что расстояние было слишком велико для точной стрельбы.

За спиной О'Райли послышались крадущиеся шаги. Он развернулся – и увидел тройку застывших мальчишек.

– Вы что тут делаете! – зашипел он на них, но они побежали вперед, к нему. Он схватился за камень, пугая их, словно щенков, но они все равно добежали до него и присели рядом. – Куда вы лезете! Хотите, чтобы вас убили?

– Но вас тоже могут убить, – заметил мальчуган.

– Могут, – согласился О'Райли. – Только это совсем другое дело. Работа такая.

– У нас это тоже работа, – наперебой затараторили мальчишки. – Мы ничего не боимся. Мы теперь всегда будем рядом с вами. Мы вас на соломинках разыграли. Вот вы нам и достались.

– Как это «достался»? – О'Райли, не отрывая взгляда от далекого склона горы, свободной рукой затолкнул, наконец, худеньких мальчишек в безопасный угол между оградой и стенкой часовни. – Как это я вам достался? Что это значит?

– Ну, это значит, что вы наш герой. Когда вы погибнете, мы подберем вашу винтовку. Мы отомстим за вас, не сомневайтесь. И на могиле у вас всегда будут лежать цветы. Может быть, мы их даже посадим там, вот будет красиво, правда?

О'Райли несколько иначе представлял себе свое ближайшее будущее, но не стал спорить со своими юными почитателями.

– Правда, красиво будет?
– Правда, правда, не мешайте.
– Вот! – мальчишки радостно захлопали в ладоши. – Мы знали, что вам понравится. У вас будет самая красивая могила на нашем кладбище.

– А какое имя написать на кресте? – поинтересовался самый деловой из почитателей.
– На моем кресте? Ну, когда придется это сделать, то пусть там напишут «Бернардо».
– Бернардо! – восхищенно повторили почитатели. – Так ты один из нас? Я – Рикардо, он – Хуан, этот, самый маленький, – Карлито. А ты – Бернардо!
– Моя мать мексиканка, – сказал О'Райли, – как и ваши матери. А отец был ирландцем.
– Ты наш земляк, как здорово!
– Не совсем так. Все-таки я родился не здесь, а в Ричмонде. Но где-то здесь родилась моя мать, так что мы земляки хотя бы наполовину. А теперь давайте, отправляйтесь по домам.

– Ну, нет, Бернардо, теперь мы от тебя ни на шаг не отойдем! – твердо заявили почитатели.

Пауза между выстрелами слишком затянулась, давно пора было направить пулю в сторону снайперов, но О'Райли боялся за детей. Он сказал:

– А о живых героях вы будете заботиться?
– Да, конечно, – горячо заверили его почитатели. – Какое-то время...
– Тогда живо бегите в мой дом, сядьте там возле моих вещей и охраняйте их. Чтобы даже пылинки с моей сумки не пропала, пока я тут. Понятно?
– Понятно, Бернардо! – обрадовались почитатели и побежали прочь, стуча босыми пятками по пыльной глинистой дороге.

Три тоненькие фигурки в белом метнулись на фоне зелени и исчезли за углом сарая, как исчезает стайка мальков между камнями на теплом мелководье...

Мальчишкам нужен герой. Отец на эту роль не годится. Разве герой будет пахать землю? Доить корову тоже не героическое занятие. А вот незнакомец с винчестером – совсем другое дело.

О'Райли попытался вспомнить, кто был его героем в детстве, и не смог. Не до героев тогда было. Отец перебрался на Запад, убегая от нищеты, которая навалилась на семью в годы Реконструкции. Их род и до войны не утопал в богатстве, хотя и владел мельницей. А после войны с северянами О'Райли остался ни с чем. Да и от клана осталось всего двое здоровых мужчин. На Западе можно было получить земельный надел, и белые бедняки потянулись туда в надежде на лучшее.

Вся семья от зари до зари трудилась в поле, засеянном семенами, взятыми взаймы. Но первый урожай съела саранча. Потом два года подряд была засуха, и в конце концов, не рассчитавшись с кредиторами, отец лишился земли.

Мать уговорила его ехать в Техас, на ее родину. Отец подал заявку на землю, построил дом, обзавелся стадом. Но однажды налетели команчи, сожгли строения и увели весь скот. Отец и его братья погибли.

Спаслись только мать и маленький Бернардо. Они убежали в прерию и несколько дней просидели в зарослях «кошачьего когтя». Только когда мимо сожженной фермы проходила рота солдат, посланных на усмирение команчей, мать осмелилась выбраться из своего укрытия. Их посадили в обозный фургон, а потом, после долгого и безуспешного преследования индейцев, доставили в Форт-Кончо. Там, в окружении солдат, Бернардо О'Райли и вырос. Неудивительно, что он записался в армию, когда пришло его время.

Может быть, в детстве солдаты казались ему героями? Не было такого. Герой не стирает грязные штаны на заднем дворе под твоими окнами. Не дерется по пьяному делу с товарищами. Среди солдат и офицеров были замечательные люди, но Бернардо не видел в них ничего героического.

Так почему же эти мальчишки хотят иметь героя? Наверно, воспитание другое. Сам О'Райли никакого воспитания не получил. Учить его учили, но воспитывать было некогда.

Считалось, что Бог сам подскажет ему, что хорошо, а что плохо.

А этим воробышкам героя подавай. Они подхватят его оружие, выпавшее из рук. И посадят на могиле цветы...

Он засмеялся, покачав головой.

О'Райли выждал еще, чтобы мальчишки наверняка успели добежать до его дома, и выстрелил в сторону склона. Но на этот раз он метился гораздо ниже цели. Ему не хотелось зацепить своей пулей, пусть даже на излете, кого-то из своих товарищей, которые сейчас уже должны были приблизиться к снайперам.

На другом краю площади, в развалинах, притаился Чико, прикрывая тыл. Сейчас ему не надо было строить из себя героя, и он снова и снова ощупывал свою шляпу. И как только палец наткнулся на аккуратную дырку в тулье, на лбу Малыша выступал пот.

Однажды ему довелось видеть, как выглядит человеческая голова, когда пуля проходит немного ниже, чем в этот раз. Убитый конокрад лежал лицом вниз под кустом мескита, и весь поселок ходил на него посмотреть. Чико на всю жизнь запомнил его ноги в остроносых желтых сапогах, повернутые носками внутрь, черные кожаные брюки с нашитой бахромой, красно-белую клетчатую рубашку с бурым заскорузлым пятном между лопаток, зеленый шейный платок с присохшими комками слизи. А выше платка все было облеплено сплошным слоем блестящих зеленых мух, которые рылись между слипшихся черных прядей.

Если бы сегодня пуля прошла чуть ниже... Если бы Чико был ростом чуть выше... Он представил себя лежащим в пыли под кладбищенской оградой...

Малыш еще раз вытер холодный пот со лба и отогнал назойливых мух.

Рядом с ним сидела на траве Луисита, его недавняя пленница. Сейчас, в голубой блузке с большим воротничком и красной юбке, она мало напоминала ту испуганную девушку в белом, за которой он так опрометчиво погнался. Ее черные блестящие волосы были гладко уложены в узел на шее, на смуглом пальце белело серебряное колечко. «Нарядилась, как на свидание», – насмешливо подумал Чико. Сладкий цветочный запах, исходивший от ее волос, щекотал ему ноздри.

Она пришла сюда сразу же, как только он устроился на позиции, словно следила за ним все это время. Может быть, она видела и то, как пуля сбила шляпу с его головы? Малышу очень хотелось это знать, потому что, на его взгляд, в тот момент он повел себя отнюдь не героически: плюхнулся наземь и на карачках кинулся под забор. Ей же не объяснишь, что уклоняться от огня и танцевать кадрили – разные занятия.

Между прочим, прикрывать тыл и любезничать с девицами – это тоже разные занятия, и Чико очень хотелось суровым голосом отчитать дерзкую девчонку. Но он уже знал, что спорить с ней – занятие не только бессмысленное, но и небезопасное, поэтому даже не пытался гнать ее отсюда.

– Росита умерла, – сказала она печально. – Совсем маленькая. Ей было одиннадцать лет.

– Мы отомстим за нее, не сомневайся, – сказал Чико.

Она прикоснулась теплой ладошкой к его щеке.

– Болит?

Он мотнул головой:

– Нет. Да я и забыл об этом.

– Ты сам виноват, – сказала она. – Набросился на меня... Я не хотела тебе сделать больно. Я просто очень тебя испугалась. Это все отец. Он мне наговорил про вас...

Чико положил ствол винчестера на край пролома в развалинах, потому что устал держать его на весу. Да и целиться пока было не в кого. Но он продолжал внимательно оглядывать свой сектор – дорога, обсаженная серо-голубыми агавами, из-за которых мог выползти враг; блестящая сплошная стена кукурузного поля, там тоже можно спрятаться и выстрелить, оставаясь невидимым; поливная канава, заросшая высоким тростником. На первый взгляд весь этот мирный пейзаж выглядел вполне безобидно. Со второго взгляда Чико тоже не обнаружил признаков опасности и решил, что его бдительность не ослабнет

оттого, что он перекинется парой слов с местной жительницей.

– Ты пришла, чтобы извиняться? – спросил он, не оборачиваясь.

– Нет. Я пришла за тобой, – сказала Луисита. – Ты не должен рисковать. Пойдем домой.

– Я тут с товарищами. Мы вернемся все вместе.

– Твои товарищи не такие, как ты.

– Может быть, – сказал Чико, – но я тоже когда-нибудь буду таким, как они.

Он скосил глаз, чтобы проследить, не появится ли на ее губах насмешливая улыбка. Представить, что он когда-нибудь станет таким, как Крис? Нет, она слушала его серьезно.

Почему бы и нет? И Крис, и О'Райли не родились такими крутыми. Конечно, когда-нибудь и Чико станет таким же, как они. И когда ему надо будет отправиться на серьезное дело, он сам оставит кого-то помоложе прикрывать тыл. Но и тыл прикрывать – это тоже серьезно. Крис не каждому доверил бы такое. Да разве девчонке это понять...

– Уходи, здесь опасно оставаться, – сказал он сурово. – Да и твой отец... Если он узнает, что ты здесь была, тебе попадет.

Луисита придвинулась к нему ближе.

– Он знает, – просто сказала она. – Только мне все равно. Я пришла за тобой, потому что твое место дома, а не здесь. Пожалуйста, будь осторожнее.

– Хорошо, буду, – он не стал спорить. – Но и ты будь осторожнее с родителями. Мой отец, если бы застал сестренку с парнем, задал бы ей.

– У тебя есть сестра?

– Была, – сказал Чико. – Теперь у меня никого нет. Только мои товарищи. Ну а теперь уходи.

– Никуда я не уйду, – она упрямо сдвинула брови и устроилась на траве поудобнее. – А что случилось с твоей сестрой? Ты знаешь, у меня четыре сестры, а было пять. Старшая, Розалия, умерла прошлым летом. Ее укусила науайха.

– Кто?

– Змея. Знаешь, такая, с черными пятнышками на голове?

– Два черных пятна спереди? – уточнил Чико. – Так это гремучая змея. И что, насмерть укусила? А вы что-нибудь сделали, чтобы ей помочь?

– Чем мы могли помочь... – вздохнула Луисита. – Мы только сидели вокруг нее и плакали.

– Черт бы побрал этих девчонок! – возмущился Чико. – У вас же растет пейот¹²! Надо было отодрать от него полоску и мякотью приложить к следам укуса!

– Пейот? Что ты! – Луисита перекрестилась. – Он же ядовитый! К нему даже подходить опасно, даже смотреть на него – страшный грех!

– Может, и ядовитый, зато помогает от всех ядов. А потом поить отваром из еловой коры, тут же растут ели, повыше в горах, я сам видел! Могли бы спасти человека...

– Откуда ты все знаешь? – спросила Луисита.

– Отец научил. И его ковбои. Гонсалес, Рамирес... Они-то хорошо разбирались во всяких ядовитых гадах. Знаешь, сколько пропадает скота из-за этих тварей? Когда гонишь стадо через пустыню, обязательно какая-нибудь тупая корова заглянет под камень, где зеленеет травка, а там скорпион. Или просто сослепу на змею наступит. А когда спишь на песке, думаешь, приятно чувствовать, что по тебе паук ползет?

– Как страшно... – она прижалась плечом к его спине.

– Эх ты, – снисходительно сказал Чико, поправляя ружье так, чтобы Луисите было удобнее опираться. – Запомни на всю жизнь. В каждом доме должен храниться отвар из еловой коры. Я вас научу его готовить. Он и от змеи помогает, и от скорпионов. Не сомневайся.

¹² Пейот – кактус.

– Вы скоро уедете, и ты ничему нас не научишь, – печально сказала она.
– Ну, я ведь еще не уехал. Завтра же поднимусь в горы и наберу для тебя еловой коры, – пообещал Чико.

Она ничего не ответила, только вздохнула, плотнее прижимаясь к нему теплым плечом. И так и сидела рядом с ним до тех пор, пока, наконец, из-за кустов не показались Крис и Брик, а потом и Винн с Рохасом.

УНЫЛЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

Крис вошел с патронными лентами на плече и сгрузил их на стол. Крестьяне с надеждой смотрели на него.

– Ну что, вы их прогнали?

– Нет. Перебили.

Он не стал рассказывать подробности. Для людей в белом важно было только то, что убиты еще трое бандитов, и можно, наконец, высунуть нос на улицу и заняться хозяйством, не опасаясь получить пулю. Для людей в белом это была победа. Еще одна победа.

Для Криса это была неудача. Сейчас ему особенно необходимо было получить хоть какую-нибудь информацию о настроениях бандитов, об их планах, да и просто о них. Сколько человек осталось в банде? Чем они вооружены? Не могут ли они объединиться с какой-то соседней бандой?

У него не было ответов на эти вопросы и не было повода для радости.

Люди в белом по-своему расценили его суровое выражение лица. И их радость моментально угасла.

– Они никак не могут успокоиться. Неужели снова полезут?

– Они сто раз подумают, прежде чем решатся на такое, – сказал Крис. – Они знают, чем это может для них кончиться.

– Значит, все наши труды, все наши затраты... Значит, все было напрасно. Кальвера остался, – разочарованно произнес Сотеро.

– На что вы рассчитывали? – повернулся к нему Крис. – Отпугнуть его одним выстрелом? То, что тянулось долгие годы, не может кончиться за пять минут. Дайте ему время понять, что вы уже не те, что раньше.

– А нам что делать, пока он думает? – спросил Рохас.

– Это я у вас должен спросить, – Крис опустил на стол.

– Вы? У нас?

– Насколько я помню, это вы меня нанимали на работу. Вам и решать. Приказывайте мне.

Рохас вздохнул. Ему никогда прежде не приходилось отдавать приказы. Он озибался, ловя взгляды земляков, но они сами смотрели на него выжидающе и, как и Крис, ждали его решения.

– Будем ждать, – наконец решил он. – Ничего другого не остается. Посмотрим, что будет делать Кальвера. Но надо быть готовыми ко всему.

– Разумное решение, – одобительно кивнул Крис. – А теперь скомандуйте, чтобы сменили часовых. Гарри вам поможет организовать наблюдение. Берегите людей, не дайте им устать и впасть в уныние.

Вскинулся фермер с бородкой:

– Впасть в уныние? Нам есть от чего унывать. Мы надеялись, что все кончится быстро и завтра мы сможем выйти в поле, никого не опасаясь. И вместо этого теперь мы будем терзаться неизвестностью. Но скажите, вы же опытный человек, сеньор Крис. Скажите нам, как бы вы поступили на месте Кальверы? Вы бы оставили в покое нашу деревню после такого боя?

– Я бы оставил, – Крис кивнул. – Но мы не можем решить за Кальверу. Я говорил с этим человеком, и я понял его. Такие люди опасны. Если он ударил вас по одной щеке, не

подставляйте ему вторую. Потому что вторым ударом он снесет вам голову.

– Что же делать, если он уже столько лет бьет и бьет нас по щеке?

– Вы уже сделали. Вы ударили в ответ, и теперь он крепко призадумается, – Крис улыбнулся ободряюще. – У него впереди целая ночь, чтобы подсчитать свои потери. Не думаю, что к утру у него будет хорошее настроение. Завтра будет видно, чего мы добились сегодня.

– У нас есть новые винтовки и ленты с патронами, – Рохас решил прекратить спор. – Раздайте их тем, кто умеет стрелять. Пойдемте, пора менять часовых.

Сотеро сказал:

– Наверно, вы проголодались. Жена, накрой на стол...

Фермеры сгребли со стола трофеи и удалились. Крис уселся за стол, задумчиво потягивая пульт из глиняной кружечки. В комнату ворвался возбужденный Чико.

– Вот это был бой! Как на войне!

Брик повесил на гвоздь трофейный «спенсер» и ленту, а шляпу кинул на стол.

– Кажется, тебе нужна новая шляпа, сынок.

Шляпа была роскошная. Она принадлежала тому из снайперов, которого зарезал Брик. Чико тут же примерил ее:

– Здесь умеют делать красивые вещи.

– Настоящий кабальеро, – кивнул Винн.

– Шляпа, шляпа, черная шляпа... Звучит, как начало песни, – сказал Чико, вертясь перед зеркалом. – А знаете, вот мы уйдем, а крестьяне на праздниках будут петь песни про эту шляпу и про нас. Нас уже никогда не забудут. У них так заведено. Они всегда складывают песни о таких людях, как мы. И в этих песнях сохраняется память о подвигах.

– Песня про нас? – Крис пожал плечами. – Слишком ничтожный повод для песни.

– Ты серьезно?

– Что тут особенного? Что мы совершили такого, что было бы достойно песни? Если ты умеешь пользоваться оружием... Какой же это подвиг? – говорил Крис, рассеянно глядя в пространство.

Чико был потрясен услышанным. Он оглядел товарищей, но никто из них не оспорил слова Криса. Ни улыбчивый Винн, ни вечно сонный Брик, ни загадочный Ли.

– Ну, от тебя я не ожидал такое услышать! – воскликнул Чико. – Пользоваться оружием? Как ты можешь так пренебрежительно говорить о своем оружии? Ведь только оружием ты добыл все, что имеешь! Я что, не прав? Винн, Брик, Ли? Скажите мне, прав я?

– Ты прав, малыш, прав, – сказал Винн с невеселой улыбкой. – Скоро и ты добудешь своим оружием то же самое, что добыли мы. Например, у тебя будет человек двести знакомых буфетчиков во всех штатах. С тобой будут здороваться во всех салунах. Ты выучишь наизусть адреса всех гостиниц. Это все у тебя будет. Не будет всяких мелочей. Своего дома не будет. Не будет жены. Дети? Их тоже не будет. А все остальное – дорожная пыль, случайные попутчики – сколько угодно. Я ничего не пропустил?

– Пропустил, – мрачно отозвался Крис. – Не будет места, где хочешь остаться. Не будет людей, с кем хочешь остаться. Не будет людей, которые захотят остаться с тобой.

– Но не будет и врагов, – подсказал Ли.

– Врагов?

– Живых врагов... – пояснил Ли.

– Вот такая арифметика мне больше нравится, – снова засиял зубами Чико, молодецки подтягивая кобурку на поясе.

– Было время, и я так считал, – сказал Крис. – Иди. отдай «спенсер» Рохасу. Он его заслужил.

Чико подхватил ружье, ленту и жилетку убитого снайпера и пошел к выходу.

– Кстати, по пути можешь прогуляться к Кальвере. Спроси, что он думает, – усмехнулся Винн, подливая в чашку. – Дорого бы я дал, чтобы его послушать.

Чико на секунду остановился у выхода, разглядывая трофеи у себя в руках...

РАЗВЕДКА ЧИКО

На отцовской ферме Чико не только учился стрелять в овраге. Большую часть времени отнимала работа, но и она подарила ему некоторые навыки, которые неожиданногодились именно сейчас. Малышу часто приходилось разыскивать в степи разбежавшихся бычков, и он умел читать следы там, где другие их даже и не видели.

Найти лагерь Кальверы? Почему бы и нет? Он знал, в какую сторону ушла банда. Знал, откуда пришли стрелки. Четыре десятка лошадей не могут подняться в горы, не оставив заметных следов. И Чико оседлал своего коня, надел трофейную жилетку и патронную ленту, нахлобучил бандитскую шляпу и отправился в путь. Для начала он описал широкую дугу по северной окраине деревни, чтобы пересечь путь, по которому отступила банда. Скоро он нашел следы кавалькады. Среди отпечатков копыт часто попадались пятна крови, и Малыш поразился количеству раненых.

Следы свернули с дороги на широкую тропу, круто уходящую в горы. Быстро смеркалось, и Чико внимательно вглядывался в темнеющую глубину леса. Ему повезло – легкий ветерок тянул вдоль тропы ему навстречу, и скоро он почувствовал дым костра.

Чико спешил и привязал коня в расщелине между скал. Прежде чем двинуться вверх по направлению к огню, он оглянулся, тщательно запоминая обратную дорогу.

Бесшумно и медленно поднимаясь по крутому склону, густо заросшему кустарником и ползучими растениями, Чико не столько вглядывался, сколько прислушивался. В лесу уже наступила ночь, хотя, оглядываясь, он видел над кронами деревьев еще светло-лиловое небо с черной волнистой линией гор на горизонте.

Впереди мелькнул огонек – проблеск далекого костра за деревьями. И Чико замедлил шаги.

Где-то поблизости может быть часовая. Наверняка, пожив в лесу, бандит знает, что ни одно дикое животное не наступит на сухую ветку. Только лошадь, корова и человек. Помня об этом, Чико шел, не отрывая подошвы от лесного настила, и носком сапога отодвигал ветки с дороги.

Руками он медленно отклонял встречные ветки, чтобы они не шуршали по одежде. Звери скользят в ветвях бесшумно, а одежда людей издает царапающий шелест. И если часовая не первый месяц ночует в лесу, то все ночные звуки ему знакомы.

Но Чико не встретил охранников по дороге. Видно, бандиты слишком вымотались во время перехода и боя, чтобы позаботиться о безопасности своего сна.

Они сидели вокруг костра, и неверный желтый свет выхватывал из темноты их бородатые лица. Кто-то спал прямо на земле, закутавшись в одеяло, кто-то возился в темноте, позвякивая металлической посудой. Где-то неподалеку пофыркивали невидимые лошади.

Бандиты уныло перебирали в памяти моменты боя. В отличие от крестьян, им нечем было хвастать. И незачем. Сегодняшняя переделка не была для них чем-то особенным. Эти люди привыкли к страху смерти, привыкли убивать и терять убитых. Но привычка не могла поднять их настроение, и они мрачно потягивали текилу.

Слушая их голоса, Чико вспоминал, как сам ночевал с ковбоями в степи и в горах. Ему казалось, что он вернулся на родную ферму, и это его кони фыркают в темноте.

Он вздохнул, отгоняя наваждение. Ферма давно сгорела, сожженная бандитами. Отец лежит под камнем в прерии. Работники... Кто разбежался, кого убили. Сам Чико в тот день был далеко от родных мест, перегоняя стадо в Ларедо. Там его и нашел старый ковбой Гонсалес, один из немногих, кто уцелел после налета грабителей. Гонсалес рассказал о смерти отца и передал Чико кошелек с сотней серебряных долларов. Кошелек да чалый мерин, вот и все, что осталось от богатого хозяйства... Возвращаться Малышу было некуда.

Чико поднял голову, прислушиваясь к голосам бандитов. Он не боялся этих людей. Ему казалось, что за спиной у него стоят Крис, Брик, Гарри. Стоят и чуть насмешливо следят за

ним. «Ну, Малыш, что ты еще выкинешь?» – услышал он голос Винна.

Чико встал, оторвался от дерева, за которым скрывался, и медленно приблизился к костру. Голоса бандитов заглушали его шаги.

– Когда этот дьявол начал стрелять, Андреа, Лоренцо и Фелипе упали на землю первыми. Они даже не успели взяться за оружие!

– Армандо закрыл собой дон Хосе. Этот бритоголовый просто изрешетил его.

– Клянусь могилой матери, у него словно три кольта были в одной руке, и все палили одновременно! Я прицелиться не успел, а он уже убил двоих!

Небрежно прислонившись к дереву и низко надвинув широкополую шляпу на глаза, Чико готов был запеть от гордости за своих друзей. Ему не терпелось услышать, что скажут бандиты о нем. Хотя, честно говоря, вряд ли они могли его заметить. Весь бой он провел, перебегая за заборами, стараясь не высовываться без надобности, и расстрелял только два барабана. Зато бил наверняка и совершенно точно знал, что попал в одного из бандитов. Чико выстрелил в него, когда тот проносился на лошади мимо забора, и бандит вскинул руки, а потом привалился к шее коня. Наверняка он сверзился где-нибудь по дороге.

– Это опасные люди, – сказал бандит, который выглядел старше прочих. В его густой бороде, клубившейся от самых глаз, обильно блестела седина, а во рту зияли дырки между зубами. – Наверно, банда придет вслед за ними. А потом и другие потянутся сюда. Тяжело нам придется.

– Хорошо тем, кто погиб... Что ждет нас, если к этим гринго придут еще и их друзья?

– Может, они уйдут в другую деревню?

– Нет, – сказал старый бандит, качая головой. – Они будут жить здесь. Потом к ним придут их друзья. Потом придут их жены и дети. А потом эта деревня присоединится к Техасу. Ты что, забыл, как они отняли у нас Техас?

– Ну да, больно нужна им нищая деревня.

– А тогда зачем они пришли? Нет, нам здесь нечего делать. Надо уходить, пока не поздно. Хорхе говорил, что сейчас надо двигать в Матаморос или хотя бы в Буэна-Виста. Там и народ пожирнее, и гринго туда не лезут.

– Хорхе? А где он? Кто видел Хорхе?

– Убили Хорхе, – мрачно сказал молчавший до сих пор бандит с висячими усами. Судя по шляпе с дорогой блестящей отделкой на загнутых полях – один из приближенных Кальверы.

– Что ты говоришь, Сантос? – сидевшие у костра повернулись к нему.

– Я сам видел, как Хорхе и Мемо запутались в этой проклятой сети, – сказал Сантос. – Они свалились с коней. Их пристрелили, как собак.

– Хорхе, Мемо, Андрес, Лоренцо. Кто еще? Фелипе. Армандо. Кого еще мы оставили там, в этой проклятой деревне?

– Эти грязные твари набросились на Эмилио, когда его конь свалился. Забили его палками.

– Семь. Получается, мы потеряли семерых?

– Нет, больше, больше, – сказал старый бандит, подкладывая в костер сухих сучьев.

Пламя набросилось на них и заиграло высокими языками. У костра стало светлее. Чико увидел, что старый бандит смотрит на него, подслеповато щурясь,

– Хосе погиб у фонтана, – сказал Чико, выходя из темноты. – Я сам видел.

– И Грегорио там же, – отозвался старый бандит, – ему попали прямо в лицо.

Все повернулись к Чико, подозрительно оглядывая его.

– Это уже девять, – сказал он.

– Так, девять, – сказал длинноусый Сантос. – Это только те, кого мы видели. Фортуну, говорят, свалился в канаву с водой, да там и остался. А Рико? Под ним упал конь, так парня просто изрубили на куски!

– Ну вот, – сказал Чико. – Десять и одиннадцать. Кто еще не вернулся?

За спиной его захрустели ветки. Кто-то спускался по склону, не таясь. Чико замер: к

костру спустился сам Кальвера.

– Все болтаете, никак не утомитесь, – раздраженно перебил он подсчет, доставая сигару. – Сантос, почему посты не выставлены? Все валяются как убитые. А кто не валяется, те чешут языки, как бабы. Хватит болтать о мертвецах. Они уже где-то по дороге в рай. Им можно позавидовать. Для них все кончилось. А вот для наших друзей из долины все только начинается. И я им не завидую. Нет, не завидую...

И Чико поднес огонь к его сигаре.

БЕРНАРДО

О'Райли, вернувшись в дом, обнаружил на пороге малолетних поклонников. Один сидел на крыльце, двое были внутри комнаты.

За столом восседал Ли Броуди, молча потягивая текилу. Судя по запаху, стоявшему в комнате, выпито им было немало.

– Что ты прячешь в своих сумках, О'Райли? – спросил он, медленно выговаривая слова и глядя в стену. – Почему мои сумки никто не охраняет?

– Придет и твое время, – сказал О'Райли. – Спасибо, амигос. Идите домой.

Ему давно уже нестерпимо хотелось выпить виски из своей фляжки. Аромат текилы подстегивал в нем разгорающуюся жажду, но он не мог пить в присутствии мальчишек.

– Нет. Нам еще рано идти домой! – запротестовали ребята, подбегая к нему. – Пусть Карлито уходит, он еще маленький, а мы останемся охранять тебя до самой ночи.

– Это не дело, когда дети вечерами болтаются на улице, – произнес О'Райли назидательно. – В сумерках к человеку может незаметно подкрасться злой брухо¹³. Для взрослого он не страшен, а с ребенком может справиться.

– Мы не боимся брухо, – заявили мальчишки. – Мы позовем тебя, и ты застрелишь его из винчестера. В нашей деревне все мальчишки смелые, как ты и твои друзья.

– О да, – сказал Ли Броуди.

Он со стуком поставил на стол свою кружку и решительно отодвинул ее от себя.

– Хватит, – объявил он. – Сеньоры! Вы не возражаете, если я прилягу отдохнуть вот здесь, в уголке?

– Пойдем на крыльцо, – сказал О'Райли мальчишкам. – Я вас научу, как справиться с любым брухо без винчестера.

Он перешел площадь и сел на край фонтана. Мальчишки устроились прямо на землю у его ног и смотрели на него снизу вверх.

Ну вот, подумал О'Райли. Вместо того, чтобы спокойно выпить и прилечь отдохнуть, приходится нянчиться с чужими детьми.

Он ворчал сам на себя и отворачивался от мальчишек, стараясь спрятать смущенную улыбку.

Никогда еще этот черствый и одинокий человек не испытывал такого чувства. Знал ли он любовь? Его любила мать. Наверное, любил отец, хотя никак не проявлял этой любви, может быть, просто не успевал ее проявить. Маленький Бернардо наверняка любил родителей, но то была любовь бессознательная, щенячья.

Сам О'Райли никого никогда не любил, и, как ни старался, не мог себе представить такого чувства по отношению к другому человеку. Он любил простор и волю, любил крепкую выпивку, любил меткий выстрел. Как можно любить человека?

Убежденный католик, он понимал всю греховность своего заблуждения. Он знал свои обязанности и должен был любить ближних своих так же, как и его самого любит его Небесный Отец. Должен – но не мог.

Наверное, всемилостивый Бог в мудрости своей посылает тебе только то, что ты

¹³ Брухо – мексиканский колдун.

можешь выдержать. Ничье сердце не откроется навстречу Христу, пока Отец Небесный того не пожелает. В сердце О'Райли Иисус жил с детства. Бернардо советовался с ним, жаловался ему, иногда просил какую-нибудь мелочь, и Бог отвечал ему всегда. Но любви так до сих пор и не послал. Может быть, потому, что О'Райли и не просил ее? Или потому, что не был готов к ней?

Сейчас у его ног сидели на земле чужие дети. Худенькие мальчишки, черноглазые и смуглые, взъерошенные и чумазые. И в сердце Бернардо накатывала и отступала какая-то теплая волна.

Вот почему Отец наш не посылал ему любви до сих пор. Потому что он не смог бы ее вынести. Куда бы он делся от этой любви, если бы у него был дом, в котором ждали бы его вот такие мальчишки? Или, еще хуже, девчонки? Ему пришлось бы всю свою жизнь потратить на то, чтобы они были всегда сыты, одеты, здоровы. Как потратил свою жизнь отец...

Он вспомнил, как несколько лет назад его рота стояла в оцеплении индейского поселка, жителей которого переселяли в резервацию.

Индейцам не повезло – их поселок располагался на землях, богатых свинцовой рудой. Им предложили продать эти земли, но они отказались, потому что не понимали этого предложения, и ни один переводчик не мог им объяснить, что землю можно продать так же, как лошадь или иголку.

Тогда им предложили сдать свои земли в аренду на девяносто девять лет, но они и этого понять не могли – через девяносто девять лет на этой земле не останется ни одного участника сделки. «Как же мы можем решать за наших потомков?» – спросили индейцы.

И тогда им сказали, что Правительство и Народ Соединенных Штатов приказывают им покинуть эту землю и перебраться в другие края. Это индейцы поняли сразу, потому что приказ этот передала им армия.

Индейцы быстро собрались. А рота, в которой служил О'Райли, окружила поселок, чтобы индейцы двинулись отсюда в правильном направлении, на Север.

Разноцветные фургоны и волокуши вытянулись нестройной колонной на дороге, по измятой седой траве стелился дым от костров, на которых догорал оставшийся мусор. А на опустевшей вытоптанной поляне бегал мальчишка, гоняясь за рыжим остроухим щенком. Щенок, поджимая уши и елозя хвостом по траве, прятался от него то за поваленным забором, то за кучами золы. Это не было игрой. Щенок не хотел покидать место, к которому привык и которое считал своей территорией. Щенку не объяснишь, почему следует уезжать в резервацию. Это был глупый щенок. По всей видимости, его и оставили, потому что он никому не был нужен. Никому, кроме мальчишки, который за ним гонялся.

Старый индеец, стоявший у последнего фургона, повелительно выкрикнул короткую команду, и мальчишка, понутив голову, пошел к нему. Они забрались в свой фургон, погонщики закричали, засвистели, и колонна потянулась вдоль дороги к далеким синим горам. А щенок принялся бродить по поляне, обнюхивая круглые пятна, оставшиеся от индейских шатров. Пятна пахли жильем, но жилья уже не было.

«А если бы моих детей кто-то выгнал из дома? – подумал О'Райли, вспомнив того рыжего щенка. Мне пришлось бы драться. Как дерутся тысячи отцов по всему свету. Индейцы, филиппинцы, ирландцы. А если не хочешь драться, так не заводи себе детей. Ты не имеешь права на их любовь, если не готов драться за них».

О'Райли покачал головой и поднял с земли малыша Карлито, усадив его рядом с собой. Рикардо и Хуан тут же вскочили и, толкаясь, уселись с другого бока своего героя, спиной друг к другу, на широком бортике фонтана. Дно фонтана устилали прелая солома и сухие листья.

– Когда-нибудь, – сказал О'Райли, – когда вы станете взрослыми, а ваша деревня превратится в небольшой город, вы снова наполните этот фонтан водой, и вечерами здесь будет так приятно сидеть, слушать, как звенят сверчки...

– Мы обязательно наберем сюда воду, Бернардо, – пообещал Рико.

– А площадь будет называться «площадь Бернардо»! Отец рассказывал, что в Сан-Хуане есть площадь Идальго, а у нас будет площадь Бернардо!

– В Сан-Хуане много площадей, поэтому их нужно как-то называть, – сказал О'Райли, – а у вас-то всего одна площадь. Обойдется без названия.

– Нет, Бернардо, ты герой, поэтому мы обязательно назовем и площадь, и улицы, и всю деревню твоим именем. Это будет город Бернардо! Вот здорово! Скорей бы стать взрослыми! Наши отцы никогда не додумаются назвать площадь именем героя.

– Наши отцы? Они все попрытались, когда началась стрельба! – обличительно взмахнул кулаком Рико. – Один ты, Бернардо, не испугался! Вот почему ты герой, а наши отцы... Они просто трусы!

О'Райли резко повернулся к мальчишке и, схватив его за шиворот, встряхнул.

– Не смей так говорить об отце! Еще раз услышу такое, отлуплю!

Он отпустил притихшего обличителя и встал с бортика фонтана. Мальчишки, затаив дыхание, смотрели на него. Тяжело ступая и качая головой, О'Райли отошел к дереву. Погасив, наконец, приступ ярости, он, устало опираясь о ствол рукой, проговорил:

– Да что вы знаете о своих отцах! Только то, что они работают от зари до зари. Да гоняют вас, бездельников. Эх, вы... Увидели человека с револьвером и начинаете возносить его за храбрость. Чтобы носить оружие, много храбрости не требуется. А вот вложить всю свою жизнь в землю и не знать, что из этого получится, – вот это храбрость. Такой храбрости мне всегда не хватало.

О'Райли вернулся к мальчишкам, окончательно успокоившись. Он и сам не ожидал, что детские слова так действуют на него. Он вдруг понял, зачем приехал сюда. Нет, неслучайно пару недель назад Крис смог найти дорогу к его развалюхе, неслучайно предложил работу. Как же он сразу не понял? Божий промысел читался во всем этом так же ясно, как виделось дыхание Бога в утреннем ветре. Кто-то должен был появиться здесь перед этими детьми, кто-то должен был сказать им очень важные слова. Кто-то, кому они поверят.

– Да, мне не хватило храбрости завести ферму. Остаться один на один с этим огромным миром, с его рынками, стадами, заводами, железными дорогами, банками, имея только грязного тощего мула и клочок земли. Это страшная война. Тихая, невидимая. Участвовать в такой войне мне не хватило мужества.

А вашим отцам – хватило! Понимаете, вы, воробышки? Ваши отцы воюют день и ночь, и не за себя. Они воюют за вас, за ваших сестер и матерей, и за ваших будущих детей они воюют, каждый день выходя на это проклятое поле! И на этой войне они когда-нибудь погибнут и уйдут в эту землю, пропитанную их потом... А мне никогда не хватало на это храбрости, – заключил он виновато.

Мальчишки молчали, переглядываясь. Но благочестивая пауза продержалась недолго.

– Ничего, Бернардо, – звонко прозвучал голосок Рико. – Ты все равно останешься нашим героем. Мы никому не скажем, что тебе не хватало храбрости. Никому!

ЛИ БРОУДИ. СОН В ЛУННУЮ НОЧЬ

Ли спал в своем углу, вскрикивая и вздрагивая во сне. Ему снился Хаффелтайн.

Говорят, не к добру это, когда снится покойник. О смерти Хаффелтайна знали немногие. Первым узнал об этом Ли. Для этого ему достаточно было выждать минуту после своего выстрела и, наклонившись, пощупать его шею. Потом он схватил покойника за шиворот и оттащил к реке. В кармане сюртука Хаффелтайна он нашел изящный складной нож. К лезвию прилипли частицы апельсиновой кожуры, но Ли не стал его вытирать. Длинным поперечным разрезом он вспорол покойнику брюхо. Струйка крови залила темными пятнами рукава белоснежной сорочки. Рубашку пришлось потом закопать в прибрежном песке. А тело Хаффелтайна беззвучно уплыло, подхваченное мощным течением, а затем погрузилось в бурю воду. С выпущенными кишками, чтобы никогда больше не всплыть. Кроме Ли, о смерти знаменитого шулера знали наверняка только речные

рыбы. А они умеют молчать.

Хаффелтайн умер из-за того, что принял Ли за шулера. Но Ли Броуди не был шулером.

Он был игроком и знал несколько приемов, помогающих ему контролировать ход игры. В его голове словно жила колода живых карт, и он все время знал, где находится и чем занимается каждый из этих жильцов. Еще он умел по уголкам глаз противника определять, не блефует ли он. Впрочем, это было наименее важное его умение.

Главным было другое – Ли Броуди никогда не ленился считать. Его поражало, как сильно озабочены его партнеры разными психологическими трюками и как мало они считают. Они запоминали, сколько карт прикупил противник, как дрогнули его брови, каким голосом он объявил свой ход. Но при этом не имели ни малейшего понятия, с какой вероятностью их пара тузов может превратиться в тройку.

Брови и интонации участников игры не привлекали внимания Ли Броуди. По крайней мере, до тех пор, пока он не получал ясного ответа на вопросы: чем я рискую? сколько могу выиграть? каковы мои шансы? остаюсь ли я в игре?

Он автоматически просчитывал вероятность той или иной комбинации для себя и партнеров. И если его расчеты заставляли продолжать игру, вот тогда он и начинал следить за уголками глаз. Впрочем, глаза могут обмануть, но математика – никогда.

Всех остальных участников игры математика интересовала разве что в момент подсчета проигрыша. Они больше полагались на умение, получив хорошую карту, изобразить полное отчаяние, с отвращением бросить карты на стол, но продолжить игру якобы просто ради компании. И, сделав ставку, удовлетворенно откидывались на спинку стула и выпускали струю дыма вверх. Этот дым, как свисток речного парохода предупреждал Ли о том, что пора сходить на берег: партнер, столь явно разочарованный, на самом деле получил четыре туза.

Для всех участников игры покер был продолжением их жизни. Они и в жизни привыкли притворяться и ломать комедию, так почему не делать того же за игорным столом? Всегда быть готовым исподтишка дать подножку обгоняющему сопернику. Гордо раздувать щеки, вертеть хвостом и выпячивать грудь, когда дела идут все хуже и хуже. Главное – произвести впечатление. По наблюдениям Ли, чем ничтожнее человек, тем тщательнее он следит за тем, какое впечатление производит на окружающих.

А для него, наоборот, жизнь была продолжением покера. И он старался всегда подсчитывать свои шансы, прежде чем сделать какой-то ход.

Может быть, ему не часто везло в жизни как раз потому, что там иные правила. Точнее, правила у каждого свои, но кто сообщает их первому встречному? Поэтому Ли было трудно с людьми. Он не мог ввязываться в новую игру, не изучив досконально ее правил.

В покер Ли выигрывал часто, поэтому многие считали его искусным шулером. И совершенно напрасно. Единственное, в чем его можно было упрекнуть, так это в том, что он поначалу поддавался противникам, чтобы сорвать с них побольше выигрыша.

А вот Хаффелтайн как раз был шулером. У него были сообщники, поочередно игравшие вместе с ним. Были крапленые карты и были запасные карты в рукаве, и было еще множество разных трюков в запасе, которые позволяли ему раздевать незадачливых противников.

Наблюдая за Хаффелтайном со стороны, вы бы никогда не отличили его от представителей более почтенных профессий. Никакой суетливости, никаких бегающих глазок. За игорным столом он выделялся как раз особым спокойным достоинством. Бывало, что он крупно проигрывал, но и тогда, не теряя достоинства, быстро расплачивался и ухалил. «Надо уходить, пока есть в чем», – горько шутил он, покидая зал. Его самообладанию в такие минуты завидовали все, кто не знал, что Хаффелтайн проигрывал только сообщникам.

Главным источником дохода шулера были пожилые самоуверенные фермеры-скотоводы, которые заходили в салун после удачной продажи пригнанного стада. Выиграв первые двадцать-тридцать долларов, они заводились и уже не могли остановиться. Хаффелтайн якобы пытался выйти из игры, но они размахивали своими кольтами и

заставляли его продолжать игру – чтобы отдать ему все свои денежки до единого цента.

Ли давно знал о Хаффелтайне и старался не играть там, где он появлялся. Но однажды Хаффелтайн сам нашел его.

Он предложил стать партнерами. Не навсегда, всего лишь на пару вечеров. Дело сулило хороший, неслыханно хороший улов. В Литл-Рок приехал со всей своей свитой то ли французский, то ли итальянский граф, чтобы отсюда отправиться в охотничью экспедицию. Азарт и страсть графа к игре могли сравниться только с размерами его богатства. Но, чтобы усадить его за покер, требовались партнеры с безупречной репутацией. Ли должен был сыграть с графом. Выигрыш он оставит у себя, проигрыш Хаффелтайн компенсирует и еще оплатит счета в гостинице и ресторане.

Ли отказался и, ничего не объясняя, в этот же вечер уехал из города. На это у него было две причины. Во-первых, Хаффелтайн не привык отказываться от своих планов и наверняка стал бы настаивать на предложении. Связываться с шулером было рискованно: обман мог раскрыться в любой момент, и Ли не хотел даже чисто теоретически, из любви к математике, просчитывать варианты возможных окончаний.

А во-вторых, Ли Броуди обязан был прострелить голову тому, кто мог сделать ему такое предложение. Не прострелил, сдержался. Хотя бы на миг, но стал таким же, как Хаффелтайн. Хотя бы заочно, но стал его сообщником. И Ли уехал из города, убегая от позора, о котором знал только он.

Через неделю в игорном доме на окраине Мемфиса, за двести миль от Литл-Рока, случайные партнеры заявили Броуди, что он их дурит. В ту же минуту их спутник, наблюдавший за игрой, выхватил из-под жилета револьвер и выстрелил первым. Ли, не вставая из-за стола, выстрелил вторым и попал.

Противников было двое, и они тоже успели достать свои припрятанные стволы из-за пояса за спиной. Ли пришлось уложить обоих, чтобы они не успели перемешать карты. Когда дым рассеялся, шериф перевернул все карты и подтвердил, что Ли играл честно.

– Вы давно знаете этих людей, мистер Броуди? – спросил шериф, обыскивая покойников.

– Не больше десяти минут.

– Но они знают вас, – сказал помощник шерифа. – Они приехали из Литл-Рока и спрашивали о вас во всех салунах. Они вас искали.

Ли пожал плечами.

А шериф сказал:

– Что ж. Они нашли, что искали.

Он был вынужден вернуться и найти Хаффелтайна. Просчитав всю партию на много ходов вперед, он пришел к единственному приемлемому решению, к которому Хаффелтайн пришел на один ход раньше. Один из них должен был исчезнуть.

Если бы они оба были ковбоями, все решил заурядный поединок. Но они не были ковбоями, и Ли подстерег Хаффелтайна, когда тот возвращался под утро домой. Шулер провел всю ночь у примадонны проезжего театра и сошел с извозчика, не доезжая до своего дома. Остаток пути Хаффелтайн в таких случаях обычно проделывал через свой сад на берегу, и подходил к дому со стороны реки, чтобы соседи его не заметили. Он весьма дорожил своей репутацией.

Ли несколько ночей подряд поджидал Хаффелтайна на этом месте. Но когда, наконец, респектабельная фигура с цилиндром набекрень и тросточкой под мышкой вдруг показалась на садовой дорожке, Ли застыл, не в силах выйти из укрытия.

Хаффелтайн приближался к нему, напевая модную арию. Ли стоял за широким деревом, прильнув к ледяному стволу пылающим лицом. В ушах стоял шум, как от проходящего поезда.

Хаффелтайн поравнявшись с ним, вдруг с силой ударил тростью по стволу дерева. Расхохотался, повторяя: "Ах, озорница, ну и озорница..." – и пошел дальше.

Этот удар подействовал на Ли исцеляюще. Он ясно представил себя лежащим в

открытом гробу на краю могилы. Священник, несколько старых партнеров по бриджу. И Хаффелтайн в сторонке. С этой тростью. В этом цилиндре. С постной физиономией, которая за кладбищенской оградой сменится довольной улыбкой.

Ли вышел из-за дерева, в два шага догнал Хаффелтайна и приставил револьвер к его спине, ниже левой лопатки. Он стрелял в упор, так что выстрел слышали только несколько бродячих собак. Это было гораздо легче, чем он ожидал.

Это было гораздо легче сделать, чем забыть об этом.

Убитый что-то сломал в нем. После того, как выстрелишь человеку в спину, трудно смотреть другим в глаза.

Хаффелтайну повезло. Он умер мгновенно, не успев растерять ни капли своего благодушного настроения, не испытав ни страха, ни боли. Может быть, он успел ощутить только сильный удар в спину, и все кончилось. А Ли Броуди теперь всю жизнь будет ожидать выстрела в спину, и каждый звук сзади будет заставлять его вздрагивать...

Он еще какое-то время играл, держался бодро, но время от времени животный страх охватывал его, и тогда хотелось бросить все и бежать, бежать без оглядки. На север, на юг, все равно. Но оказалось, что и на юге страх не отпустил его...

Ли открыл глаза и увидел склонившихся над ним напуганных фермеров.

– Сеньор, успокойтесь!

– Я кричал во сне?

– Да, словно вас кто-то душил! Успокойтесь, это просто сон. Вы дома, мы ваши друзья...

– Да... – Ли сел в постели.

– Выпейте воды... Не бойтесь. Вам нечего бояться.

– Нечего бояться... Какие замечательные слова... Я повторяю их как молитву, сорок раз на день. Не помогает.

– Чего вам бояться, сеньор?

– Всего. Я боюсь всего, – сказал Ли. – И мне остается только ждать той пули, которая прекратит этот кошмар. Но и пули я боюсь...

– Сеньор, вы просто устали. И еще эта текила... Ее нельзя пить сразу так много, к ней надо привыкнуть. А то начинают мерещиться всякие ужасы, – увещевали его фермеры. – Бывает, что напьешься ее, чтобы развеселиться, а получается наоборот, хоть в петлю лезь.

– Петля? Это слишком просто, – сказал Ли. – Мне надо дождаться своей пули.

– Не надо, сеньор. Вы еще так молоды, а уже седина на висках. Вы, наверно, не раз слышали, как свистят пули над головой. Но вы сражались и остались живым, значит, вы побеждали в бою. Вы отважный человек, сеньор, просто вы немного устали.

– Отважный человек? Когда-то Ли Броуди был отважным. Но это был другой человек. Он не стрелял в спину. И привык смотреть в лицо любому врагу... – Ли уселся за стол и плеснул текилы в кружку. – А теперь он прячется за спины друзей.

Он сделал глоток и уставился на трех мух, деловито ползающих по столу. Махнул свободной рукой, сжимая кулак. Разжал – и выпустил единственную пленницу.

– Одна... Были времена, когда я мог схватить сразу трех. Меня уже нет. Меня разъел страх.

Понутив головы, фермеры пошли вон. У выхода один из них повернулся к Ли:

– Мы тоже знаем, что такое страх. Он давит на нас всю нашу жизнь. Только смерть освободит человека от страха, сеньор. Только смерть.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Гарри организовал несение караульной службы по всем правилам. Несколько крестьян сидели попарно в ночных дозорах на разных краях деревни, их товарищи спали в лавке Сотеро, готовясь заступить на пост через пару часов. Остальные бодрствовали там же при свете масляной лампы, закрыв окна ставнями.

Гарри, как начальник караула, мог бы спокойно дремать на своей лавке, но он сидел вместе со своими бойцами, перебрасываясь в картишки и одновременно расширяя свои географические и исторические познания.

– Что-то я опять сбился со счета, – сказал он, энергично тасуя колоду. – Вяло играем, джентльмены, скучно. Может быть, все-таки начнем играть на интерес? Поверьте мне, старому картежнику. Даже самая маленькая ставка сразу добавит перчика в нашу игру.

Крис и Винн, сидевшие неподалеку, переглянулись. "Жаль, что здесь не видно Ли, – шепнул Крис. – Он бы добавил ему перчика...".

– Я-то не против, чтоб сыграть на интерес, как вы говорите, – согласился Хилларио. – Только что мы можем поставить? Мое дырявое сомбреро против вашей протертой жилетки? Какой же нам с вами интерес раздевать друг друга?

– Были бы монеты... – вздохнул еще один игрок.

– Совершенно необязательно делать ставку в деньгах, – сказал Гарри. – Почему бы не поставить на кон те камни, которые добывают в ваших горах?

– Какие камни, сеньор Гарри?

– Обыкновенные драгоценные камни, – объяснил Гарри. – Изумруды, например. Или опалы. Их же полно в ваших горах.

– Да, сеньор Гарри, это чистая правда, их там полным-полно, – согласился Хилларио. – Но все-таки давайте лучше играть по-старому. Сдавайте карты.

Гарри раздал карты, но по всему было видно, что игра его уже не занимает.

– Кстати, давно про эти камни... – заговорил он снова. – Как вы их находите? У вас сохранились старинные карты или в горах есть какие-то знаки, показывающие на тайные тропы?

– Какие тропы, сеньор?

– Ну, где вы находите эти изумруды?

– Да мы сроду никаких изумрудов не видели!

Хилларио почесал затылок, обдумывая ход:

– Изумруды, изумруды... Может быть, вы говорите о тех сокровищах, которые спрятали в горах древние ацтеки?

– Ну да, конечно! – обрадовался Гарри. – Ты знаешь, где они?

– Эх, сеньор Гарри... если бы я знал это, то сейчас мы бы с вами играли в моем дворце, и не в этой деревне, а в большом городе, и вы бы называли меня не Хилларио, а дон Хилларио! Нет у нас никаких изумрудов, никаких сокровищ.

– Хорошо, тогда объясните мне, – сказал Гарри. – Почему Кальвера так привязан к этим горам? Почему он так и рыщет здесь?

– Да Кальвера уже рыщет в других горах! Мы ему так задали, что он давно уже смылся отсюда!

Все весело рассмеялись, вспомнив радость победы. Но тут раздался голос Чико. Никто не заметил, как он появился. Страхивая со своей новой шляпы прилипшие листья и хвоинки, он сказал:

– Кальвера никуда не смылся.

Он повесил шляпу на гвоздь и зачерпнул воды из кувшина. В наступившей тишине раздавались его громкие жадные глотки.

– Кальвера никуда не смылся, – повторил он, вытирая губы. – И не собирается смываться.

– Откуда ты знаешь? – спросил Сотеро, стоявший за стойкой. – Кто тебе сказал?

– Он сам, – с трудом сдерживая самодовольную улыбку, ответил Чико. – Я ходил к нему в гости. Побеседовали о жизни, о погоде, о видах на урожай.

– Хватит паясничать, – сказал Сотеро, – скажи нам все как есть. Сейчас не время для шуток.

– Я не шучу, – сказал Чико важным и таинственным тоном. – Когда начало темнеть, я отправился в лес и по следам нашел, где они прячутся. Я подкрался и проник в их лагерь.

Мне удалось подслушать их разговоры. Они, конечно, здорово обозлились на нас, на всю деревню...

– Теперь они боятся нас? – спросил кто-то.

– Что ты выяснил об их намерениях? – спросил Крис.

– Вот что я выяснил, – Чико повернулся к нему и заговорил уже серьезно. – Кальвера не собирается уходить. Его людям нечего есть. У них нет никаких припасов не то что на зиму, на завтрашний день. Может быть, он бы и ушел в другие места, но для этого ему все равно нужно сначала накормить своих людей. Вот так.

– Значит, завтра он снова будет драться, – заключил Крис. – И драться насмерть.

– О, Господи... – перекрестился Хилларио.

– Что же нам делать?

– Да пусть только сунется, – вскинулся Мигель. – Мы ему покажем!

– Нас мало, а у него целая банда... И оружия у нас почти нет... Патронов совсем не осталось... Что же нам делать?

– Я вам скажу, что делать, – Крис встал. – Ждать его. И дать ему достойный отпор. Как вы умеете это делать.

Былое воодушевление покинуло фермеров, и они подавленно переглядывались. Сотеро вышел из-за стойки, нервно комкая тряпку в руках:

– Вы что, хотите, чтобы он нас перерезал, словно кур? Мы вас не для этого приглашали!

– Нам некуда отступить! – воскликнул Рохас. – Надо продолжать то, что начали!

– Хватит! – отрезал Сотеро. – Деревня не выдержит новой атаки.

– Кальвера не выдержит первым, – сказал Крис. – У победителей раны заживают быстрее, а побежденные дважды уже никогда не поднимутся на новый бой.

– Все, хватит! – ответил Сотеро, не слушая Криса. – Забирайте своих людей, садитесь на коней и уезжайте!

– Да, лучше отдать Кальвере зерно, чем лишиться всего... Зато живыми останемся...

– Зря, зря мы все это затеяли...

– И урожай потеряли, и деньги...

– Нет, вы как хотите, а я пошел прятать последнюю курицу... Кальвера теперь заберет даже цыплят...

– Да вы с ума сошли! – взорвался Рохас. – Земляки! Соседи! Посмотрите на себя! Вы же только что были другими людьми!

– Нет, это ты с ума сошел, – сказал ему Сотеро. – Наслушался своих новых друзей. Им легко говорить. «Сражайтесь, сражайтесь». Им нечего терять. Как пришли, так и уйдут. А у нас тут дети, жены, скот... Хватит. Пускай все остается по-прежнему.

Крис вышел на середину комнаты. Взгляд его был жестким, но голос оставался спокойным и ровным.

– Давайте уточним, чего вы хотите. Кто из вас будет драться, и кто хочет помириться с Кальверой? Скажите мне это сейчас, что бы я знал, как поступить.

Рохас, Мигель и еще пара фермеров встали с ним рядом. Не выдержав их презрительных взглядов, Сотеро закричал:

– Вы сумасшедшие! Если вы разозлите Кальверу, он оставит от деревни только пыль! Уезжайте, сеньор Крис, я вас очень прошу! Вы сделали все, что могли, а теперь оставьте нас в покое!

– Нет, я сделал еще не все, – спокойно сказал Крис. – Кое-что я еще Могу сделать. Я вышибу мозги первому, кто захочет сдаться Кальвере. Чтобы спасти остальных, я готов пристрелить ублюдка и труса. Надеюсь, мне не придется это делать.

УРОКИ ЭНДИ КРОФОРДА

Он сказал это жестко, насколько может быть жесткой испанская речь. Жестко и тихо.

Важные слова лучше говорить тихим голосом, чтобы к ним внимательнее прислушивались. И самые страшные оскорбления надо произносить наиболее внятно, не оставляя слушателю возможности превратного истолкования.

Этому он тоже научился у Энди Крофорда. Со своими людьми надо быть тихим, скромным, вежливым в обычной жизни. Когда твои люди привыкнут, что ты говоришь с ними вежливо, то в минуту опасности даже самые страшные слова, которыми ты будешь обзывать их, не будут их оскорблять, а только добавят им смелости.

Сам Крис легко прощал оскорбления, которые ему приходилось выслушивать. Большую их часть он просто не воспринимал, потому что подвергался им еще в те годы, когда плохо понимал по-английски.

Когда Энди Крофорд в вагоне спросил его, куда он держит путь, Крис долго и мучительно вспоминал, как будет по-английски «Аргентина». Так и не вспомнил, и ответил иначе:

– Буэнос-Айрес.

– Это далеко, – заметил Энди. – И поезда туда не ходят.

– Знаю, – сказал Крис. – Я ехал пароход. Но только Нью-Йорк. Мне надо Буэнос-Айрес.

– Так нам по пути, братишка. По крайней мере, какое-то время. А какие у тебя дела в Буэнос-Айресе?

– Красивый город. Богатая страна. Много серебра.

– Ты немец? – спросил Энди. – Давно приехал?

– Один год.

– У меня был друг, тоже немец. Кристиан. Я звал его Крис. Такой же, как ты. Не любил много говорить. Нам долго ехать, братишка. А я два года не мог поговорить с приличным человеком. Поэтому не сердись, что я буду болтать слишком много.

– Говори, – разрешил Крис.

И Энди заговорил. К исходу третьих суток Крис понимал все, что произносил попутчик, и сам мог рассказать о себе.

Энди не понимал только одного. Зачем надо было уезжать из своего родного города. Чтобы ответить на такой вопрос, пришлось бы рассказать о родном городе слишком много.

Рассказать о ресторане на бульваре, где работал знакомый мороженщик. Где можно было по утрам, пока не собралась публика, сидеть за столиком, как фон-барон, важно потягивать лимонад и смотреть на море, которое раскинулось внизу, на сиреневые силуэты пароходов, стоящих на рейде... И с замиранием сердца ждать, когда застучат по бульвару копыта, как подкатит к ресторану изящная бричка и смуглая гувернантка с зонтиком подведет к столику в другом крыле ресторана девочку с волосами медового цвета, всегда в белом платье и всегда в новом: то с кружевными оборочками, то с узором на поясе. У нее, наверно, в шкафу было триста шестьдесят пять белых платьев. И она была удивительно похожа на его сестру, только помладше и потоньше.

У его сестры не было ни одного такого платья. Даже устроившись прислугой в богатый дом, на белое платье она не заработала. Заработала она дурную болезнь от одного из гостей хозяина, флакон уксусной эссенции и могилку под кладбищенской стеной.

Но как объяснить Энди, да и самому себе, что невозможно жить там, где две одинаковые девочки получают от жизни такие разные подарки? Почему надо бежать отсюда? Ведь все другие остаются жить в этом городе?

Крис вспомнил своего Веньку Янкелевича, который отправился в Аргентину за год до него.

– Туда уехали мои лучшие друзья, – говорил Крис.

– Ну и что, – отвечал Энди. – Друзья как дети, хочешь или нет, обязательно появятся новые.

– Старых друзей никто не заменит, – ответил Крис.

– Понятно, – сказал Энди. – Значит, ты решил не расставаться со старыми друзьями. А что, они звали тебя с собой?

– Нет.

– Они прислали какую-то весточку, что им тебя не хватает?

– Нет.

– Ну, они вообще хоть что-нибудь сообщили о своей новой родине? Как устроились, какая погода, какие цены и все такое?

– Нет, – говорил Крис. – Аргентина очень далеко, и они не могут мне ничего сообщить.

– Знаешь, братишка, – отвечал Энди, – если ты напишешь несколько слов на бумаге, заклеишь конверт и отнесешь его на почту, то рано или поздно твой друг получит этот конверт. А если в Аргентине нет даже почты, то, значит, не такая она и богатая, эта страна.

– Поздно, – говорил Крис. – Я уже уехал и ни за что не вернусь.

– Гордый, – отвечал Энди. – Не хочешь, чтобы над тобой смеялись. Правильно, братишка. Но если тебе все равно, куда ехать, так поехали со мной. Может быть, ты немного и ошибся с пароходом, но зато вагон ты выбрал правильный. Ничего, что здесь у нас из мебели только голые доски и немного сена. Неудивительно, ведь это вагон для скота. Он идет напрямик в Техас. И до самого Техаса нас здесь никто не побеспокоит. Придется, конечно, поторчать в тупиках, и удобств здесь не так много. Но для нас главное – добраться до Техаса, а там будут и удобства, и все остальное.

– Кому я нужен в Техасе, – сказал Крис.

– Мне, – ответил Энди. – Я буду звать тебя Крисом, буду учить профессии, буду кормить первое время, пока ты не научишься зарабатывать на хлеб.

Энди был человеком редкой профессии. Он грабил коммерческие банки. Это только дилетантам кажется, что взять банк ничего не стоит. На самом деле направить ствол на кассира – это всего лишь предпоследнее действие в решении чрезвычайно сложной задачи. Первое действие – это разведка, последнее – отрыв от погони.

Настоящий налетчик редко появляется дважды в одном и том же городе. Он кочует по штатам, и вместе с ним кочует его команда, каждый участник которой играет свою, строго определенную, роль. Причем все роли – главные, второстепенных нет. Наводчик, который выясняет, где, когда и сколько денег можно будет положить в мешок, ничем не хуже громилы, который одним своим взглядом заставит кассира положить эти деньги в этот самый мешок.

Наводчик и громила – это, выражаясь театральным языком, солисты. Для Криса в спектакле Энди Крофорда была уготована роль участника кордебалета.

«Кордебалет» – это обычные люди, ничем не выделяющиеся среди прохожих или посетителей банка. Они должны собраться в определенном месте в строго определенное время. И по команде преобразиться. Немощный инвалид, мальчишка-рассыльный, монах-францисканец – все эти фигуры не вызывают у охраны никаких подозрений. А когда «кордебалетчик» наставит на зазевавшегося охранника огромный кольт, уже поздно бить тревогу. Охранник тоже человек, и он достаточно владеет арифметикой, чтобы быстро вычислить: никакой ущерб коммерческого банка не стоит жизни охранника. Уязвленное самолюбие и профессиональная гордость будут какое-то время жечь его душу, но он сможет это вытерпеть. Главное, не унижать охранника. Перевес нападающих должен быть очевиден, и их оружие должно сверкать и наводить ужас одним своим видом.

Энди Крофорд должен был родиться поближе к Бродвею. Тогда его жизнь могла сложиться иначе: он мог бы стать великим постановщиком. Правда, неизвестно, где бы он заработал больше денег и славы...

Энди запустил руку в мешок и, пошарив там, вытащил старый облезлый «бульдог».

– Это машинка Криса, – сказал Энди. – Он привез ее с собой. Память о родине. Теперь это память о Крисе. Сорок четвертый калибр. Умеешь обращаться?

Он кинул револьвер, и Крис поймал его одной рукой. Барабан был пуст. Взвел курок, надавил на спуск.

– Туговат, – заключил Крис.

– Ничего, привыкнешь, – сказал Энди.

Поезд неся по бескрайним степям, пустой вагон шатало из стороны в сторону, и Крис стоял посреди вагона, широко расставив ноги для устойчивости.

– Не стой так, – говорил Энди, – а то тебе яйца отстреляют. Стой боком, если стреляешь с вытянутой руки. А с бедра тебе стрелять рановато. Итак, стой боком. Подайся вперед. Целься исподлобья. А теперь, мистер, засадите-ка мне две пули между глаз.

Раз за разом он выхватывал «бульдог» из-за пояса и наводил на Энди, который лежал напротив него, покуривая трубочку.

– Мимо, – говорил Энди, – пуля ушла выше головы. Мимо, рядом с ухом. Эта в грудь, но я же просил между глаз, братишка.

Однажды ночью Крис проснулся, когда вагон слишком долго стоял посреди непонятной тишины. Сквозь широкие щели он увидел ночное небо в таких крупных лохматых звездах, что они не помещались в щелях целиком. Такие звезды раньше он видел только у себя дома, на ночном берегу.

– Приехали, – сказал Энди.

Они выбрались из вагона. Нитка рельсов уходила за горизонт. Слева и справа размеренно дышала ночная степь. Вагон стоял в тупике у покато́й дощатой платформы, с которой на него будут грузить скот. Пока животных не было видно. Не было, впрочем, и людей. Но это не огорчило Энди и Криса. Взвалив мешки за спину, они дружно зашагали по шпалам в сторону ближайшего банка.

Они шли две недели. За это время к ним присоединились уцелевшие компаньоны Энди Крофорда, те из них, кто не смог пережить разлуку с шефом и не податься на совсем уж дикий Запад: Лысый Мак, Толстяк Андерсен и другие. Особо выделялся рыжий Гуггинс. Он сразу же, с первой минуты, глубоко и искренне возненавидел Криса. Без объяснения причин.

Гуггинс никогда не обращался к нему. Если говорил о Крисе, то так, словно тот не стоял рядом. Никогда не ел и не пил рядом с Крисом, демонстративно пересаживаясь за общим столом, даже если это был не стол, а пустой ящик в завокзальных подворотнях.

Похоже, причина была в том, что они были ровесниками. Однако Гуггинс, прежде чем получить право разговаривать с самим Энди Крофордом, прошел тяжкий путь мальчика на побегушках, а Крису, как он считал, все далось даром. А может, это была и ревность, опасное чувство, толкающее людей на самые неожиданные поступки.

Когда все было подготовлено к потрошению банка и люди расставлены по местам, Гуггинс оставил свою позицию и появился возле Криса.

Крис стоял напротив входа в банк. Лысый Мак должен был обезоружить охранника на входе и положить нюхать землю, Крису полагалось стоять над лежащим охранником и держать над ним «бульдог» для пущего страха. Лысый Мак еще не подошел, а вместо него вдруг появился Гуггинс. Он встал за спиной Криса и прошептал: «Не поворачивайся». В следующий миг Крис услышал щелчок курка.

Он застыл, не понимая, что происходит. Сбоку от него вытянулась рука Гуггинса, в ней был револьвер. Гуггинс выстрелил в сторону охранника и убежал.

Охранник выхватил револьвер и выстрелил в Криса. В следующий миг Крис увидел, что охранник сложился пополам, шляпа его упала на землю и встала доньшком вниз, как у нищего попрошайки. А охранник стоял, согнувшись и шатаясь, неловко переступая соединенными в коленях ногами, и, наконец, повалился. И только теперь Крис обнаружил в своей руке зажатый «бульдог».

Ограбление было сорвано, Гуггинс исчез. Энди ругался страшными словами. Но Крис не обижался. Он уже научился никогда ни на кого не обижаться. И сейчас он не ставил себе целью обидеть напуганных крестьян. Он хотел, чтобы они снова ощутили себя мужчинами. Мужчи́нами, которые не покраснеют при соленом словце, которые не отступят, потому что им некуда отступать.

ВЛАСТЬ КОНТРАКТА

Семерка собралась в доме. Крис сидел за столом, вытянув руки со сжатыми кулаками, и внимательно смотрел на друзей. Брик любовно чистил револьвер на другом конце стола. Ли сидел скрестив ноги по-турецки в углу лежака, меланхолично раскачиваясь с полужакрытыми глазами. О'Райли остался стоять в дверном проеме, не сводя глаз с площади перед домом. Чико задумчиво счищал со своей новой шляпы невидимые соринки. Гарри расхаживал по комнате, заложив руки за спину, а Винн, стоя в углу, следил за ним, словно считая его шаги. После спора с работодателями настроение у всех было мрачное, и никому не хотелось первым начинать разговор.

Наконец Винн выразил общее мнение:

– Кажется, наш контракт подвергается пересмотру.

Гарри остановился и повернулся к Винну с таким нетерпеливым видом, будто ожидал услышать что-то очень важное.

– Обстоятельства изменились, причем в неблагоприятную сторону, – продолжал Винн. – Вот что бывает, когда за дело берутся без тщательной разведки. Если Кальвера атакует нас, мы сможем продержаться какое-то время. Но что-то подсказывает мне, что это время будет не слишком долгим.

Винн улыбался, но глаза его были невеселы. Он повернулся в сторону Криса, потом к О'Райли, но они молча отводили взгляды. Слово взял Гарри. На этот раз на его лице не светилась привычная жизнерадостная улыбка. Он говорил серьезно и устало.

– Мы думали, что достаточно будет одной засады, и Кальвера уйдет. Никто не знал, что он так привязан к этой деревне. Теперь он, когда все про нас знает, окружит и начнет выкуривать... Нет, это совершенно не входило в наши планы, – Гарри развел руками.

– Наши планы придется пересмотреть, – заявил Винн. – По новому плану мы ставим новую задачу. Унести ноги, чтобы не потерять голову.

– Уехать? – спросил Брик.

Он только что закончил чистить свой револьвер и утопил в барабане последний патрон. Вопрос его прозвучал удивленно. Брик умел говорить так, что его фраза состояла из одного-двух слов, а остальное договаривали за него слушатели.

– Уехать? Зачем же тогда я столько времени потратил на чистку оружия? Зачем мы вообще сюда приехали, если ты предлагаешь уехать?

– Ничего другого не остается, – повернулся к нему Гарри. – Может быть, это и больно для нашего самолюбия, но выбирать не приходится. Крестьяне сами нас об этом просят, ты разве не слышал? Мы приходим, мы уходим, а им здесь жить. Так что если они выбирают Кальверу вместо нас, это их право.

– Наш контракт пока никто не отменял, – напомнил Крис.

– Контракт? Что-то я не видел тут ни клочка бумаги, да и подписи нигде не ставил, – усмехнулся Винн.

– Такие контракты выполняются в первую очередь, – сказал Крис. – Слово дороже подписи и бумаги.

– Звучит красиво, – Винн одобрительно кивнул. – Только вот обстановка сейчас для красивых слов неподходящая.

Крис пожал плечами, но ничего не ответил. Он не знал, какие слова считаются красивыми, а какие – нет. Он всегда старался подбирать самые точные слова, на каком бы языке ни говорил. Иногда он путался и вставлял в испанскую речь английские или немецкие слова, но делал это опять же не для красоты, а только чтобы быть точным. Точность – вежливость ганфайтера.

– Это все лавочник воду мутит, – сказал О'Райли, не сводя взгляда с площади. – Надо было прибить его под шумок. Многие вздохнули бы свободнее. Они все у него в долгах, как в шелках. Конечно, ему не нужна новая война, новые расходы.

– Но он же сам нас и пригласил, – напомнил Крис.

– Тогда он рассчитывал иначе, не так, как сейчас. Тогда ему казалось, что дешевле один раз заплатить нам, чем всю жизнь платить Кальвере, – пояснил О'Райли.

– Так оно поначалу и получилось, – сказал Винн. – А теперь мы можем застрять надолго. Если Кальвера полезет завтра, мы отобьемся. С трудом, но отобьемся. У него тоже будут потери, а у нас станет больше оружия и патронов. Он полезет снова, и снова, и снова...

– И люди будут прятаться, и держать скот в сараях, и никто не будет выходить в поле, – перебил его О'Райли. – И что потом? Деревня разорится, пока мы не убьем Кальверу.

– Убить Кальверу? – задумчиво спросил Ли.

Он так редко вступал в разговор, что сейчас, услышав его голос, все повернулись к нему. Не замечая всеобщего внимания, Ли потирал пальцами свой гладко выбритый подбородок, по-прежнему сидя с полужакрытыми глазами.

– Убить Кальверу... Нет. Это ничего не изменит, – сказал Ли. – Вместо него бандой станет командовать кто-то другой. И он снова отправит своих людей сюда, потому что им некуда уходить.

– Как и нам, – вставил свое слово Чико, надевая шляпу.

– Нам есть куда уходить, Малыш, – сказал Гарри. – Только сначала... Никому об этом ни слова, понятно?

Он оглянулся, подошел к двери и прикрыл ее поплотнее. Потом вернулся к столу и наклонился над ним, опираясь руками. Голос его был тихим и взволнованным:

– Я знаю одного старика, он обещал продать мне карту... Карта стоит дорого, но мы что-нибудь придумаем. Скажу по секрету. Это в Колорадо. Пещера, где грабители прятали золото. Отправимся туда все вместе. Никто не заставляет нас пропадать в этих Богом забытых горах!

Никто ему не ответил. Казалось, все с трудом удерживаются от улыбки.

– Вы думаете, конечно, что я помешался на этих кладах, – сказал Гарри. – Но это почти стопроцентное дело. Найдем золото, поделим, и уже не надо будет скитаться по всему свету. Заживем как люди. Ты, Чико, купишь себе ранчо, разве плохо? Ли откроет казино. О'Райли построит перегонный завод и зальет своим виски все штаты.

– А ты? – спросил Крис.

– А я? Мне много не надо. Тысяч пятьдесят. Куплю домик в Мексике, на побережье, поближе к Веракрусу. Хорошую лодку. Найму ныряльщиков и буду искать пиратское золото. Там все дно усеяно ящиками с золотом, – убежденно сказал Гарри.

Он ждал, что ему кто-нибудь ответит, он был готов спорить и убеждать, но все только отводили взгляды.

– Зачем нам отправляться так далеко? – сказал Винн. – Колорадо. Горы... Да мне и эти горы уже осточертели. Хочется отдохнуть в человеческих условиях. Почему бы нам всей командой не махнуть в Луизиану, к моему драгоценному дядюшке Байярду? В развалинах его поместья найдется куда поставить лошадей и приткнуться самим. У каждого будет занятие, я обещаю. Через пару недель вы и забудете о том, что есть какая-то Мексика...

О'Райли снова приоткрыл дверь, продолжая непрерывное наблюдение за площадью. Может быть, чувствовал незримую опасность, а может быть, следил за обстановкой по старой солдатской привычке.

– Здесь у нас мало шансов, – сказал он.

– Да, мало, – согласился Крис.

– Значит, мы уезжаем в Колорадо? – спросил Гарри с надеждой.

– Нет. Мы остаемся, чтобы уравнивать шансы, – сказал Крис и впервые за весь вечер улыбнулся. – Чико, ты хорошо запомнил дорогу к лагерю Кальверы? Кажется, эти ребята не заслужили права в такую ночь спать спокойно.

ЧИКО, ЛУИСИТА И ЛУНА

Чико себе места не находил от волнения. Крис дал три минуты на сборы, но Малыш собрался за несколько секунд и первым выскочил к лошадям. Подтягивая подпругу, он заметил, что его чалый мерин косит глаз в сторону. Чико повернул голову и увидел Луиситу,

стоявшую под деревом.

– Что ты тут делаешь? – спросил он мягко. – Уже темно, а ты не спишь.

Девушка молчала, не сводя с него блестящих глаз. Лунный призрачный свет играл тенями листьев на ее белом платье. Темно-красная шаль лежала на ее плечах, открывая тонкую гибкую шею, украшенную упругим черным завитком волос.

Эту шаль она наверняка соткала себе сама, подумал Чико. Он вспомнил сестру, которая часами могла сидеть перед ткацким станком, простеньким, сделанным из нескольких деревянных реек, подвешенных к стене. Сестра вечно отгоняла его, когда он вертелся рядом, наблюдая за мельканием челнока между натянутыми нитями основы. Эта работа была сродни работе часов. Если неотрывно смотреть на стрелку, кажется, что ничего не меняется, но стоит отвлечься на какое-то время, глядь, а стрелка уже переместилась. Так и сестра – стоило Чико выйти из дома, уехать куда-нибудь с отцом или отправиться пострелять в овраге – к его возвращению на ее станке уже виднелся изрядный кусок будущей шали. И как только у этих девчонок достаёт упрямства сидеть неотрывно перед станком? И ради чего? Ради того, чтобы, накинув шаль на плечи, с гордым видом показаться перед другими девчонками, у которых такие же домотканые шали на плечах?

– Ты знаешь, где я был? – сказал Чико, оглянувшись, не слышит ли его кто-нибудь из друзей. – Я был в горах.

– В горах? – едва слышным эхом отозвалась Луисита. Она поднесла пальцы к губам, а брови ее поднялись дугой.

Чико, прочитав в глазах Луиситы неподдельный испуг, был польщен тем, что хотя бы эта слушательница смогла по достоинству оценить опасность его ночной прогулки.

– Я нашел лагерь Кальверы. Я их выследил, подкрался незаметно. Все разузнал, теперь они у нас в руках... Кальвера стоял со мной рядом. Вот как ты. Нет, даже ближе, вот так...

Чико шагнул к Луисите боком, чтобы наглядно продемонстрировать, какой угрозе подвергалась его жизнь в лагере бандитов. Но здесь его подстерегала иная опасность. Луисита тоже шагнула ему навстречу, и теперь они стояли под деревом близко друг к другу.

Малыш, подчиняясь какому-то незнакомому, пугающему и приятному чувству, взял девушку за руки и притянул еще ближе к себе.

И тут же, вспомнив ее тяжелую руку и звон в своем ухе, решительно выпустил тонкие запястья и мужественно скрестил руки на груди.

– Ты бы только видела, как посмотрел на меня Крис, когда я рассказал это ребятам, – гордо сказал он и расплылся в самодовольной улыбке. – Сам О'Райли похлопал меня по плечу. И Брик тоже. Он сказал, что я его удивил. Представляешь? Я его удивил! А этих ребят трудно чем-нибудь удивить, да. Уж они видали такое...

Луисита провела кончиками пальцев по его щеке, по губам и подбородку. Он перехватил ее руку и отвел от лица, но не спешил выпускать.

Он чувствовал, как слаба и податлива эта тонкая хрупкая кисть, и ему нравилась эта слабость.

В него словно вливалась новая сила, веселая, искрящаяся, звенящая. Чико хотелось подхватить Луиситу на руки и закружиться с ней под музыку, которая вот-вот зазвучит.

– Ты пошел ночью в горы, чтобы принести для меня еловую кору? – тихо спросила она. – Не говори ничего...

– Да, эти ребята видали такое, что тебе и не снилось, – продолжал говорить Чико, слегка пристыженно уходя от темы еловой коры.

Кору он, конечно, соберет. Но всему свое время. Сейчас у него есть дела и поважнее. Чико сказал важно и почти торжественно:

– И они приняли меня в свой круг, ты понимаешь? Теперь я один из них, понимаешь ты это или нет? Я буду всегда с ними. Я не буду фермером. Как мой отец. Как твой отец.

Она по-прежнему ничего не отвечала, лишь смотрела на него неотрывно. И он сбился, забыв, о чем хотел сказать.

Еще никто и никогда не смотрел на него так. Этот взгляд ничего не спрашивал и ничего

не требовал, но Чико чувствовал, что сейчас он должен что-то сделать. Его руки сами тянулись к ней. Он бережно схватил Луиситу за локотки, то ли притягивая к себе, то ли отталкивая.

Он вдруг понял, на что похоже чувство, которое переполняло его сердце. Как-то они с отцом возвращались ночью на ферму из дальней поездки. Чико не помнил уже, куда и зачем они ездили, помнил только, что страшно устал, продрог и вымок под сильным ливнем. Можно было укрыться под деревьями и переждать грозу, но впереди они увидели огонек. Это светились окна их фермы. И они с отцом поехали дальше, с каждым шагом по скользкой глинистой дороге приближаясь к родному теплему огню.

Вот такой же родной и теплый огонь светился сейчас в глазах Луиситы, и Чико тянулся к ней, словно стремился вернуться под любящий кров, в уют и покой.

Но этого делать нельзя, говорил он себе. Нельзя бросить друзей. Нельзя оставить команду. Особенно сейчас, когда все повисло на волоске, когда все силы должны быть напряжены и брошены в бой... А потом? Разве он сможет бросить друзей, когда они одержат наконец победу над этим ненавистным Кальверой? Тогда их дружба станет еще крепче, и он будет принят в команду, как равный среди равных. И никто не будет больше называть его Малышом. Разве тогда он сможет бросить друзей?

Нет, никогда...

– Ты думаешь, что я останусь тут? – спросил он срывающимся голосом. – Буду пахать вашу землю, пасти ваших коров? Ну посмотри на меня, разве похож я на твоих земляков?

Она кивнула и потянулась к его губам.

– Похож?! Стой, стой, – он попытался отстранить ее, но вместо этого сам же притянул ближе к себе. – Стой, погоди. Запомни, я тут не останусь. Мне тут нечего делать. Я вырос совсем в другом мире. Остаться в твоей деревне? Да это все равно что зарыть меня в вашу землю! Я что, похож на самоубийцу? Нет, даже не думай об этом. И никакие твои хитрости не помогут.

Он коснулся носом ее душистых волос. Это был запах ночного цветка. Он часто сидел дома на крыльце и смотрел в звездное небо, ловил этот аромат в ночном ветре, долетающем из прерии...

Звездное небо здесь такое же, каким было дома, подумал Чико. И, поняв, что скатывается с завоеванных позиций, мысленно добавил: и даже пыль здесь такая же рыжая и въедливая.

Тонкие жаркие руки Луиситы вдруг обвили его шею, а дыхание обожгло ему грудь. Сопrotивляясь из последних сил, Чико наклонился к девушке и, касаясь губами ее нежной щеки, прошептал:

– Напрасно ты думаешь, что меня можно чем-то удержать... если я решил, то уже ничто меня не остановит...

Больше он ничего сказать не успел, потому что ее губы запечатали его рот самой горячей и самой сладкой печатью.

Этот поцелуй длился целую вечность. Ну, честно говоря, чуть меньше. Потому что когда Луисита оторвалась от него и убежала, Чико еще долго стоял один, обнимая своего чалого мерина за холку и бессмысленно улыбаясь. Таким его и застал Крис, когда сошел с крыльца.

ВИНСЕНТ КРОКЕТ, ЧЕЛОВЕК ТЕМНАЯ СОВА

Я уже хорошо знал, чего следует ожидать от Криса, когда он безмятежно улыбается. Чем безмятежнее была его улыбка, тем неуютнее становилось мне рядом с ним, потому что мы, дезертиры, очень не любим воевать. Улыбка Криса всегда предшествовала заварушке.

В его бритой голове уже наверняка созрел план ночной вылазки. Дорога в лагерь противника нам известна. Охранение отсутствует. Личный состав зализывает раны и пьянствует. Под утро бандиты заснут. Наша задача – сделать так, чтобы проснулось их как

можно меньше.

Для того чтобы воплотить в жизнь этот простой и очевидный план, Крису нужны были исполнители. Конечно, я был первым, на кого он посмотрел после слов «Они не заслужили права спать спокойно». Странно. Что в моем поведении дало ему хоть малейший повод подумать, что Винсент Крокет способен зарезать спящего?

На тот случай, чтобы уточнить свое понимание его вопрошающего взгляда, я провел пальцем по горлу. И Крис кивнул. Ничего не поделаешь, я пожал плечами и кивнул в ответ.

Тогда он, по-прежнему не говоря ни слова, повернулся к Брику. Брик ответил:

– Я займусь их лошадьми.

Мне стало немного обидно. Ну почему именно мне достается самая грязная работа?

Почему именно меня из всей молодой поросли луизианских Крокетов отправили в армию, и, вместо того, чтобы четыре раза в месяц блистать остроумием на губернаторском балу, я триста шестьдесят пять раз в году прикусывал свой галльский язык, проглатывая прямые и не спровоцированные устные оскорбления?

Все это можно было бы стерпеть, но почему именно меня одного из всей школы рейнджеров не отправили охранять закон и порядок Луизианы или хотя бы Техаса? А вместо этого сослали в действующую кавалерию, да еще в негритянский полк? Почему во всем огромном кавалерийском полку именно меня назначили в расстрельную команду?

И почему только я один решился нарушить присягу и перечеркнуть всю свою жизнь, когда сбил замок с клетки, где держали индейцев, и укакал в горы? Наверно, в этом кавалерийском полку никто и никогда не отказывался расстреливать пленных, так почему именно я покрыл знамя части таким позором?

Нет, с какой стороны ни посмотри, есть закономерность в том, что только мне достается самая грязная работа. Даже Брик, которому ничего не стоило засадить клинок в сердце случайного знакомого, отказался пойти со мной на это грязное дело. Черт возьми, но кто-то же должен это сделать...

– Хорошо, – сказал Крис. – О'Райли?

– Я пойду с Винном, – ответил ирландец.

Я был готов обнять его и тут же мысленно перечеркнул все горькие слова, что гремели, перекатываясь, у меня в башке. Старый солдат не забивал себе голову размышлениями. Война вообще грязное дело, так что на ней не приходится выбирать. Что бы ты ни делал, все равно запачкаешься.

– Что это вы затеяли, парни? – спросил Гарри, оглядывая нас. – Куда это вы собрались на ночь глядя? Давайте лучше не будем тратить время и соберем вещички. С первыми лучами солнца я готов покинуть этот неблагодарный край.

Крис выставил перед собой ладони, как бы отталкивая Гарри:

– Дружище, ты можешь спокойно собираться в дорогу, не обращай на нас внимания.

– Имей в виду, без тебя я не уеду, – нервно ответил Гарри и наклонился к нему, опираясь на стол. – Мы вместе приехали, вместе и вернемся.

– Боишься, что все изумруды мы поделим без тебя? – спросил О'Райли.

– Не верю я ни в какие изумруды! – повернулся к нему Гарри. – Я не верю, что несколько человек могут справиться с бандой. Я не верю, что мы вообще нужны этим крестьянам. Они привыкли к своему Кальвере, как привыкли к дождям, засухе, ураганам и саранче. Мы им только мешаем.

– Гарри, все, что ты говоришь, правильно. Но ты говоришь не все, – сказал я. – Когда идет мелкий дождь, они не обращают внимания, а когда хлынет ливень, прячутся под крышу. Когда Кальвера берет с них дань, они отдают и не обращают внимания. Но когда он забирает все, они берутся за оружие. Их оружие – это мы. Чем я отличаюсь от мачете, булыжника или вил? Ничем, если крестьяне используют меня для защиты точно так же, как они используют вилы.

– Ну, – сказал Ли, – по крайней мере, одно отличие все же существует. Вилы не действуют самостоятельно. Кстати, для этой вылазки вилы как раз были бы не лишними.

Надежное и бесшумное оружие. Но в лесу ими не размахнешься. Винн, если не возражаешь, я с тобой.

Крис встал.

– Три минуты на сборы. Чико, покажешь нам дорогу, а потом останешься охранять лошадей.

– Почему это? – капризно спросил Малыш. – Они никуда не денутся. Лучше я помогу Брику.

– Брику помогу я, а ты побудешь с лошадьми, – сказал Гарри сердито. – Ну, что вы все на меня смотрите? Пошли собираться, ночные хищники.

Я достал из седельной сумки нож и оселок. Сколько оленей и бизонов я разделал этим ножом, не сосчитать. А лезвие не затупилось до сих пор. Мне достаточно было капнуть немного масла на арканзасский камень, подложить монету под клинок и несколькими плавными движениями заправить режущую кромку.

На столе лежала на блюде свежая пышная лепешка, покрытая полосатым полотенцем. Я взял ее за край, пальцы погрузились в мягкую румяную корку. Вытер нож о рукав и, чтобы убедиться в его остроте, слегка провел лезвием по краю лепешки, срезав его без единой крошки.

Нож выручал меня не только на охоте. Было дело, мне пришлось его выхватывать из-за голенища, когда мы схватились с разведчиками из племени сиу. Грязные ренегаты. Они выслеживали нас, а по их следам уже двигалась кавалерия. Меня и вождя, Большого Окуня, они попытались захватить живыми и набросили на нас сетку, когда мы шли по узкой тропе. Нож легко пропорол сеть, а потом еще легче вспорол брюхо того, кто уже сидел у меня на шее. Эта сталь знает вкус крови, в ней можно быть уверенным.

Свои сапоги я оставил под лежаком, а вместо них надел мокасины. Старую сорочку запихнул в ящик с золой и как следует вывалял там, чтобы она поменяла цвет и из серой превратилась в... Как же назвать этот цвет? Черт, назовем его цветом мексиканской ночи.

Шейный платок я повязал так, чтобы легко было натянуть его снизу до самых глаз.

Когда я вышел из дома, все уже ждали меня. Я забрался в седло.

– Мы забыли сделать еще кое-что, – сказал Гарри. – Надо обмотать копыта, чтобы не шуметь по дороге. Ночью звук улетает далеко.

Рохас привел с собой троих крестьян, и они быстро помогли нам обвязать ноги лошадей обрывками крепкого холста.

– Куда вы отправляетесь? – спросил он.

– Надо навестить Кальверу, – сказал Крис. – Постараемся отбить или разогнать его лошадей, тогда ему будет труднее нападать на нас. Чико покажет дорогу.

– Возьмите меня, – попросил Рохас. – Я тут каждый камень, каждый кустик знаю.

– Нам надо, чтобы в деревне тоже оставался надежный человек, – сказал Крис. – Тебе мы верим. Если что-то случится, ты сумеешь организовать оборону.

– Если что-то случится с вами, что мне делать?

– С нами ничего не может случиться, – сказал Крис.

– В горы идут две дороги, – сказал один из крестьян. – Лучше двигаться по той, которая проходит мимо кладбища. Она подлиннее будет, зато вас не будет видно из леса.

Крис кивнул ему, и мы бесшумно двинулись из деревни. Признаться, мне не понравилось, что Крис говорил о вылазке с крестьянами. Не следует обсуждать дело с теми, кто в деле не участвует. Не могу сказать, что я не доверял именно Рохасу и его землякам. Нет. Я вообще никому не доверяю в таких делах.

Светила полная луна, и это тоже мне не нравилось. Правда, как только мы свернули на лесную тропу, лунный свет перестал слепить. Мы ехали медленно, пригнувшись к конской голове и держа в руках перед собой винчестеры, чтобы отвести невидимую ветку раньше, чем она хлестнет по глазам.

Скоро Чико, ехавший первым, встал, и мы спешили рядом с ним. Наших лиц не было видно под натянутыми платками, и только глаза блестели под полями надвинутых шляп.

Крис показал пальцем на меня и О'Райли, потом на себя и Ли. Мы разошлись парами, медленно взбираясь по склону. Едва заметный ветерок из-за черной стены деревьев приносил запахи костра, подгоревшего хлеба и застарелой человеческой мочи.

У ирландца в одной руке был револьвер, в другой короткая пика, какими забивают свиней. Я держал нож и кольт за поясом и свободными руками чутко ощупывал ветки перед собой, чтобы бесшумно раздвигать их.

Запах костра становился все более отчетливым. Но это был кислый запах погашенного костра. Не было ни дыма, ни отблесков пламени на листьях и стволах. Если бандиты заснули и дали костру угаснуть, они замерзнут, и кто-то обязательно проснется, чтобы раздуть пламя. И проснется он, конечно, в тот самый момент, когда я поравняюсь с ним... Но почему не слышно лошадей? Чико рассказывал, что лошади стоят где-то рядом, но я не слышал их фырканы или перетапывания и не чувствовал их запаха.

О'Райли, двигавшийся справа, остановился и дважды щелкнул языком. Я повернулся к нему, и он медленно стянул с лица платок.

– Пусто, – сказал он. – Они ушли.

ИЗМЕНА

Стоя у остывающего кострища, Крис молча ворошил золу носком сапога. Его товарищи стояли вокруг, напряженно вглядываясь в темноту между деревьями.

– Нас обманули, – сказал О'Райли.

– Их кто-то предупредил, – сказал Ли.

– Кто знал о том, что мы сюда едем? – спросил Гарри. – Ну да. Те крестьяне, которые обворачивали копыта. И дорогу нам показали длинную, а сами по короткой дороге прибежали сюда и предупредили.

– Тогда почему Кальвера не устроил засаду? – спросил Винн. – И костер остыл давно. Кто еще знал, что мы собираемся сюда? Знал кто-нибудь, кроме тех ребят с Рохасом?

Все молча переглянулись. В тишине было слышно, как засопел Чико. Он вытер взмокшее лицо шляпой и задумался, тиская ее в руках.

– Может быть, они все-таки ушли? – с надеждой произнес он. – Я слышал, они собирались в какой-то город... Матаморос? Там народ жирный и туда не суются гринго, так они говорили.

– Матаморос далеко. Очень далеко. Им никто не мешал сделать это утром, если бы они хотели уйти, – сказал Крис.

– Значит, они напали на деревню? – предположил Гарри. – Но Рохас... Он не дал бы им войти без единого выстрела. Что-то здесь не то... Говорил я вам, поехали в Колорадо. Теперь ломай голову с этим Кальверой...

Смельчакам не пришлось долго думать. Когда они подъехали к деревне и остановились на площади, двери лавки Сотеро внезапно распахнулись, и на крыльцо вышел... сам Кальвера!

Словно из-под земли тут и там возникали фигуры бандитов. На веранде перед лавкой ярко горели две лампы, и все семеро оказались внутри освещенного круга. Из темноты на них смотрели стволы винчестеров, и было их слишком много. За спиной Кальверы через распахнутую дверь Крис увидел Рохаса, окруженного бандитами. Он был связан, и на лице его краснела полоска крови, стекающей со лба.

Ликующий Кальвера распахнул объятия, стоя на крыльце;

– Кого я вижу!

Крис с трудом удержался от того, чтобы выстрелить в него. Жизнь Кальверы не стоила даже капельки крови его друзей. А все они сейчас были окружены бандитами.

Если Кальвера устроил им засаду и не убил сразу, значит, у него что-то иное на уме. Погибнуть мы всегда успеем, а сейчас не мешает послушать краснобая, решил Крис.

– Какая неожиданность, да? – Кальвера упивался ситуацией, торжествующе переводя

взгляд с одного застывшего пленника на другого. – Ваши души уже могут собираться в дорогу. Вы отправитесь вслед за моими людьми, в ад! Если, конечно, пожелаете...

– А если не пожелаем? – спросил Крис.

– Правильно, – кивнул Кальвера. – Никто не желает попасть в ад раньше других. И вы не желаете, и я не желаю. Как видите, у нас есть что-то общее. Может быть, присядем, поговорим?

Он развалился на стуле. Крис стоял неподвижно.

– Как быстро все меняется в этой жизни, – сказал Кальвера глубокомысленно. – Удивительно быстро, не правда ли? Еще недавно эти крестьяне были моими друзьями. Потом вдруг они стали вашими друзьями. А сейчас они снова отвернулись от вас и перешли на мою сторону. Дружба с такими людьми, как вы, обходится для них слишком дорого. Они больше не любят вас. И знаете, почему? Вы заставляете их выбирать. Заставляете думать. Принимать решения. Это такая мука для тех, кто не привык поднимать свое лицо от земли! И они вернулись ко мне. Потому что я не оставляю им выбора. Выполняйте мои приказы, и все! Вот почему мой добрый друг Сотеро попросил меня вернуться. Но ближе к делу! Итак, вы полностью в моих руках, вам это понятно?

Он оглядел пленников, но никто не ответил. Крис так же обвел взглядом товарищей.

Винн оставался в седле. За его спиной маячили на крыше, нацелив на него винтовки, две фигуры в сомбреро, и Крис очень надеялся, что Винн их заметил и не попытается затеять драку.

Брик стоял, окруженный тремя бандитами. Они упирали в него стволы своих винчестеров, словно хотели проткнуть его тощее тело. А он с искренним любопытством изучал кончик своего сапога.

Ли, Гарри и О'Райли тоже стояли спокойно. С разных сторон на них были нацелены две дюжины стволов. Ли наверняка сосчитал все быстрее остальных и стоял в расслабленной позе, заложив большие пальцы в карманы своего шелкового жилета.

И только Чико беспокоил Криса. Малыш тяжело дышал, не сводя горящих глаз с Кальверы.

– Так, – сказал Кальвера, не дождавшись ответа. – По крайней мере, никто не спорит. Также хорошо. Ваши жизни в моих руках. Но я не хочу вас убивать.

– Подозрительная доброта, – усмехнулся Крис.

– Это не доброта. Это практичность, – Кальвера многозначительно поднял вверх палец. – Я ничего против вас не имею. Поговорим как два опытных человека. Ничего личного, только бизнес. Вы, господа, приехали сюда из Техаса. У вас там много друзей. И если с вами что-то сейчас случится, то я уже никогда не смогу побывать в Техасе. У нас тут новости разлетаются быстро. Зачем же я буду из-за вас ломать свой бизнес? Поэтому вот что я вам предлагаю. Я вам предлагаю свободу. Отправляйтесь домой, и забудем о нашей встрече.

– Домой? – спросил Крис. – Прямо сейчас?

– Да, прямо сейчас, – живо ответил Кальвера. – И я даже помогу вам. Я дам вам еду на дорогу, чтобы вы не проголодались. Вы заберете своих лошадей и все свои вещи. Единственное, что вы оставите здесь, – свое оружие.

Крис еще раз обвел товарищей взглядом. Сдать оружие? Это могло означать только то, что смерть отложена на несколько минут. Но зачем Кальвере хитрить? Он мог без особых хлопот перестрелять их при въезде в деревню. Но не сделал этого. Может быть, не сделает этого и тогда, когда они останутся безоружными?

Он перехватил взгляд Винна, и тот едва заметно кивнул ему.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Мы уйдем, – сказал Крис. – Могу я узнать, что будет с жителями этой деревни?

– Они получают по заслугам! У них начинается новая жизнь, по новым порядкам, но сначала надо сполна рассчитаться за старое! – Гримаса злобы перекосила физиономию Кальверы. – Это не зависит от того, убью я вас или отпущу. Поймите...

Кальвера привстал, опираясь руками о стол. Приблизив свое лицо к лицу Криса, он жарко заговорил, понизив голос:

– Поймите, это же политика. Политика! Мне надо держать их в страхе. Они должны навсегда усвоить, что я для них и отец, и мать, и бог, и дьявол. Вы помогли мне в этом, именно поэтому мне незачем вас убивать. Я ничего против вас не имею. Я верну вам оружие, как только вы уедете. Вы увидите, как я вам доверяю. Вы же деловой человек, и вы не повторяете невыгодных операций. Это бизнес. Просто бизнес, ничего личного.

Крис положил руки на пояс, засунув большие пальцы под пряжку. Все замерли, и даже Кальвера затаил дыхание, и на носу его застыла капелька пота.

– Хорошо, – громко и отчетливо произнес Крис. – Мы сдаем оружие.

Он расстегнул пряжку, сдернул набедренную кобуру и аккуратно положил пояс с оружием на стол перед Кальверой. Вторым подошел Брик. Его пояс так увесисто упал на стол, что Крис невольно удивился – как же он мог таскать на себе такую тяжесть? Впрочем, освободившись от груза, Брик ничем не показывал, что испытывает облегчение. Скорее, наоборот.

Ли сдал свою набедренную кобуру с длинноствольным «смит-вессоном», а потом, подумав, извлек из-под жилета еще и короткоствольный револьвер. Опустевшую потайную кобуру он сдавать не стал, наверно, справедливо полагая, что она к нему не вернется, даже если бандиты намерены исполнить обещание главаря.

Крис внимательно следил глазами за Чико. Малыш, когда настала его очередь, резко побледнел и порывисто шагнул вперед. В следующий миг его револьвер оказался в руках Криса, а потом – на столе Кальверы.

– Все идет отлично! – сказал главарь бандитов. – Сантос! Собери их карабины из седельных подсумков. Пусть лошадки не страдают от тяжести оружия. По крайней мере, пока не пересекут Рио-Гранде! Идите, господа, собирайтесь в путь. Если вы испытываете нужду в чем-либо, можете смело брать это у местных жителей. Все они – ваши должники!

И Кальвера залился злорадным смехом.

ВИНСЕНТ КРОКЕТ, АДВОКАТ И УТЕШИТЕЛЬ

Я еще не знал, удастся ли мне дожить до утра, но уже понимал, что мистеру Кальвере жить осталось недолго.

Он поступил по-своему благоразумно, не начав стрелять в нас, когда мы приблизились на расстояние выстрела. В ночной перестрелке пули подчиняются не стрелкам, а судьбе. А искушать судьбу даже Кальвера боится.

Хватит ли ему благоразумия уничтожить нас по дороге?

Пока главарь банды вел себя, как опытный командир. Взять хотя бы его встречный маневр, когда он без единого шороха снялся из лагеря и вошел в деревню. Его бойцы подчинялись ему беспрекословно. Характерно, что я ни разу не услышал голоса ни одного из бандитов. Не считая предсмертных криков, конечно. Когда Кальвера говорил, они не просто молчали – они превращались в камень. Да, эту команду трудно напугать. Ее можно только уничтожить.

Впрочем, они бьются за жизнь. Не их вина, что жизнь им досталась именно такая – скитаться по горам, отнимать хлеб у крестьян, утонять скот у фермеров...

Они бьются за свою жизнь. А мы – за свою. Мы тоже не виноваты, что встретили на своем пути этих несчастных землепашцев и согласились защитить их право безбоязненно пахать землю.

Вот в это все и упирается. Пахать землю. Мы можем сколько угодно геройствовать и гарцевать, извергать ливни свинца и проливать реки крови – но от этого на земле не прибавится ни единого зернышка. А земля существует для того, чтобы давать людям хлеб. Поэтому нам придется уничтожить Кальверу. Иначе он уничтожит мечтателя Рохаса, непоседу Мигеля и скупердя Хилларио, и они уже никогда не засеют землю, и их урожай не

накормит голодных.

Никто, кроме нас, не избавит этих людей от Кальверы. Вот почему Кальвера, опытный командир и деловой человек, не выпустит нас живыми.

И все-таки что-то подсказывало мне, что ему жить осталось недолго.

Крис сидел за столом, сцепив пальцы, и смотрел в пространство. На губах его играла та самая скептическая улыбка, с которой он когда-то взобрался на катафалк, чтобы назло всем похоронить несчастного индейца по-человечески.

– Да не принимай ты все так близко к сердцу, – сказал я ему. – Чего только в жизни не бывает. Ну, мы проиграли в этот раз, ну и что? Никто и не обещал, что мы всегда будем в выигрыше.

Крис молчал и глядел перед собой, словно не замечая меня. Я бы предпочел, чтобы он сейчас ругался самыми страшными словами, но он молчал.

– Нельзя относиться слишком серьезно к тому, что от тебя не зависит, – сказал я. – Ты же не можешь остановить дождь, вернуть на дерево опавшие листья или превратить пепел и угли в дом, который сгорел у тебя на глазах. Иногда понимаешь, что ты бессилен. Зато тем больше радуешься, когда замечаешь, что хоть что-то в твоих силах.

– У тебя найдутся силы немного помолчать? – спросил он.

Хороший знак. Оказывается, Крис меня слышит. И я подсел к нему. Мне захотелось обнять его за плечо и встряхнуть, как это делал когда-то мой отец.

– Я знаю, что с тобой, – сказал я. – Потому что со мной то же самое. Черт с ним, с Кальверой. Он не победил, и мы не проиграли. Жалко только бросать деревню.

Он посмотрел на меня с интересом.

– Тебе жалко эту деревню?

– А что? – сказал я. – С самого первого дня она начала меня затягивать. Мысли всякие появились. Повесить кобуру и винчестер на гвоздь, засучить рукава и взяться за мотыгу. А какие здесь женщины... Я стал подумывать, а не пора ли мне жениться? Обзавестись хозяйством, нарожать детей... И вот все это приходится перечеркнуть. Знаешь, мне часто приходилось менять свои планы, и каждый раз это дается все больнее. Наверно, возраст. Конечно, легче жить в одиночку. Но сколько можно скитаться без своего угла? Посмотри, все мы одиночки, даже Малыш. Пора осесть, зацепиться за кусок земли... Но не получилось. Ты ведь тоже об этом думаешь?

Крис тепло улыбнулся, но ничего не ответил.

– Так что знай, не ты один попался на крючок, – сказал я ему. – И тебе не в чем винить себя. И незачем злиться на нас.

– Нет, – сказал он. – Я виноват, и ты это знаешь не хуже меня. За утешение спасибо, из тебя мог бы выйти хороший адвокат.

– Сейчас меня больше устроила бы должность судебного исполнителя, – сказал я. – Очень хочется привести приговор в исполнение.

– Похоже, нас самих приговорили, – сказал Крис. – Далеко мы не уедем. Я полагаю, до реки.

– Ну, это мы еще посмотрим, – сказал я. – Не пошлет же он с нами всю банду. Кстати, у него осталось двадцать пять человек.

– Я насчитал двадцать шесть. А много ли надо, чтобы убить семерых безоружных? – спросил Крис. – Хватит и одного человека с семизарядником.

– У тебя есть идеи? – спросил я.

– Пока нет, – сказал Крис. – Мне лучше думается на ходу. Поедем, тогда и придут идеи.

Он встал, подошел к лежаку и начал скатывать свое одеяло. Но вдруг остановился и произнес, не оборачиваясь ко мне:

– Говоришь, тебе часто приходилось перечеркивать свои планы? Мне легче. У меня никогда не было никаких планов.

Я еще не слышал, чтобы Крис говорил так мягко и задумчиво. Наверно, хотел ответить искренностью на мою искренность.

– Я не строил никаких планов, дружище. Я просто шел своей дорогой и заходил в ту дверь, которая открывалась сама собой.

– А если это ловушка? – я не удержался от вопроса.

– Жизнь сама по себе ловушка. С приманкой, которая светится где-то впереди. Обещание радости, покоя, свободы. И пока веришь этим обещаниям, можно жить, – он скатал одеяло и туго перетянул скатку двумя ремешками. – Однажды я шагнул в дверь, которая оказалась люком трюма. Пароход шел в Америку. Мы, мальчишки, были влюблены в Америку. «Ястребиный Коготь». «Кожаный Чулок». Читал?

– Нет, – сказал я. – Но у меня был друг, Человек Ястребиный Клюв.

– Когда ко мне заявился Рохас, – Крис усмехнулся, – наш работодатель... В тот момент мне почудилась, что передо мной открывается новая дверь. И я шагнул туда. Никаких идей, никаких планов. Просто шагнул. Потому что одна дверь ничем не отличается от другой. За каждой – одно и то же. Слабые люди и сильные люди. Богатые и бедные. Нормальные и уроды. А тебе остается только выбрать, на какой стороне жить. Я выбрал бедных, потому что сам бедный. Беда в том, дружище, что бедные всегда проигрывают. Потому-то они и бедные. Но я выбрал эту сторону.

– А я выбрал тебя, – сказал я. – И все ребята выбрали тебя, не задумываясь о том, что выбрал ты. Мы тебе верим, и все тут. Ты должен об этом помнить, Крис. Ты не один.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

В предутренних сумерках дон Хосе Игнасио Кальвера, безраздельный хозяин деревни и ее окрестностей, стоя на заднем крыльце дома Сотеро, произносил прощальную речь.

Аудитория состояла из семерых пленников, окруженных конвоем во главе с верным помощником Кальверы, Сантосом.

– Там, у себя в Техасе, вы найдете более достойное занятие, чем охранять нищих крестьян. Там ходят поезда, кто-то же должен их грабить, не так ли, Сантос?

Хмурый Сантос кивнул, и после него принялись дружно кивать остальные пятеро бандитов, которые в этот ранний час, вместо того, чтобы нежиться под крышей, должны были конвоировать проклятых гринго.

– Вы можете угонять скот, останавливать дилижансы, потрошить банки, – продолжал разглагольствовать Кальвера, стоя на крыльце и размахивая сигарой. – Масса работы для делового человека. И вам никто не помешает. Кроме правительства, разумеется. Как-то довелось мне в Техасе банк ограбить. Так ваше правительство послало солдат, и они гнались за нами до самой границы. Много солдат, сеньоры, целая армия! А все почему? Потому что я чужак. И это верно, сеньоры. Пускай в Техасе заправляют техасцы. А мы будем заправлять тут. У нас тут начинается новая жизнь! АдIOS!

Сантос ударил коня шпорами и поскакал впереди. Пленники под конвоем направились за ним.

Дождавшись, когда топот копыт затихнет, Кальвера повернулся к лавочнику, стоявшему у него за спиной.

– Ну что, драгоценный мой друг Сотеро, собрались наши подданные? Готовы ли они припасть к нашим ногам и выразить все свое послушание и благоговение? – спросил Кальвера.

– Всех согнали, всех, – подобострастно поклонился Сотеро.

Кальвера изучающе всмотрелся в лицо лавочника. Ему не видно было глаз, потому что Сотеро так и не разогнулся после поклона и держал голову низко опущенной. Может быть, на него все еще давил страх, пережитый во время бешеной скачки по ночному лесу? Его ведь чуть не подстрелили, когда он выбежал к костру из-за деревьев.

Хорошо, что сам Кальвера сидел у костра, не ложась спать. Это спасло жизнь лавочнику.

– Их мало, они все живут в одном доме, – торопливо говорил Сотеро, стоя на коленях

под дулом «маузера», которое упиралось ему в затылок. Их привел в деревню Рохас, он теперь их лучший друг. Рохас, Мигель, с ними еще несколько бездельников, у них есть ружья, но стрелять они не умеют, и патронов у них почти не осталось. Их надо перебить сейчас, пока они спят.

– А если они не спят? – поинтересовался Кальвера. – Если они затаились по краям дороги и перешелкают нас, как цыплят?

После этих слов лицо Сотеро покрылось блестящими крупными каплями пота. Он застучал зубами так громко, что все рассмеялись.

– Ладно, друг Сотеро, поверю тебе. Ты никогда меня не обманывал, – сказал Кальвера и встал, щелкнув пальцами. По этому знаку вся банда поднялась на ноги, бесшумно собралась и двинулась по знакомой тропе вниз, к спящей деревне...

– Друг Сотеро, выпрямись, – сказал дон Хосе Игнасио де Рибейра Кальвера, касаясь кончиками пальцев плеча лавочника. – Не забывай, ты здесь хозяин. Веди себя достойно. У нас с тобой начинается новая жизнь.

Новая жизнь начиналась не только в этой деревне. Последняя прогулка по Техасу была не слишком удачной, зато на обратном пути Кальвера узнал много нового. В городах снова поменялась власть. Солдаты воевали с солдатами, и никому сейчас не было дела до безобидной банды конокрадов.

Один из компаньонов Кальверы, скотопромышленник Суарес, всегда скупавший у него краденых мулов, нынче выбился в люди и стал правой рукой губернатора, плакаты с его портретом висели на городских улицах, призывая вступить в какую-то партию.

Люди Суареса отказались в этот раз от мулов, но пообещали, что Кальверу никто не тронет, если в табуне, который он пригонит в следующий раз, случайно попадет несколько десятков лошадок с чужим тавром. Поначалу Кальвера расстроился из-за мулов, которых он с таким трудом пригнал из-за реки и которых теперь придется куда-то сбывать. Он так расстроился, что смысл сказанного дошел до него только тогда, когда банда уже удирала из деревни от этих проклятых гринго. "Никто меня не тронет, никто не тронет, а тут эти..." – возмутился Кальвера.

И вдруг его осенило. Если никто его не тронет, то зачем ему прятаться в лесу? Разве не лучше расположиться в деревне? Теперь, когда солдаты воюют с солдатами, а друг Суарес записывает людей в свою партию, теперь-то от кого ему прятаться? И Кальвера решил вернуться в деревню и больше не оставлять ее никому. Он решил это без подсказки лавочника. Сотеро только помог сделать это быстро и безболезненно.

Кальвера вышел на веранду, освещенную несколькими масляными лампами.

Площадь перед ним была заполнена жителями деревни. Фермеры в белых рубашках, женщины в темных платьях, их босоногие дети – все были здесь. Поодаль стояли связанные бунтовщики.

– Теперь вы поняли, кто тут хозяин? – выкрикнул он, оглядев толпу.

Его высокий резкий голос отразился от стен церкви. Толпа замерла, не издавая ни звука. В ночной тишине только невидимые цикады продолжали мерно пилить свои скрипки, не обращая никакого внимания на речь Кальверы.

Он недовольно нахмурился: первая фраза вырвалась у него сама собой. Кальвера хотел начать с других слов, с тех, что красовались на плакатах Суареса. Но вспомнить их не мог, как ни напрягал свою память. Что-то про свободный труд, про родину, про достоинство и порядок...

Сотеро сзади шепнул:

– Дон Хосе, ваши люди хотят спать. Можно, я пока разведу по домам тех, кто не стоит на охране?

Кальвера возмущенно повернулся к лавочнику, но ничего не сказал. Лавочник был прав. Люди хотели спать. Они просто с ног валились. А красивые речи можно будет произнести завтра утром, когда все подходящие слова всплывут в его памяти.

Но пока не сделано самое главное дело, спать никто не ляжет.

– Кто из этих бунтовщиков самый отъявленный? – спросил он у лавочника.
– Вон тот, Рохас, – Сотеро незаметно показал пальцем.
– На ветку его! – скомандовал Кальвера, и трое его новых телохранителей кинулись исполнять приказ.

Они выхватили Рохаса из шеренги связанных крестьян, повалили его на землю и обвязали ноги веревкой. Так, за ноги, и доволокли его до сухого дерева у фонтана и подвесили головой вниз.

Белая рубашка Рохаса закатилась, обнажив спину и живот. Кальвера подошел к нему, постукивая плеткой по ладони.

– Кажется, ты не успел попрощаться со своими друзьями, – сочувственно сказал он. – Ну, ничего. Думаю, они услышат, как ты их зовешь.

Он отвел руку за спину – и плетка со свистом впилась в обнаженную кожу. Рохас дернулся, изгибаясь от боли.

– Кричи, – приказал Кальвера. – Кричи!

Он хлестал изо всех сил, но слышны были только щелчки ударов и свист летящей плетки. Рохас молчал.

Кальвера отдал плетку одному из телохранителей, и тот продолжил экзекуцию. Тело Рохаса дергалось и раскачивалось, и бандит бил ногой по голове, чтобы остановить его.

Рохас сносил удары молча, только хрипел все громче. В толпе слышались всхлипывания женщин.

– Хватит, – приказал Кальвера, поняв, что упрямый крестьянин скорее захлебнется собственной кровью, но, назло врагам, не закричит.

Он вернулся на веранду лавки, поправил жилет и пригладил волосы.

– Теперь вы все видите, кто здесь хозяин, – сказал он, обращаясь к безмолвной толпе. – Я и мои люди. Мы будем жить здесь. Вы будете нас кормить. Всех недовольных мы будем наказывать. Бунтовщиков – казнить. Расходитесь по домам и хорошенько приготовьтесь. Завтра у вас начнется новая жизнь.

РАССТРЕЛ

Топот копыт гулкой дробью раздавался на пустынной дороге, отражаясь от кладбищенской стены. В предрассветном тумане проплывали покосившиеся деревянные кресты.

Крис не погонял своего мерина, спешить было некуда. Винн и Брик скакали вплотную к нему, стараясь прикрыть с боков. За ними трусили двое бандитов, отделяя остальных, но Гарри, Ли, О'Райли и Чико тоже держались кучно, касаясь друг друга сапогами. Замыкали колонну трое всадников, а Сантос скакал то последним, то обгонял колонну, вырываясь вперед и подгоняя остальных. Он торопился и злобно покрикивал на лошадей.

Дорога шла по краю долины, огибая поля и прижимаясь к отвесным безжизненным скалам. Скоро под копытами вместо мягкой пыли, придавленной утренней росой, звонко застучала каменистая поверхность горного склона, и дорога стала подниматься все круче и круче. На верхней точке перевала Крис на миг оглянулся. Отсюда уже было видно желтую разливающуюся полосу над далекими розовыми горами. Скоро взойдет солнце и зальет своими живительными лучами эти притихшие поля в рваных полосах тумана. Оно согреет далекие белые домики в долине, и эту стройную башню часовни, которая гордо возвышалась посреди площади. Отсюда, издавека, она казалась чистой и новой. И площадь выглядела аккуратной, с четким кружком фонтана в самой своей середине.

Винн, крутнувшись в седле, перехватил его взгляд и усмехнулся:

– Надо было бросить монетку в фонтан. Только, черт меня подери, если б у меня была лишняя монетка, я бы здесь не оказался никогда в жизни!

– Хватит болтать! – злобно выкрикнул Сантос. – Пришпорьте своих кляч! А то вы вернетесь в Техас древними стариками!

Лошади, однако, сами замедлили ход, осторожно спускаясь с перевала по осыпающейся дороге. И чем ниже они спускались, тем холоднее становилось вокруг. Здесь, в ущелье, еще стояла ночная сырость, и в голых уродливых ветвях деревьев держался туман, напоминающий обрывки тряпья.

Они проехали по широкой извилистой тропе вдоль лесного ручья. На поляне Сантос остановился.

– Слезайте с лошадей, – приказал он.

– Мы еще не приехали, – возразил Крис.

– Делайте, что я говорю, – сказал Сантос, – если хотите пожить подольше.

Бандиты стояли кольцом по краям поляны, окружив их, и держали винтовки наготове.

– Дон Хосе приказал проводить вас, и я это сделал, – сказал Сантос. – Но я хорошо знаю гринго. Вы хитрые и опасные, когда вас много. По одиночке вы нам не страшны. Поэтому сейчас вы сойдете с лошадей, и мы заберем их. Потом мы уведем их с собой вот по этой тропе. И будем привязывать по одной в лесу. Вы пойдете по тропе за нами. Каждый, кто найдет свою лошадь, сядет на нее и поедет домой. Один. Потому что ему незачем поджидать остальных. Все понятно?

– Нет, не все, – сказал Крис. – Дон Хосе обещал вернуть нам оружие.

– О, не беспокойтесь, сеньоры, – оскалился Сантос. – Вот оно, ваше оружие, в мешке. Мы будем оставлять у каждой лошади по винчестеру и кольту, вы уж потом сами разберетесь, где чье барахло, а нас это не касается.

– Зачем же так все усложнять, – сказал Крис,

– Конечно, все можно сделать проще, – ответил Сантос. – Можно просто перебить вас прямо здесь, на поляне. Но мы этого не сделаем. Потому что дон Хосе обещал вам жизнь. Слезайте с коней!

Крис пожал плечами и покинул седло. Он не верил ни единому слову бандита, но сейчас спорить и сопротивляться было бессмысленно. Его друзья тоже неохотно спустились на землю.

– А теперь отойдите от лошадей, – приказал Сантос, размахивая револьвером. – Вон туда, к ручью! Все, кучкой!

Они стояли спиной к густому кустарнику, под которым скрывался ручей. Вода журчала и поблескивала между толстых оголенных корней, похожих на протянутые из-под земли руки мертвецов.

– А теперь, сеньоры, молитесь, – сказал Сантос и навел револьвер на Криса. – Кто-нибудь из вас умеет молиться? Ну-ка, погромче. Я всю жизнь мечтал услышать, как молится гринго перед смертью.

Бандиты тоже спешили и встали рядом, нацелив винтовки на пленников. Их разделяло не больше семи шагов. В лесной тишине было отчетливо слышно, как скрипнул курок револьвера, который взвел Сантос.

– Я жду, сеньоры, – объявил он. – Обещаю, что тот, кто будет молиться громче остальных, умрет быстро и безболезненно. Я пушу ему пулю не в живот, а в сердце. Обещаю.

Никто не ответил ему. Крис стоял, засунув большие пальцы рук под пояс, и внимательно следил за стрелками. Он смотрел им в глаза, обводя взглядом небритые физиономии под низко надвинутыми шляпами. «Семь шагов? Они либо разыгрывают нас, либо недооценивают», – подумал Крис.

Его еще никогда не расстреливали. В штате Колорадо его ждала виселица. В портовых трущобах Нью-Йорка – нож в спину. Расстрел – это что-то новое. Можно кинуться влево за секунду до выстрела – когда противник целится из ружья, ему трудно повернуть вправо. Это шанс. Семь шагов, и мы сойдемся в рукопашной схватке. А эти ребята не любят, когда противник хватает их за горло. Крис незаметно выставил вперед правую ногу и поплотнее оперся о траву. Только бы не поскользнуться...

Винн, стоявший плечом к плечу рядом с Крисом, ощутил движение его ноги и все

понял. Он чуть отступил, чтобы не помешать рывку Криса. Сам он был готов упасть в ручей, провалившись между ветвями куста. За его спиной ветви расходились, образуя узкий проход, прикрытый листвой. Туда мог нырнуть только один человек. Если повезет, можно было убежать в лес, а потом, когда преследователи растянутся, передошлеть их по одному. Пятнистая шляпа Винна была обмотана шнуром из конского волоса – удавкой, подаренной самим Большим Окуном в минуту прощания.

О'Райли О'Райли стоял, скрестив руки на груди и широко расставив ноги. Он стоял так спокойно и неподвижно, что казалось, стрелять в него бесполезно: пули будут отскакивать от его выпуклой груди, как от скалы. Враги хотели услышать, как он молится? Он молился молча. Он безоговорочно признал все свои грехи и в последний раз раскаялся в них. За это он попросил у Бога только одну дополнительную минуту жизни. Только одну минуту. Пусть даже с десятком пуль в груди, но дойти до врага и сомкнуть пальцы на его горле. И ему показалось, что седобородый старик на облаках благосклонно кивнул в ответ.

Гарри и Брик сомкнули плечи, отеснив Малыша назад. Он попытался вывернуться, но остановился, догадавшись, что сейчас суета неуместна.

– Одну минуту, сеньор! – прозвучал дрожащий голос Ли Броуди.

Он отошел в сторону от своих спутников, примирительно помахивая выставленными вперед ладонями.

– Ты священник? – спросил его Сантос.

– Нет, к сожалению, – сказал Ли, продолжая смещаться в сторону.

– А похож. Ну, раз ты не священник, тогда встань вместе со всеми!

– Я не хочу стоять вместе со всеми! – заявил Ли Броуди. – Какое они имеют ко мне отношение? Никакого! Я оказался среди этих людей совершенно случайно. Можете осмотреть мое оружие, я не стрелял из него. Я вообще стрелять не умею. Это не мой бизнес. Я карточный игрок, только и всего.

Сантос брезгливо скривил губы:

– Мне все равно. Ты был с ними, так и оставайся с ними. Я не верю никому из вас.

– Но, сеньор, это несправедливо! – чуть не плача, возмутился Ли Броуди. – Пусть каждый отвечает за себя! Почему я должен отвечать за чужие ошибки?

– Ты тоже совершил ошибку, – с высокомерным назиданием в голосе сказал Сантос. – Ты совершил большую-большую ошибку, когда приехал на нашу землю, гринго. Лучше бы тебе оставаться в своем Техасе.

Ли Броуди сник, и лицо его покрылось красными пятнами. Он стоял, опустив голову и нервно похрустывая сплетенными пальцами.

– Хорошо, – сказал он хрипло и откашлялся. – Хорошо. Значит, вы собираетесь меня убить?

– Представь себе, – Сантос рассмеялся.

– Тогда, сеньор... У меня к вам деловое предложение. Как я понимаю, ваши винтовки тридцатого калибра наделают много дырок в моем костюме. Джентльмены, вы не представляете, сколько мне пришлось заплатить за него лучшему портному Остина! Может быть, вы позволите мне раздеться перед этой малоприятной процедурой? За целый сюртук вам дадут не меньше тридцати долларов! Но если в нем будет дырка, вы не получите и цента!

Он стянул свой черный сюртук и аккуратно положил его на траву.

– Ты совсем свихнулся, бедный гринго, – сказал Сантос. – Тридцать долларов?

– А мой жилет! – сказал Ли Броуди, торопливо расстегивая перламутровые пуговицы сверху вниз. – Это же пешаварский шелк! Это золотое шитье, джентльмены!

Его пальцы спустились к поясу и скользнули за спину. Сантос обернулся к своим людям и сказал:

– Вот она, молитва гринго! Тряпки, доллары, золото...

Бандиты принялись кивать своими сомбреро, приговаривая что-то осуждающе, и Сантос не услышал, как щелкнул взведенный курок. А когда он снова повернулся к

раздевающемуся гринго, тот уже выстрелил из своего короткоствольного револьвера. Три выстрела прозвучали слитно, как один, и гринго нырнул в траву. Рядом с Сантосом повалились трое его людей.

Четвертый захрипел, схватившись за горло, и опустился на колени, секунду спустя он уже корчился на траве, суча ногами, и из-под его пальцев, сжатых на собственном горле, торчала рукоятка ножа и хлестала пульсирующая красная струя.

Пятый кинулся бежать, его черная шляпа мелькала и подпрыгивала над кустарником, и кто-то уже гнался за ним.

Сантос выстрелил в гринго и понял, что промахнулся. И тут же чья-то железная рука схватила его запястье и вывернула назад, и земля кинулась ему навстречу, горячо и больно ударив в лицо колючей травой.

Потом его подняли с травы и поставили на колени.

Гринго, похожий на священника, застегнул жилет и подошел к нему, держа в опущенной руке короткоствольный кольт.

– Можешь молиться, – сказал он Сантосу.

– Лучше отпустите меня, – сказал Сантос. – Если я не вернусь, вы далеко не уйдете.

– Вижу, ты не понял, что случилось.

– Я все понял. Со мной можно договориться, сеньоры, и вы останетесь живы.

– Но ты понял хотя бы, что пленных перед расстрелом надо обыскивать? – спросил гринго, поднеся к его лицу свой маленький кольт.

– Вот это я запомню на всю жизнь, я уж не такой дурак, – искренне сказал Сантос.

– Жаль, – сказал гринго. – Лучше бы тебе оставаться дураком...

Ли Броуди нажал на спуск, и Сантоса отбросило от него. Брик сказал, вытирая нож о поля чужой шляпы:

– Зря. Их надо вешать.

– Чико, поищи, где-то тут наше оружие, – распорядился Крис.

Чико был единственным, кто остался на месте, когда Ли Броуди достал из-за спины припрятанный кольт. Он не мог видеть, происходящего, стоя за спинами Гарри и Брика. А когда раздались слитные выстрелы, все его друзья кинулись врассыпную. Брик метнул нож из рукава. Гарри погнался за убегающим бандитом. Винн и О'Райли навалились на главаря, а Крис выхватил винчестер из рук раненого бандита и пристрелил его.

Все это произошло так быстро, что Чико не успел даже опустить рук, которые сложил перед грудью, шепча молитву.

– Чико! – повторил Крис, стараясь вернуть Малыша оттуда, где он уже наполовину парил. – Посмотри, вон на той лошади какой-то мешок.

Дрожащими руками Чико развязал его и вывалил оружие на траву.

Он нашел свою новенькую кобуру среди кучи потертой амуниции и принялся одеваться. Дрожащие пальцы не слушались его.

– Эй, Малыш, да тебя просто лихорадка колотит, – сказал Винн, разгребая кучу. – Ты не простыл по дороге?

– Я? Нет, я не простыл, – сказал Чико. Губы его тряслись, но когда он начал говорить, дрожь быстро прошла. – Меня колотит из-за этих грязных предателей, этих фермеров! Я знал, что нельзя с ними связываться! Грязные крестьяне! Ничтожные людишки. Откуда им знать, что такое честь, достоинство. Родную мать способны продать... Никогда не прощу им такого предательства... Как же я их ненавижу...

– Так ненавидеть можно только родных, – заметил Крис, застегивая свою кобуру.

Чико застыл. Гневное выражение на его лице постепенно сменилось выражением страдания.

– Родных? Да, я такой же, как они, – сказал он, словно признаваясь в преступлении. – Я вырос в точно такой же деревне. И если бы ничего не случилось, я мог бы стать таким же фермером, каким был мой отец. Я мог бы жениться и жить как все. Кто помешал мне? Оружие. Во всем виновато оружие. Когда у человека есть оружие, у него есть власть. Он

будет командовать другим человеком, безоружным. И я тоже взял в руки оружие. И теперь мне не нужна земля, не нужна жена. Разве я в этом виноват?

Крис похлопал его по плечу:

– Ты ни в чем не виноват, Малыш. И своим оружием ты управляешь не хуже, чем твой отец управлял стадом. Всему свое время. Время стрелять, и время сеять.

– Скажи мне, какое время наступило для нас сейчас? – спросил Чико.

– Ну, у нас есть еще пара часов до стрельбы. Чтобы потом кто-то мог выйти в поле. И сеять за нас.

Брик надел свой пояс, проверил револьвер и вложил его в кобуру. А потом произнес свою самую длинную фразу:

– Не было еще такого. Чтобы кто-то приказал мне бросить оружие? И остался жить?

Он первым поднялся в седло и тронулся вдоль ручья, не дожидаясь остальных. Чико растерянно посмотрел ему вслед. Брик ехал обратно в деревню.

Гарри привязал к седлу своего коня повод одной из бандитских лошадей.

– Хотя не с пустыми руками вернемся, – бодро сказал он, вставляя ногу в стремя. – Брик, ты куда? Нам вниз по течению.

Брик, не отвечая, удалялся вверх по широкой тропе. Вот он свесился с коня, подобрал с травы винтовку, брошенную бандитом, и воткнул ее в подсумок за седлом.

О'Райли двинулся за ним.

– Что с ними, Крис? – спросил Гарри, садясь в седло. – Винн, позови их.

– Зачем? Я с ними, – сказал Винн, усмехнувшись и качая головой. – Ничего не поделаешь. До чего же надоели эти прелести деревенского быта. Соскучился я по белым простыням. Но придется потерпеть еще немного.

Он тоже направил своего коня вверх по тропе.

Гарри растерянно повернулся в сторону Криса:

– Останови их, пока не поздно. Тебя они послушают.

– Поздно, дружище, поздно, – ответил Крис.

– Вы что? Стойте! Брик, Винн! Стойте же! – закричал Гарри. – Мы же только что стояли на краю могилы. Мы чудом остались жить. Нельзя так искушать судьбу. Куда вы собрались? К этим фермерам, которые только что вас предали? Вы возвращаетесь к ним?

О'Райли оглянулся и ответил:

– Каждый сам решает, куда ему возвращаться.

– Все верно, – сказал Крис, похлопывая лошадь по шее. – Каждый решает за себя. Гарри, все нормально. Уезжай.

– Нормально? – Гарри задыхался от возмущения. – Да я в жизни не видел таких ненормальных! Но я-то еще вроде не свихнулся окончательно. Ли, поехали скорей, не могу я смотреть, как люди собираются на кладбище.

Чико взлетел, наконец, на своего чалого мерина, и тот сам, не дожидаясь понуканий, затрусил за лошадью Винна вверх по тропе.

Крис развернулся к оставшимся на поляне:

– Ли, все нормально, поезжай с Гарри. Мне будет спокойнее, если вы будете держаться вместе. Дорога опасна. Поезжай. Ты сделал свое дело, и мы в долгу перед тобой.

– Ты так и не научился считать, – ответил Ли Броуди, укоризненно улыбнувшись. – Это я теперь твой должник.

Гарри ударил кулаком по луке седла:

– Получается, я один здесь еще не сошел с ума окончательно? Чокнутые! Все вы чокнутые!

Он круто развернул коня и поскакал вниз по тропе вдоль ручья.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Лучи рассветного солнца уже осветили верхушку колокольни, но площадь и дома еще

оставались в тени, когда Крис выглянул из-за кладбищенской ограды. В деревне стояла необычная для этого утреннего часа тишина. Никто не выгонял буйволов на поле, не громыхал ведрами в коровнике.

– Они расположились в домах крестьян, – прошептал Винн, подползая к нему. – Подождем, когда О'Райли и Брик займут свои места, и начнем.

На противоположном краю площади над крышей длинного сарая показался силуэт О'Райли. Наклонившись, ирландец волок за собой несколько винтовок. Он медленно переступал по тростниковым пучкам, скользким от утренней росы. Вот его силуэт слился с краем крыши. О'Райли залег там, разложив рядом с собой трофейные винчестеры, чтобы не тратить время на перезарядку.

Где-то за соседними домами, наверно, уже разместился Брик, но его не было видно отсюда.

Чико и Ли заходили в деревню с другого конца. И судя по тишине, заходили успешно.

Винн прокрутил барабан своего кольта и засунул его за пояс. «Смит-вессон» Сантоса висел у него в кобуре под мышкой, а свой он оставил в набедренной кобуре.

Крис не взял себе ничего из трофеев, только зарядил винчестер патронами из пояса одного из убитых бандитов. Он не доверял чужому оружию, да и не нуждался в нем.

При новом соотношении сил на каждого из них приходилось три-четыре противника. С ними можно справиться и одним револьвером. Если все пойдет хорошо, то вшестером они смогут перебить здесь не меньше двух десятков бандитов. Это будет означать конец банды. Если же все пойдет плохо, то уже неважно, сколько оружия висит на твоём трупце.

– Пора, – шепнул Винн. – Пока не проснулись. Устроим веселое пробуждение дону Хосе.

– Погоди, – Крис поднял ладонь, прислушиваясь. – Слышал?

– Похоже на храп, – сказал Винн. – Кто-то спит прямо на площади? Часовой?

– Займись им, – попросил Крис. – А я загляну на конюшню.

Крис перебросил свое гибкое тело через ограду и, пригибаясь, перебежал под стену ближайшего дома.

Винн бесшумной тенью пробрался за дом и двинулся к площади между сараями и высокими глиняными кувшинами, где хранилось зерно.

Чем ближе он подходил к площади, тем меньше становилась его уверенность, что звук исходит от спящего часового. Когда же он выглянул из-за угла, перед ним открылась печальная картина.

На длинной ветке сухого дерева рядом с фонтаном висел вниз головой человек в белой одежде. Рубаха закатилась, обнажая живот в багровых длинных рубцах и закрывая лицо. Руки его были связаны за спиной. Тяжелые, редкие вздохи человека сопровождались хриплыми затухающими стонами.

Оглянувшись, Винн подбежал к дереву, прижал к себе несчастного, чтобы он не свалился на голову, и двумя движениями ножа перепилил веревку, на которой тот висел. Осторожно присев и уложив человека на землю, он перерезал путы на руках, перевернул человека на спину и открыл его лицо. Это был Рохас.

Его трудно было узнать. Кожа на лице была цвета незрелой сливы. Один глаз затек огромной шишкой, над другим была рассечена бровь, корка крови покрывала половину лба и блестящей массой склеила курчавые волосы.

Винн хотел дать ему воды и потянулся за фляжкой. Краем глаза он уловил какое-то движение справа. Его рука вместо фляжки выхватила из-за пояса кольт, Винн развернулся и увидел бородатого бандита в расстегнутой рубахе, который выходил из-за сарая, неся ведро в руке.

Бандит выронил ведро и потянулся к кобуре, разевая рот для крика, но крикнуть не успел. Винн выстрелил, и между распахнутыми полами рубахи на волосатой груди бандита брызнула кровь.

– Держись, Рохас, мы с тобой, – сказал Винн, с радостью увидев, что его лучший

ученик открыл один глаз.

Он успел сорвать с пояса фляжку и вложить ее в руки Рохаса.

Его выстрел наверняка всех разбудил. Винн метнулся к сараю и увидел за ним двух бандитов, лежащих в соломе. Они уже начали вставать, опираясь руками о землю, но после двух выстрелов Винна они упали, чтобы больше никогда не подняться.

Где-то, распахинаясь, хлопнула о стенку дверь. Кто-то тревожно закричал, и крик этот был оборван выстрелом. Еще один выстрел ударил на другом конце деревни, и Винн понял, что все вступили в дело.

Ему надо было выманить бандитов из домов на площадь, где им негде будет укрыться. Он услышал приближающийся топот и прижался к стене. Бандит пробежал мимо него, на ходу застегивая пояс. Винн выстрелил ему в спину, и тот с разбега нырнул в пыль, словно обнимая землю, а пояс пролетел вперед, кувиркаясь в пыли.

Винн перебежал к соседнему дому, за дверью которого уже слышалась возня и грубая ругань незнакомых голосов. Пинком распахнув дверь, он увидел в полумраке комнаты несколько силуэтов в сомбреро. Выстрелив по ним, он отскочил обратно и встал за угол, не дожидаясь, пока люди повалятся или ответят огнем. Через секунду из проема двери выбежал один из бандитов, паля из винчестера прямо перед собой. Винн выстрелил ему в бок.

Бандита отбросило к другой стене, Винн метнулся за ним. Свободной рукой он подхватил винчестер: его револьвер был разряжен полностью. Успел встать на колено и повернуться к двери, и вовремя. Второй бандит, зажимая окровавленной ладонью рану на животе, уже целился в него из револьвера. Его шатало, и ствол ходил вверх-вниз. Винн выстрелил из винчестера от бедра, не поднимая приклада. Бандит сложился пополам и провалился обратно в черный проем двери.

Уже по всей деревне раздавались частые беспорядочные выстрелы, крики людей и истошное ржание напуганных лошадей.

Крис подобрался к конюшне и затаился за столбом конюязи, встав на одно колено. Еще не видя цели, приложился к винчестеру. Он знал, цель будет, и не одна... Его расчет оправдался. Скоро он услышал топот множества ног и разгоряченные крики: бандиты кинулись к своим лошадям. Один за другим они подбегали к конюшне и, всплеснув руками, падали, сраженные пулями Криса. Уложив третьего, он привстал, чтобы сменить позицию, и тут же в столбик ударила пуля, и колющие щепки отлетели в лицо Крису.

Бегом отсюда! Крис рванул в проулок между домами, перепрыгнув каменный забор. Рядом с ним, слева и справа одновременно, взвыли несколько рикошетов. По нему били прицельно. Крис упал, перекатился в сторону, отполз и снова вскочил, но уже за другим домом. Здесь пули от него отстали, и он смог, наконец оглянуться.

Крис увидел, что Винн, отстреливаясь от двоих бандитов, стрелявших в него из-за ограды, пятится к дверям дома. Неожиданно в окне за его спиной рассыпалось стекло, и оттуда высунулся ствол.

Крис не успел ни крикнуть, ни выстрелить, чтобы прикрыть друга: прямо на него из-за угла выскочила фигура в сомбреро, и он выстрелил по ней. А когда снова повернулся в сторону Винна, тот уже лежал на земле, и его пятнистая шляпа катилась в сторону.

Из разбитого окна за его спиной свисала наружу рука, под ней на земле валялся револьвер. Те двое за забором приподнялись над своим укрытием, и Крис вскинул винчестер, чтобы отплатить за друга. Но друг и сам успел это сделать. Винн резко перевернулся набок и выстрелил два раза. Его противники повалились обратно за забор, а Винн встал и, зажав рукой рану на бедре, хромя, побежал к дому, откуда в него только что стреляли,

«Пора и мне в укрытие», – решил Крис. Первая часть плана была выполнена. Бандиты всполошились, потеряли нескольких людей и теперь сбегаются на площадь, к дому Сотеро, где наверняка остановился и сам Кальвера. На площади их и накроет огонь Брика и О'Райли с крыши.

Он пустился бегом по улице к тому дому, где укрылся Винн. Пули щелкали о глинобитные стены домов и выбивали фонтаны рыжей пыли у него под ногами. На ходу

развернувшись, Крис увидел наконец тех, кто так упорно пытался его остановить. Сразу несколько бандитов стояли на веранде лавки и палили по нему из винчестеров. Пятясь к дому, он вскинул свою винтовку и ответил им. После первого же выстрела один из них упал на спину, а остальные юрко кинулись на землю.

Их винтовки продолжали щелкать, но теперь пули уходили мимо, и Крис был уверен, что успеет укрыться в доме.

Он подбежал к задним дверям и толкнул их плечом. Дверь, подпертая изнутри, не подалась.

На веранде раздались злорадные вопли, и Крис, прижимаясь спиной к шатким, но неподатливым створкам, выстрелил по лежавшим бандитам. Он увидел, как чье-то сомбреро подлетело в воздух, упало и покатилося. Перевел ствол левее, нажал на спуск – и вместо выстрела услышал безвольный щелчок. Осечка!

Крис сразу вспомнил, чьими патронами заряжен его винчестер.

Бандиты, пользуясь возникшей заминкой, завопили и дружно вскочили, чтобы кинуться вперед. Но вокруг них уже плясали фонтанчики пыли. Один бандит схватился за бок и закружился на месте, остальные снова залегли, отстреливаясь от всадника, который несся по улице и безостановочно палил в них из револьвера. Это был Гарри Флетчер.

– Держись, Крис! – кричал он на скаку. – Сейчас мы их сделаем!

Его конь вдруг вильнул, мотая головой, передние ноги подломились, и со всего маху тело мерина грохнулось об дорогу. Гарри, падая, успел выдернуть ноги из стремян. Он откатился в сторону, вскочил и, пригибаясь, кинулся к дому, где стоял Крис, держа в руках винчестер и патронные ленты.

Гарри не добежал до него двух шагов. В грохоте боя, за ревом выстрелов и диким ржанием раненого коня Крис все же услышал удар, с которым пуля пробила могучую спину его друга.

Гарри выгнулся, роняя ружье и патроны, упал на одно колено, попытался встать – и повалился набок.

Откуда-то появился Винн. Он помог Крису подхватить раненого и дотащить его до передней двери дома. Вдвоем они внесли его внутрь и задвинули засов на двери, в которую тут же начали ломиться бандиты.

– Ты как? – спросил Крис, увидев, что нога Винна от середины бедра залита бурой полосой и туго перетянута свернутым шейным платком. – Ранен?

– Ерунда, навывлет, – ответил Винн, подпирая толстую крепкую дверь столом. – Как Гарри?

– Ничего, ничего, – прохрипел Гарри, открывая глаза. – Я так боялся, что не успею... Все нормально... Я же говорил, вы чокнутые...

Коричневая рубашка на его груди была черной от проступившей крови, и в самой середине ее покрывала розовая пена. Она пузырилась и брызгалась при каждом тяжелом и свистящем вздохе раненого.

Винн и Крис обменялись коротким взглядом. Они оба понимали, что означает эта пена. Рана была слишком велика, чтобы ее можно было закрыть.

Винн отвернулся к окну и яростно выбил стекло. Выхватив револьвер, он начал стрелять в бандитов, пытавшихся окружить дом. Снаружи слышались крики боли и отчаяния.

Гарри лежал на полу, Крис бережно поддерживал его голову, не давая захлебнуться кровью.

– Скажи мне, Крис... – проговорил раненый, хватаясь за плечо друга слабеющей рукой. – Сейчас ты можешь сказать правду? Было бы обидно... умереть сельским сторожем. Ну, скажи... зачем мы здесь? Зачем? Что тут было, Крис?

– Ты сам знаешь, Гарри, – сказал Крис. – Ты сам давно догадался.

– Скажи сам, я хочу это слышать...

– Здесь золото, – твердо и громко сказал Крис. – Золото ацтеков.

– Как это красиво звучит... – Гарри на секунду закрыл глаза, но тут же открыл их и спросил деловито: – И на сколько тянет?

– Самое меньшее, на полмиллиона.

– Круто. Это же... по сколько на каждого?

– Твоя доля, – Крис сделал вид, что подсчитывает, – примерно тысяча семьдесят.

– Золото... – Гарри улыбнулся. Кровь проступила в уголке его рта и тонкой струйкой сбежала по щеке. – Хватило бы и пятидесяти тысяч...

Он закрыл глаза, продолжая улыбаться. Крис почувствовал вдруг, как потяжелела голова Гарри, лежавшая на его руке, словно страшная сила потянула ее к полу.

– Теперь, Гарри, все золото мира – твое... – сказал Крис вдогонку ушедшему другу.

БРИК

Он не стал спорить с Крисом, когда тот излагал свой план. У него был свой вариант действий. Перебить всех бандитов.

– Когда все кончится, собираемся на площади, – говорил Крис. – Чико, останешься с лошадьми.

– Нет, – твердо ответил Малыш.

– Но кто-то же должен их охранять, – сказал Крис. – Иначе нам не на чем будет возвращаться домой.

– Я не останусь. Я умею стрелять, у меня есть оружие, и я иду с вами, – сказал Чико и плотно сжал губы, словно показывая, что спор окончен.

Брик похлопал его по плечу.

– Не бегай, когда начнется. Они сами к тебе прибегут.

Чико благодарно улыбнулся.

– Расходимся, – сказал Крис и вместе с Винном, пригнувшись, ушел через кладбище.

Брик покрутил барабан одного трофейного кольта, потом второго и засунул их под ремень. В бою не будет времени перезаряжать оружие. Он не стал привязывать коня. Если вернется, конь сам его найдет.

Прежде чем отправиться на свою позицию, Брик оглянулся:

– Ли, забыл тебе сказать. Хорошая работа.

Ли Броуди приложил два пальца к полям шляпы. Чико, часто моргая, смотрел на Брика, ожидая добрых слов и для себя. Брик не удержался и сказал:

– Малыш, береги шляпу.

– Что-то ты разговорился, – заметил хмурый О'Райли. – Пошли скорей. Не люблю, когда меня ждут.

– Я направо, – сказал Брик.

Место, которое он выбрал, было настолько удобным, что ему стало неловко перед ребятами. Полуразваленная стена из необожженных кирпичей возвышалась как раз до середины груди. Идеальная позиция для стрельбы стоя. Правее и левее стена обвалилась до уровня живота, и оттуда он мог стрелять с колена. Сзади и с боков стена тоже сохранилась и защищала его со всех сторон.

Он приставил винчестер к стене и замер, прислушиваясь к утренним звукам. За его спиной в кустах уже принялись чирикать воробьи. Хлопая тяжелыми крыльями, низко пролетели две вороны. Они уселись на стенку, подозрительно оглядывая неподвижную фигуру Брика.

Гулко ударил выстрел, и его эхо раскатилось по деревне. За ним еще два, из того же ствола.

Вороны с шумом взлетели и быстро умчались в сторону леса. Воробьи в кустах тоже притихли.

Брик присел, положив ствол винчестера на осыпавшийся кирпич. Ему видна была площадь и главная улица на всем ее протяжении. Он увидел, как в доме Сотеро за окнами замелькали белые пятна лиц, как распахнулись двери и на веранду высыпали бандиты, на ходу застегивая пояса.

Стрелять отсюда мешала ограда веранды, и Брик, сдерживаясь, ждал, пока они выйдут на открытое пространство.

На улицах деревни тут и там хлопали выстрелы револьверов, раскатисто щелкали винтовки. Кто-то заливисто кричал от боли, то затихая, то с новой силой. Ржали лошади в конюшне, взвизгивая после каждого выстрела.

Первый бандит выбежал на площадь, потрясая винтовкой над головой. Брик не успел прицелиться, как он повалился на землю, словно на ходу напоролся животом на невидимую пику.

Этот О'Райли вечно лезет первым. И тут же, как по заказу, на площадь выбежала большая группа бандитов. Брик принялся бить по ним из винчестера, начав с левого края, и валил по одному, пока они не догадались залечь за телами убитых.

Неожиданно две пули слитно щелкнули у Брика за спиной, отколов от кирпичей пару изрядных кусков.

Он повел ствол вправо и увидел в разрезе мушки широкополую шляпу, торчавшую над забором. Брик выстрелил, целясь ниже. Шляпа подлетела вверх вместе с щепками от забора, и бандит повалился, вскинув обе руки.

За спиной щелкали и завывали пули, теперь они летели в него непрерывно. Брик дождался, когда шум стихнет, а вместо треска пуль послышится топот множества ног, и встал во весь рост. Прямо на него бежали четверо, и он плотно прижал рукоятку кольца к поясу, прежде чем открыть огонь. С каждым выстрелом Брик чуть доворачивался вправо, и с каждым выстрелом бегущих становилось все меньше, и последний упал уже в двух шагах от его стены.

– Давайте, давайте, все ко мне! – звал Брик, вытряхивая гильзы из барабана.

БЕРНАРДО О'РАЙЛИ

Крыша сарая была влажной от росы, и лежа на жестких пучках тростника, О'Райли уже через минуту почувствовал, что рубашка на животе стала холодной и липкой.

«Скорей бы началось, – подумал он, – так и простыть недолго, виски я забыл в сумке».

Солнце поднималось быстро, и крыша мгновенно просохла и посветлела. Услышав выстрелы, О'Райли встал на одно колено и навел винчестер на крыльцо дома Сотеро. Больше всего он боялся, что бандиты выгонят на улицы жителей деревни и будут прикрываться ими. Так делали солдаты, когда на индейский поселок, где они ночевали, на рассвете напали мужчины, прятавшиеся в лесу. Солдаты собрались внутри живого кольца из старух и детей и стреляли оттуда по индейцам, которые скакали вокруг.

«Но Кальвера до такого не додумался. Мы не дали ему времени решить как защитить себя, – думал О'Райли. – И теперь ему конец».

О'Райли отвлекла фигура, выбежавшая на площадь из боковой улицы. Он выстрелил по ней, отжал затвор и снова навел оружие на веранду, краем глаза следя за тем, в кого стрелял. Все в порядке. Один готов. Еще бы десяток, и можно помирать, Но никак не раньше.

Их было много, слишком много, и он стрелял по ним с колена, отбрасывая опустевшее ружье и подбирая лежащее рядом. Пули с жужжанием проносились над ним, напоминая, что на крыше ему негде укрыться. Но он укрывался огнем. Он стрелял так часто и так метко, что противнику пришлось прятаться, залегать, метаться между домов, а там их настигали выстрелы Брика.

У него остался еще один заряженный винчестер, когда страшная сила толкнула его в плечо и опрокинула на сухой тростник крыши.

"Рано, слишком рано! – возмутился О'Райли, пытаясь подняться. Вторая пуля впиалась в руку, и он выронил винтовку.

«Нет, это еще не конец», – упрямо твердил он, уцелевшей левой рукой подтягивая непослушное тело к краю крыши. Ему удалось перегнуться через край и свалиться на землю. От удара он ненадолго потерял сознание, а когда очнулся, по площади уже метались кони, и

бандиты на бегу взбирались на них. Несколько всадников уже скакали к дороге, ведущей в горы, но там их должен был встретить Брик.

«Где Брик?» – встревожился О'Райли.

На месте! Двоих вышибла из седла невидимая сила, а третий поднял коня на дыбы, развернул и помчал обратно на площадь.

О'Райли ощутил в левой руке шершавую рукоятку кольца, вскинул его – и третий всадник кувыркнулся с коня.

ЛИ БРОУДИ

Ли Броуди не спешил вступать в бой. Уже гремела перестрелка на другом конце деревни, а Ли продолжал подкрадываться к старому сараю. Чико убежал куда-то в сторону, и там тоже слышались частые выстрелы, но Ли не оглядывался и не спешил ему на помощь.

Старый сарай привлек его внимание тем, что на улице, ведущей к нему, валялись обрывки окровавленной ткани и измятое соломенное сомбреро. Виднелись также следы, оставленные в пыли множеством ног. Ему не нужно было других данных, чтобы вычислить, куда увели тех, кто стрелял по бандитам.

Ли подкрадывался, ступая по мягкой земле огородов, и темные блестящие листья намочили его колени росой. Длинный сарай, крытый тростником, стоял на краю деревни. Его задние ворота были заколочены крест-накрест двумя жердями. Если сарай охраняется – а он, конечно, охраняется, – то только со стороны передних ворот.

Броуди пришлось отступить и обойти еще два дома, чтобы выйти, наконец, на улицу перед сараем. Наблюдая из-за угла, заметил, что ворота сарая охраняют трое бандитов.

Один сидел на перевернутой корзине и загонял патроны в магазинное окошко винчестера. Двое других стояли рядом и громко спорили, размахивая руками. Насколько мог понять Ли, один из них собирался бежать туда, где слышалась стрельба. Второй убеждал его остаться и охранять *sabrones*¹⁴.

Ли Броуди решил прекратить их спор. Он вышел из-за угла и не спеша направился к сараю.

Увлеченные спором, бандиты не сразу его заметили. Когда же их красные небритые физиономии повернулись к нему, до них было уже двадцать шагов. Ли шел по-прежнему неспешно, словно на прогулке, и выиграл еще три шага, прежде чем они потянулись за оружием. А с пятнадцати шагов он не промахивался.

Тот, что сидел на корзине, успел привстать, но выстрел в грудь пригвоздил его к стене сарая. Двое стоящих успели выстрелить из своих револьверов, их пули ударились в землю на полпути между ними и Ли. На второй выстрел времени у них не было, и они повалились друг на друга, так и не закончив свой спор.

Ли вложил «смит-вессон» в кобуру и распахнул ворота сарая. В этой деревне, наверно, не было ни одного замка, иначе пленным не пришлось бы сторожить втроем.

Пленные не сразу поняли, что их освободили. Первым из сарая появился молодой Мигель. Он молча подхватил с земли бандитский винчестер и побежал к площади, припадая на одну ногу.

Остальные фермеры кинулись за ним, громко крича и размахивая мотыгами, которые подобрали рядом с сараем. Их возмущенные голоса заглушали звуки выстрелов. На их крики из домов стали выскакивать другие люди в белом, тоже с мотыгами и с мачете. Они вливались в толпу, которая скоро перегородила улицу, удаляясь к площади и поднимая прозрачную пыль.

Ли посмотрел им вслед. Он не привык бегать, ползать, стрелять из укрытия, поэтому ему не хотелось сейчас догонять освобожденных крестьян и вместе с ними участвовать в

¹⁴ Испанское ругательство.

бою, который разгорался на площади.

«Надо помочь и Крису», – вспомнил он и снова потянулся за револьвером. И вдруг Ли уловил какое-то движение за спиной. Он подумал, что это еще один, засидевшийся в плену, фермер выходит из сарая, и, не оглядываясь, пошел к площади.

В этот момент умирающий бандит, сидевший привалясь спиной к стенке сарая, поднял левую руку с зажатым в ней кольтом, закрыл глаза и нажал на спуск.

Ли услышал грохот выстрела сзади. Он ощутил всего лишь толчок в спину, под левую лопатку. Не было ни боли, ни страха. Ничего больше не было.

ЧИКО

Больше всего Малыш жалел, что не успел узнать, где живет Луисита. Как было бы здорово ворваться в ее дом и у нее на глазах перестрелять всех этих гнусных типов!

Он затаился за каменной баррикадой и прислушался. За соседним домом фыркала лошадь. Чико взвел курок кольта и, прижимаясь к стене дома, скользнул вдоль нее. За углом стояла лошадь, привязанная к раме распахнутого окна.

Чико понимал, что это бандитская лошадь, и значит, в доме спит хотя бы один негодяй. Но если начать стрелять через окно или выбить дверь и ворваться в комнату, как он сможет отличить спящего бандита от фермера? В кого стрелять?

Загадка разрешилась сама собой. В отдалении ударил выстрел, потом еще. В доме послышались громкие шаги, так могли топтать только сапоги со шпорами.

Из окна высунулся старый бандит с седой курчавой бородой от самых глаз. Он был одет как обычно, и даже патронные ленты оставались на его плечах, и только сомбреро было не на голове, а висело за спиной.

Они спят не раздеваясь, догадался Чико, наводя кольт на грудь, перечеркнутую патронными лентами. После выстрела старый бандит повалился обратно в комнату. Чико выждал несколько секунд и подбежал к соседнему дому.

Он пинком распахнул дверь и увидел перед собой бандита, встающего с пола, где лежало расстеленное пончо. Чико выстрелил в него два раза. Из глубины комнаты сверкнула вспышка, Малыш отскочил назад и кинулся бежать. Вдогонку ему дважды хлестнули выстрелы винчестера. Чико перепрыгнул через забор, откатился в сторону и выглянул. В проеме двери стоял, оглядываясь, другой бандит. Чико принялся торопливо стрелять по нему, в горячке забывая прицеливаться. После четвертого выстрела курок щелкнул по пустому барабану, но противник уже сполз по стене, оставляя на ней красный след.

Чико лихорадочно вытаскивал патроны из пояса и вставлял их в барабан, когда послышались приближающиеся крики разъяренной толпы. Он поднял голову и увидел, как мимо него по улице бегут к площади крестьяне. Они были без шляп, босые, но каждый потрясал над головой мотыгой, вилами или мачете.

«Куда они лезут, их же перестреляют!» – подумал Чико и вскочил, чтобы догнать и остановить их.

Но они уже выбежали на площадь и накинулись на бандитов, которые толпились возле запертых дверей углового дома. Люди в белом заслонили бандитов от Чико, и он не мог стрелять, да это уже и не понадобилось. Мотыги вздымались, и опускались, и снова вздымались – уже красные.

Редкие выстрелы потонули в диком яростном крике, в воплях ужаса и боли, в безумном визге лошадей.

Всадники носились по площади, но их стаскивали, валили на землю, и снова вздымались и падали окровавленные мотыги.

КОНТРАКТ ВЫПОЛНЕН

- Долго мы еще продержимся? – крикнул Винн, перебегая к другому краю окна.
- Если не подожгут дом, – сказал Крис.
- Тише ты, еще услышат! – закричал Винн, стреляя сквозь остатки стекла.

Кислый пороховой дым слоями стоял в комнате. Крис набил барабан «смит-вессона» патронами. В поясе у него осталось еще три патрона, и он не знал, успеет ли ими воспользоваться, если бандиты вышибут дверь.

Но уже через полминуты он заметил, что за стенами их укрытия, там, на площади и улицах деревни, что-то изменилось. В дверь перестали ломиться, и из-за нее доносились крики яростной схватки. Крис продолжал стоять перед дверью с револьвером в руке, готовый стрелять в тех, кто ворвется сюда первым.

И вдруг неведомая сила заставила его развернуться и шагнуть в сторону. В маленьком мутном окне позади себя Крис увидел чье-то темное лицо и блестящий ствол револьвера.

Он успел выстрелить первым. Брызнули осколки, и в человеке за окном Крис узнал Кальверу.

Пока бандиты выбивали двери, Кальвера прокрался за дом, протиснулся между кувшинами и подобрался к тыльному окошку. Он не успел выстрелить в спину противнику. И теперь полулежал на полу, привалившись спиной к ограде. Револьвер валялся далеко в стороне. Между пальцами руки, прижатой к груди, волна за волной, сочилась яркая кровь. Глядя мутнеющими глазами на Криса, Кальвера шептал.

Крис подошел к нему, держа револьвер наготове.

Бандит говорил еле слышно, но лицо его было искажено, словно он кричал:

– Зачем ты вернулся? Сюда... Зачем... Не понимаю... Что тебе надо от этой нищей деревни?

Крис наклонился к умирающему и, отчетливо выговаривая каждое слово, произнес:

– Никакого бизнеса. Это личное. Очень личное.

Глаза Кальверы закрылись, брови страдальчески вскинулись вверх, наморщив мокрый лоб. Через секунду лицо его разгладилось, и голова безвольно склонилась на грудь.

Крис вышел на площадь. Тут и там валялись распростертые тела. Где-то в боковой улице еще слышались крики и удары, там добивали последних бандитов. Люди в белом собирались на площади. Многие держали в руках окровавленные мачете.

– Никто не убежал! – сказал ему Мигель. – Мы не выпустили ни одного! Они убили Пако и Карлоса, но мы не выпустили ни одного! Как вы, сеньор Крис? Вы ранены?

Крис увидел, что его левая кисть покрыта кровью, а рукав рубашки липнет к коже. Потом пришла боль. Он зажал раненое плечо рукой и почувствовал, что кровь просачивается сквозь пальцы.

– Надо перевязать, – озабоченно сказал Мигель.

– Потом, потом, – сказал Крис, пытаясь пальцами сжать края раны. – Сейчас все соберемся и всех сразу перевяжем. Винн тоже ранен. Вон Чико идет, вроде целый...

Чико был целый и невредимый, чего не скажешь о его одежде. Его рубашка была изодрана, а жилет лопнул на спине, когда он стаскивал с коня удирающего бандита. На его широких скулах виднелись ярко-красные ссадины, но глаза горели победным блеском.

– Крис, ты видел? Ты видел, как мы их голыми руками давили? – возбужденно говорил он, встряхивая кулаком над ухом. – А где все? Где Брик?

Брика они нашли в развалинах. Он лежал, выпустив из длинных пальцев клинок, который собирался, но не успел метнуть во врага. Его револьверы были пусты, и в поясе не осталось ни одного патрона. Девять трупов лежали вокруг него. Кирпичные стены были густо выщерблены пулями. Этот свинцовый ливень не задел Брика, но одна предательская пуля, выпущенная откуда-то сбоку, прошла под левой рукой и остановила его сердце...

– Там Бернардо! Бернардо! – с плачем кричали мальчишки, пробегая мимо Криса и Чико по улице.

Непомерно длинное тело О'Райли растянулось под сараем, с которого он начал свой последний бой. Его рубашка на спине была изодрана пулями, и мальчишки, сидя на коленях перед убитым героем, пытались распрямить окровавленные лоскутки.

Винн подошел, прихрамывая и опираясь на винчестер.

– Убит? – спросил он безнадежно. – Там принесли еще Ли. Застрелен в спину. У нас

большие потери, сэр.

– Сеньор Ли освободил нас, – сказал Мигель.

– Если бы не он... – Хилларио покачал головой.

– Да, – сказал Крис. – Если бы не он.

«Ну что, Ли Броуди, ты доволен игрой? – мысленно спросил он. Не знаю, как ты считал, но теперь-то мы никогда не будем в расчете. Живые всегда остаются в должниках перед ушедшими. Не знаю, какую игру ты вел в этот раз, но сыграл ты, как всегда, безупречно».

Брик тоже победил в своей игре. «Они убили девочку», – вспомнился Крису его низкий голос... Упрямый и беспощадный, он так и не согласился оставить живым хоть одного врага. И, значит, некому будет рассказывать местным бандитам легенды про страшного гринго Брика Болтуна.

Бернардо О'Райли наконец вернулся туда, куда звала его мексиканская кровь. «Каждый сам выбирает, куда ему возвращаться», – сказал он.

Теперь он будет лежать в родной земле рядом с Гарри. И их души еще долго будут переговариваться о зарытых сокровищах ацтеков, которые теперь стали к ним ближе.

– Крис, Крис... – словно издали донесся до него голос Винна.

Он пошатнулся, но устоял на ногах.

– Да из тебя льет, как из пробитой бочки! Пошли в дом, – сказал Винн. – Надо перевязать рану. Все кончено.

НОВЫЕ ДОРОГИ

У победителей раны заживают быстро. Через три дня Винн перестал прихрамывать. Плечо Криса почти не болело, но Старик посоветовал пока не снимать повязку.

– Вам предстоит долгая дорога, – сказал он. – Вряд ли вы встретите в пути врача.

– Надеюсь, он нам не понадобится, – сказал Винн. – А если вдруг раны откроются, то я знаю одно замечательное средство.

– В таких случаях обычно рекомендуют девичью мочу, – заметил Старик. – Но на вашем пути еще долго не попадет ни одной девицы.

– Может быть, нам прихватить одну из вашей деревни? – предложил Винн, скосив глаз на Чико.

Малыш, как и следовало ожидать, вспыхнул и засопел. Он стоял у своего чалого мерина и в сотый раз подтягивал подпругу.

Крис пожал руку Старiku и, не затягивая прощания, поднялся в седло.

Он медленно оглядел деревню, стараясь отложить в памяти и эту площадь с безводным фонтаном, и стены со следами пуль, и четыре высоких деревянных креста, белеющих над кладбищенской стеной.

Улицы были пустынные, но не потому, что жители деревни прятались от врагов. Пришли иные времена. Если понадобится, каждый мужчина возьмет в руки винтовку, а патронов им хватит надолго.

Все до единого крестьяне вышли на поля. Их буйволы застоялись без работы, их земля изнывала от жажды, их руки истосковались по мирному труду под животворными лучами солнца. Фигурки людей в белых одеждах были разбросаны среди зеленых полос на склонах. Где-то там был Рохас, где-то Мигель, где-то погонял своих мулов Хилларио. Все мужчины были в поле, стремясь наверстать упущенное. Их было меньше, чем всегда, поэтому надо было работать и за тех, кто погиб, сражаясь с бандитами.

Не было видно и Сотеро. Никто не заметил, когда исчез лавочник. Наводя порядок после боя, крестьяне обнаружили, что в его конюшне стоят новые лошади, но нет ни одного мула. Наверно, Сотеро успел погрузить на них свои пожитки и покинуть деревню ночью.

Женщины в темных одеждах сидели под навесами и лушили кукурузные початки. Одна из них все оглядывалась украдкой в сторону площади, где стояли, собираясь в путь, Крис,

Винн и Чико.

Чико старался не смотреть в ее сторону, но все никак не мог сесть в седло. То седельная сумка болталась на ослабшем ремешке, то репей никак не отцеплялся от уздечки...

– Куда вы теперь? – спросил Старик.

– Пока не знаю, – Крис пожал плечами и поморщился от неожиданной боли. – У меня были дела в Нью-Йорке, но я передумал ими заниматься. Пока двинем на юг, а дальше... Дорога подскажет.

– Может быть, подадимся в Матаморос, – сказал Винн. – Говорят, красивый город.

– Красивых городов много. Но вряд ли вы будете наслаждаться ими: отвлекут другие дела. Еще многие нуждаются в вашей защите, – сказал Старик. – Но вы можете остаться и здесь. Эти люди будут рады принять вас в свою семью.

– По крайней мере, одного из нас, – поправил его Винн.

Чико, наконец, взлетел в седло и с мрачной решимостью на лице развернул коня к дороге. Он поправил шляпу и хрипло сказал:

– Я готов.

Крис внимательно посмотрел в его глаза. Это было нелегко, потому что Малыш отводил взгляд. Казалось, больше всего на свете его сейчас занимает пространство между ушами его чалого мерина.

– Дружище, – сказал ему Крис. – Не надо нас провожать.

Чико поднял голову, смущенно улыбаясь.

– Крис... Винн... Я так рад, что встретил вас... – сказал он, с трудом подбирая слова. – Если вы думаете, что я могу остаться...

– Ты должен остаться, – сказал Крис.

– Мы обязательно заглянем к тебе на обратном пути, – сказал Винн. – Прощай!

– До встречи, амигос!

Они подстегнули коней и поскакали по дороге. Проехав под каменными воротами, Крис оглянулся и увидел, как Чико, сойдя с коня, расстегивает свой оружейный пояс, снимает кобуру и засучивает рукава.

– Одним фермером стало больше, – сказал он.

– Через год их тут станет еще больше, – с легкой завистью в голосе отозвался Винн. – Малышу придется постараться за всех нас.

Крис прищипорил коня, и они поскакали по пыльной дороге навстречу синим горам, и ветер, ласкающий долину нес с собой запахи новых дорог.